

ISSN 0321-0626

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 9 ЖУРНАЛ

1993

"...ИСТОРИЯ
ПРЕДКОВ
ВСЕГДА
ЛЮБОПЫТНА
ДЛЯ ТОГО,
КТО ДОСТОИН
ИМЕТЬ
ОТЕЧЕСТВО".

Н.М. Карамзин

Под «колпаком»
гестапо

Вильгельм
Кейтель:
признания
без покаяния

Когда страна
рождала
ядерных
титанов

Май-сентябрь
1939-го:
«Паразиты у власти!»

ЗАВТРАК КАЗАКА. Плакат периода войны России с Японией. 1904 г.
Читайте в номере материал «Секреты» русско-японской войны»

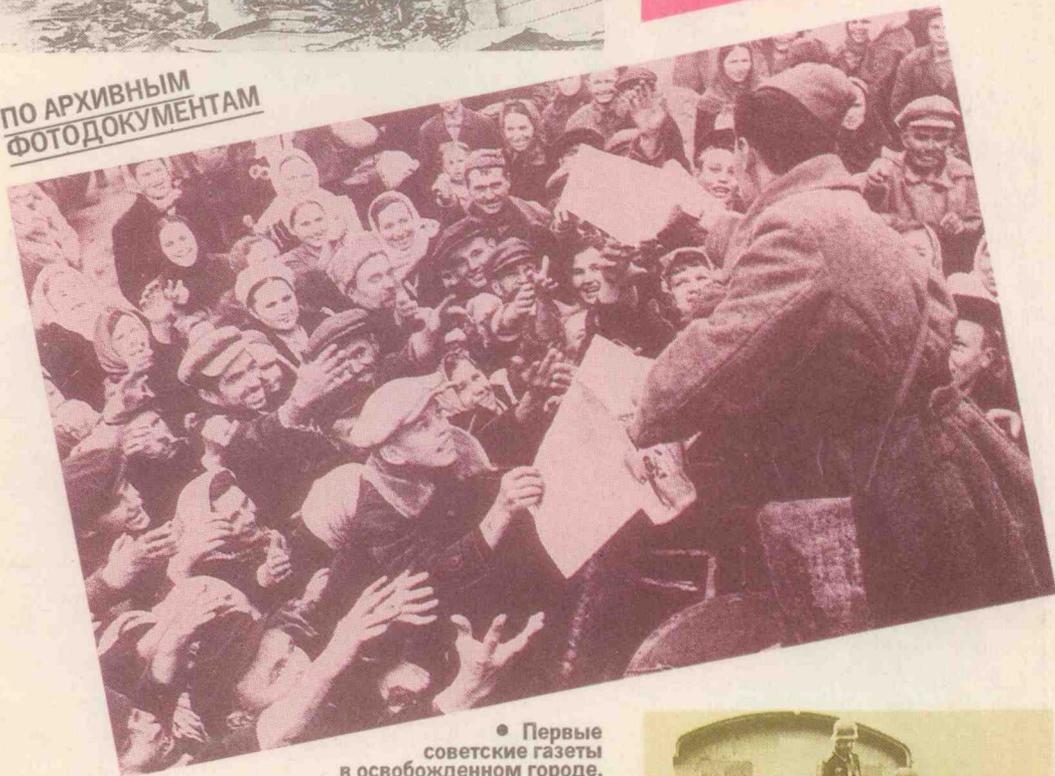

• Разрушенный Смоленск, оставленный немецкими войсками. Сентябрь 1943 г.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ. Сентябрь 1943-го.

ПО АРХИВНЫМ
ФОТОДОКУМЕНТАМ

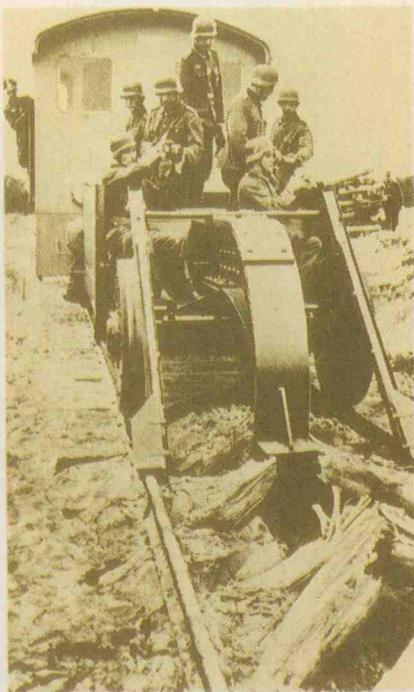
• Первые советские газеты в освобожденном городе.

• Гитлер прибыл в штаб командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна. Разрабатываются экстренные меры по удержанию правого берега Днепра (г. Запорожье, сентябрь 1943 г.).

• «Шиненвольф» — немецкие установки для разрушения железнодорожных путей.

(Из германского архива)

УЧРЕЖДЕН
МИНИСТЕРСТВОМ
ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

9 1993

Ежемесячное издание Генерального штаба Вооруженных Сил России

Главный редактор
В. С. ЕЩЕНКО.

Редакционная коллегия:

Н. Т. АКСЕНОВ
(заместитель
главного редактора),
И. А. АНФЕРТЬЕВ
(ответственный
секретарь).

А. Д. БОРЩОВ,
В. А. ЗОЛОТАРЕВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. ИЩЕНКО,
Д. Ш. КАРИМОВ,
Г. И. КОРОТКОВ,
О. Ю. ЛАТЫПОВ,
Ю. К. ЛУГОВОЙ,
А. М. МАЙОРОВ,
Р. Г. ПИХОЯ,
А. Н. СЕНИЦЫН,
А. М. СОКОЛОВ,
В. А. ЧИРВИН,
В. И. ШЕРЕМЕТ.

Художественный редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
редакция «Военно-
исторического журнала».
Тел.: 296-44-87, 296-45-08,
296-45-16, 296-45-35.

Сдано в набор 6. 07. 93.
Подписано к печати 30. 09. 93.
Бумага 70x108/16.
Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 11,3.
Усл. кр.-отт. 12,6.
Тираж 23 000 экз. Зак. 1443.
Цена 70 р. Регистр. № 01978.

Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-7,
Хорошевское шоссе, 38.

Компьютерный набор
Е. В. МЕЖЕВОЙ, И. В. КУЗИНОЙ,
В. Ю. БОГДАНОВОЙ.
Компьютерная верстка
В. Н. КУЦЕНКО, Ю. С. ХАРИТОНОВОЙ.

© «Военно-исторический журнал»,
1993.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва, 1993.

- **ВПЕРВЫЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ**
С. Д. АНДРЕЕВ — Отдали жизнь за Родину 2
Н. В. БОРИСОВ — Побратимы А. Матросова 6

- **ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ**
Г. С. БЕЛОБОРОДОВ — Брали врага «ежовыми
рукавицами» 9

- **ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ**
Е. П. СЛАВСКИЙ — Когда страна стояла на плечах
ядерных титанов 13
Ю. В. ВОТИНЦЕВ — Неизвестные войска
исчезнувшей сверхдержавы 26

- **ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА**
Н. Н. ГОЛОВИН — Военные усилия России в
мировой войне 39

- **ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ**
Погибли в годы беззакония
(Публикация О. Ф. СУВЕНИРОВА) 47

- **ЗА КУЛИСАМИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»**
Под «колпаком» гестапо
(Публикация В. П. ЯМПОЛЬСКОГО) 51
Признания без покаяния
(Публикация В. А. ЛЕБЕДЕВА) 56

- **ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РАБОТА**
С. Н. РУБАН — От какого наследства мы
отказываемся? 67

- **ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ**
В. М. САФИР — «Высочайшим приказом
награждается...» 72

- **СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ**
И. И. ПСТЫГО — Устарела ли теория Дуэ? 80

- **ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ**
В. А. АВДЕЕВ — «Секреты» русско-японской
войны 83

- **С ЮМОРОМ — К ПОБЕДЕ**
Метким ударом
(Публикация А. Е. ВИХРЕВА) 90

- **ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ**
Под лозунгом «Паразиты у власти!»
(Публикация В. А. ПРОНЬКО) 93

Отдали жизнь за Родину

СПИСОК

генералов, адмиралов, корпусных и дивизионных комиссаров
Советской Армии и Военно-Морского Флота, погибших,
умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны
(22 июня 1941 г.—9 мая 1945 г.)

В. И. Найденов

П. Н. Найдышев

Г. М. Немудров

В. И. Неретин

232. Генерал-майор Найденов Василий Иванович, 1893 года рождения. Командир 38-й стрелковой дивизии Западного фронта. Умер от болезни 9 января 1942 года. Данных о месте захоронения нет.

233. Генерал-майор Найдышев Павел Николаевич, 1900 года рождения. Командир 113-й стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта. Погиб в бою 29 марта 1945 года. Похоронен в г. Самборе (Югославия).

234. Генерал-майор Немудров Гавриил Маркелович, 1896 года рождения. Начальник курсов усовер-

шенствования военно-юридического состава при военно-юридической академии. Умер от болезни 6 января 1945 года. Похоронен в Москве.

235. Генерал-майор Неретин Василий Иванович, 1900 года рождения. Командир 266-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта. Погиб в августе 1941 года в районе г. Щорса. Похоронен в г. Щорсе Черниговской области.

236. Контр-адмирал Невский Николай Николаевич, 1893 года рождения. Командир отряда вновь строящихся кораблей в г. Комсомольске-на-Амуре

(ТОФ). Умер 17 января 1945 года. Похоронен в Хабаровске.

237. Генерал-майор Никитин Иван Семенович, 1897 года рождения. Командир 6-го кавалерийского корпуса Западного фронта. Пленен противником в июле 1941 года, погиб в плену в апреле 1942 года.

238. Генерал-майор Николаев Алексей Павлович, 1898 года рождения. Заместитель командира 29-го танкового корпуса 1-го Украинского фронта. Умер от болезни 28 сентября 1944 года. Похоронен в Киеве.

239. Генерал-лейтенант Николаев Иван Федорович, 1890 года рождения. Командующий 70-й армией 1-го Белорусского фронта. Умер

Н. Н. Несвицкий

И. С. Никитин

А. П. Николаев

И. Ф. Николаев

Н. А. Никулин

К. И. Новик

П. Г. Новиков

Т. Я. Новиков

18 августа 1944 года. Похоронен в Ленинграде.

240. Генерал-майор Никулин Николай Александрович, 1891 года рождения. Начальник тыла 2-го Белорусского фронта. Умер от ран 7 января 1945 года. Похоронен в Москве.

241. Генерал-майор Новик Константин Игнатьевич, 1889 года рождения. Заместитель командующего 48-й армией Брянского фронта. Погиб 27 августа 1942 года при артиллерийском обстреле противника. Похоронен в г. Ефремове Тульской области.

242. Генерал-майор Новиков Петр Георгиевич, 1906 года рождения. Командир 109-й стрелковой дивизии Приморской армии. Пленен противником под Севастополем в июле 1942 года, убит в плену в 1944 году.

243. Генерал-майор Новиков Тимофей Яковлевич, 1900 года рождения. Командир 181-й стрелковой дивизии Западного фронта. Пленен противником в августе 1942 года, умер в плену в декабре 1944 года.

244. Генерал-лейтенант авиации Новицкий Федор Федорович, 1870 года рождения. Преподаватель Военной академии имени М. В. Фрунзе. Умер от болезни 6 апреля 1944 года. Похоронен в Москве.

245. Генерал-майор авиации Новодранов Николай Иванович, 1906 года рождения. Командир 3-й авиационной дивизии дальнего действия. Погиб 30 августа 1942 года в авиационной катастрофе. Похоронен в поселке Монино Московской области.

246. Генерал-майор Ноздронов Михаил Кузьмич,

1898 года рождения. Заместитель начальника Военной академии моторизации и механизации Красной Армии. Умер от ран 19 апреля 1945 года, находясь на стажировке в действующей армии. Похоронен в Москве.

247. Генерал-майор Оборин Степан Ильич, 1892 года рождения. Командир 14-го механизированного корпуса. Арестован и осужден. Посмертно реабилитирован. Данных о месте захоронения нет.

248. Генерал-майор Оганесян Николай Александрович, 1899 года рождения. Командующий артиллерией 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Погиб в бою 21 января 1945 года. Похоронен в Житомире.

249. Генерал-майор Огурцов Сергей Яковлевич, 1898 года рождения. Ко-

Ф. Ф. Новицкий

Н. И. Новодранов

М. К. Ноздруов

С. И. Оборин

Н. А. Оганесян

С. Я. Огурцов

П. А. Окунев

А. А. Онуфриев

А. Г. Орлов

К. О. Осипов

Н. А. Остряков

П. Н. Офросимов

мандир 10-й танковой дивизии Юго-Западного фронта. Пленен противником в августе 1941 года. В апреле 1942 года из плена бежал. Погиб в бою в октябре 1942 года, будучи в партизанском отряде. Похоронен у с. Зелено Тамшовского района Люблинской области (Польша).

250. Генерал-майор Окунев Петр Андреевич, 1895 года рождения. Командующий артиллерией 4-й армии Волховского фронта. Умер от болезни 7 мая 1943 г. Похоронен в с. Будогощь Киришского района Ленинградской области.

251. Генерал-майор Онуфриев Александр Алексеевич, 1904 года рождения. Командир 38-й гвардейской стрелковой дивизии Юго-Западного

фронта. Погиб 25 февраля 1943 года. Похоронен в с. Красный Оскол Харьковской области.

252. Вице-адмирал Орлов Александр Григорьевич, 1900 года рождения. Начальник технического управления Военно-Морского Флота. Погиб в авиационной катастрофе 28 апреля 1945 года. Похоронен в Москве.

253. Контр-адмирал Осипов Кирилл Осипович, 1898 года рождения. Начальник Высшего Тихоокеанского военно-морского училища. Умер 9 мая 1945 года. Похоронен во Владивостоке.

254. Герой Советского Союза генерал-майор авиации Остряков Николай Алексеевич, 1911 года рождения. Командующий военно-воздушными силами Черноморского флота. По-

гиб при налете вражеской авиации в Севастополе 24 апреля 1942 года. Похоронен в Севастополе.

255. Генерал-майор Офросимов Петр Николаевич, 1892 года рождения. Командующий артиллерией 33-й армии Западного фронта. Погиб в мае 1942 года. Данных о месте захоронения нет.

В № 12 1992 г. в списке «Отдали жизнь за Родину» по техническим причинам перепутаны подписи под фотоснимками Еремина С. И., Ермалова В. Г. Эти подписи следует поменять местами.

*Публикация
С. Д. АНДРЕЕВА
Фото предоставлены
А. А. СТЕПАНОВЫМ*

(Продолжение следует)

Выписывайте журнал
внутренних войск МВД

Индекс 70610

«НА БОЕВОМ ПОСТУ»

Журнал «На боевом посту» — военно-публицистическое и литературно-художественное издание. Учредителем его является Министерство внутренних дел Российской Федерации. Издатель — Главное управление командующего внутренними войсками МВД России.

Журнал издается ежемесячно. Распространяется по подписке и в розницу. Имеет еженедельное приложение — газету «Ситуация» (индекс 50157).

Приоритетными проблемно-тематическими направлениями журнала и газеты являются: информирование широкой читательской аудитории о роли и месте внутренних войск в государственных структурах; формирование объективного общественного мнения по всему спектру их жизни и деятельности; отражение практики работы органов внутренних дел России, сил правопорядка других государств СНГ.

Профессиональные внутренние войска становятся явью. Какими бы мы хотели их видеть? Миротворцами по типу «голубых касок»? Силами быстрого реагирования, мобильными, способными в любую минуту оказаться в очередной горячей точке? Можем ли мы, российские граждане, рассчитывать на общественную и личную безопасность, обеспечение которой во многом зависит от парней в краповых беретах?

Только в журнале «На боевом посту» вы найдете исчерпывающие ответы на эти непростые вопросы!

Стоимость подписки на журнал: на один месяц — 480 рублей, на полугодие — 2880 рублей. Подписка на газету «Ситуация» составит на один месяц — 300 рублей (4 номера), на полугодие — 1800 рублей.

Наш адрес: 107120, Москва, Б-120, Сыромятнический проезд, 8. Телефоны: 361-81-71, 361-82-57.

Расчетный счет редакции № 340616 в коммерческом банке «Лефортовский» г. Москвы, МФО 201207.

ПОБРАТИМЫ А. МАТРОСОВА

Губайдуллин Мингали Хабибуллович — гвардии лейтенант, командир пулеметного взвода 309 гв. сп 109 гв. сд 28-й армии 3-го Украинского фронта. 8 марта 1944 года в бою у села Дудчаны, ныне Нововоронцовского района Херсонской области, грудью закрыл амбразуру вражеского дзота. 3 июня 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 23 октября 1923 года в селе Уршак-башкарамалы Миякинского района Башкирской АССР в семье крестьянина. Башкир. Член ВЛКСМ. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1942 года. Окончил Буйнакское военное пехотное училище в 1942 году. Похоронен в братской могиле у села Дудчаны. Имя его носит школа родного села и улица в городе Бериславе. Памятник установлен в Уфе¹.

Харченко Семен Андреевич — гвардии младший лейтенант, комвзвода 147 гв. сп 49 гв. сд 28-й армии 3-го Украинского фронта. 12 марта 1944 года в бою за село Садовое Белозерского района Херсонской области закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. 3 июня 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 1 сентября 1915 года в селе Александровка, ныне поселок городского типа Волновахского района Донецкой области. Украинец. Член ВКП(б). Работал слесарем. В Красной Армии с 1937-го по 1940 год и с 1941 года. В 1940 году окончил курсы младших лейтенантов. Похоронен в селе Садовое. Памятник установлен в пгт Белозерка, мемориальная доска — на здании школы № 6 в г. Докучаевске Донецкой области².

Коровин Илья Семенович — сержант, командир отделения 286 сп 90 сд 42-й армии Ленинградского фронта. 17 марта 1944 года в бою за деревню Жидилов Бор

М. Х. Губайдуллин

С. А. Харченко

И. С. Коровин

Н. Г. Пигарев

А. К. Коробчук

П. Г. Карелин

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 6-12; 1993. № 1, 2, 4.

А. П. Живов

М. Я. Дзигунский

С. Б. Погадаев

А. А. Удодов

Псковского района Псковской области бросился на амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1923 году в поселке Вичуга (ныне город) Ивановской области в семье рабочего. Русский. Член ВЛКСМ. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в деревне Жидилов Бор³.

Пигарев Николай Григорьевич — гвардии рядовой, автоматчик 3-й отдельной разведроты 20-й гвардейской мехбригады 1-й танковой армии 1-го Украинского фронта. 21 марта 1944 года в бою за село Романовка Тернопольского района Тернопольской области, спасая товарищей, закрыл грудью дзот противника. 26 апреля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 25 октября 1925 года в Курске в семье рабочего. Русский. Член ВЛКСМ. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в г. Збараже Тернопольской области, где ему установлен памятник. Мемориальная доска открыта в Курске⁴.

Коробчук Александр Кондратьевич — гвардии старший сержант, командир пулеметного отделения 262 гв. сп 87 гв. сд 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта. 12 апреля 1944 года в бою на горе Чатырлык Красноперекопского района Крымской области бросился на вражеский пулемет и закрыл его своим телом. 16 мая 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 20 января 1918 года в селе Ружа Чемеровецкого района Хмельницкой области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б). Работал трактористом, затем шахтером. В Красной Армии с 1938 года. Похоронен в селе Во-

ронцовка Красноперекопского района. Имя героя присвоено школе, в которой он учился⁵.

Карелин Петр Григорьевич — гвардии лейтенант, командир роты 9 гв. сп 3 гв. сд 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта. 8 апреля 1944 года в бою в районе поселка Армянск, ныне пгт Красноперекопского района Крымской области, принял огонь вражеского пулемета на себя. 16 мая 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 21 июля 1922 года в г. Сретенске Читинской области в семье рабочего. Русский. Кандидат в члены ВКП(б). Жил в г. Чарске Семипалатинской области. В Красной Армии с 1941 года. Окончил курсы младших лейтенантов в 1942 году. Похоронен в поселке Армянск. Школа в г. Чарске названа его именем, там же ему поставлен памятник. Навечно зачислен в списки воинской части⁶.

Живов Анатолий Павлович — рядовой, телефонист взвода связи 827 сп 302 сд 60-й армии 1-го Украинского фронта. 12 апреля 1944 года в уличном бою в Тернополе закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 23 сентября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1925 году в селе Кузьмицево Тарусского района Калужской области в семье крестьянина. Русский. Член ВЛКСМ. С 1931 года жил в Москве. Работал слесарем на фабрике «Трехгорная мануфактура». В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в братской могиле в Тернополе. Его имя носит школа-интернат и улица в Тернополе и Москве. Навечно зачислен в списки коллектива Тернопольского хлопкокомбината⁷.

Дзигунский Михаил Яковлевич — лейтенант, комвзвода 1372 сп 417 сд 51-й армии 4-го Украинского фронта. 7 мая 1944 года в бою за рубеж противника на Сапун-горе под Севастополем закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 15 мая 1921 года в селе Цибулев, ныне Монастырищинского района Черкасской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б). Работал на сахарном заводе. В Красной Армии с 1940 года. Похоронен в Севастополе. Подвиг героя отражен в диораме «Штурм Сапун-горы». Одна из улиц в Севастополе носит его имя⁸.

Погадаев Степан Борисович — старший сержант, командир отделения автоматчиков 997 сп 263 сд 51-й армии 4-го Украинского фронта. В ночь на 9 мая 1944 года в бою за Сапун-гору в районе Севастополя грудью заслонил амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1905 году в деревне Герменке Братского района Иркутской области. Русский. Член ВКП(б). Был председателем колхоза «Новая жизнь» Братского района. В Красной Армии с 1926-го по 1928 год и с 1941 года. Похоронен в поселке Штурмовое (ныне в черте Севастополя). В Братске улица и школа названы его именем. Подвиг героя увековечен в диораме «Штурм Сапун-горы»⁹.

Удодов Александр Абрамович — рядовой, автоматчик 997 сп 263 сд 51-й армии 4-го Украинского фронта. 9 мая 1944 года в бою на подступах к Севастополю закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Получив тяжелое ранение, остался жив. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза. Родился 25 августа

1917 года в поселке Старомихайловка Марьинского района Донецкой области в семье шахтера. Русский. Работал на шахте имени Челюскинцев в Донецке. В Красной Армии с 1938-го по 1940 год и с 1944 года. Демобилизован в конце 1944 года. Жил в Донецке. Работал на шахте. Умер 10 февраля 1985 года. Похоронен в Донецке¹⁰.

ИСТОЧНИКИ

¹ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 12, лл. 254-255; Славные сыны Башкирии. Уфа: Башккиргоиздат, 1966. Т. 2. С. 6-13; Сов. Башкирия. 1965. 29 авг.

²ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 46, лл. 168-169; *Трокаев А. А.* Герои пламенных лет. Донецк: Донбасс, 1985. С. 530-532.

³ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 23, л. 216; Картотека личного состава, карта № Р-16; Псков. правда. 1967. 2 июля.

⁴ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 34, лл. 248-249; Навечно в строю. Кн. 4. М.: Воениздат, 1962. С. 154-165; Курск. правда. 1966. 21 июня.

⁵ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 23, л. 213; Сельск. жизнь. 1961. 13 апр.

⁶ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 20, л. 282; Забайкальский рабочий (Чита). 1969. 22 июня; Письмо матери героя автору от 5 мая 1964 г.

⁷ЦМ ВС РФ, документальный фонд, № 4/58195; Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 58; *Поленков К. А., Хроменков Н. А.* Калужане — Герои Советского Союза. Калуга: Калужское книж. изд-во, 1963. С. 120-121.

⁸ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 13, лл. 407-408; Слава Севастополя. 1962. 6 мая.

⁹ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 34, лл. 504-505; Красное знамя (Братск). 1961. 7 мая; Известия. 1969. 14 мая.

¹⁰ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 45, лл. 40-41; Кавалеры Золотой Звезды. Донецк: Донбасс, 1976. С. 434; Слава Севастополя. 1964. 26 апр.

*Публикацию подготовил
Н. В. БОРИСОВ,
старший научный сотрудник
Института военной истории
Фото из архива автора*

(Продолжение следует)

БРАЛИ ВРАГА «ЕЖОВЫМИ РУКАВИЦАМИ»

(Внутренние войска НКВД
в годы Великой Отечественной войны)

Стремительное наступление советских войск под Москвой в 1941–1942 гг. поставило перед внутренними войсками НКВД задачи, которые не могли быть предусмотрены до Великой Отечественной войны и особенно в ее начальный период. Об одной из них говорилось в постановлении Государственного Комитета Обороны от 4 января 1942 года №1099–сс.

«Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. В городах, освобожденных частями Красной Армии от войск противника, выставлять гарнизоны из состава войск НКВД СССР (рота, батальон, полк), а там, где частями Красной Армии выделены гарнизоны, заменить эти гарнизоны войсками НКВД.

2. Возложить на гарнизоны войск НКВД несение гарнизонной службы и оказание органам НКВД помощи в работе по изъятию вражеской агентуры, предателей и других антисоветских элементов.

3. Гарнизоны войск НКВД иметь в городах численностью рота, батальон, полк, в зависимости от значения и размера города и области.

4. Довести численность внутренних войск НКВД СССР, предписанных на указанные выше цели, до 100 тысяч человек.

5. Для восполнения убыли в войсках НКВД разрешить НКВД СССР сформировать за счет общей численности войск НКВД 5 запасных полков численностью до 2000 человек каждый».

На следующий день нарком внутренних дел в приказе № 0021¹ во исполнение указанного постановления поручил исполняющему обязанности начальника войск НКВД СССР генерал-майору А. Н. Аполлонову и начальнику политуправления Управления войск НКВД СССР дивизионному комиссару П. Н. Мироненко приступить к формированию шести стрелковых и трех мотострелковых дивизий. Соединения, состоящие из 5–6 полков трехбатальонного состава, должны были быть сформированы не более чем за месяц. В каждом из полков предусматривалось иметь пулеметные, минометные и другие подразделения обеспечения. Места дислокации устанавливались в Тихвине, Туле, Воронеже, Ростове-на-Дону, Ленинграде и других городах.

На комплектование частей направлялся личный состав внутренних войск, прослуживший не менее года, имевший опыт выполнения служебно-оперативных задач.

Командирами и комиссарами дивизий назначались офицеры-фронтовики. Так, 7-й мотострелковой дивизией командовал полковник И. И. Пияшев, вступивший в бой 22 июня 1941 года, будучи командиром 84-го полка войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, и прошедший путь от Вильнюса до Мценска, а комиссаром 8-й мотострелковой дивизии стал полковой комиссар П. Г. Коновалов, принимавший участие в обороне Киева.

Формирование воинских частей находилось под строгим контролем наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия. О состоянии дел ему ежедневно докладывал начальник внутренних войск.

Уже в феврале 1942 года большинство дивизий приступило к выполнению боевых задач. В освобожденных от войск противника городах гарнизоны, выставленные из частей Красной Армии, были быстро заменены частями войск НКВД.

Численность гарнизонов в городах определялась командиром дивизии совместно с начальниками соответствующих УНКВД.

Как правило, части и подразделения внутренних войск, выделяемые для несения службы в городах, освобожденных от войск противника, намечались и подготавливались начальниками органов НКВД и командирами дивизий заблаговременно с таким расчетом, чтобы они вступали в освобождаемые города вместе с частями Красной Армии и немедленно приступали к организации и несению гарнизонной службы.

Обучение личного состава, а также воспитательная работа проводились непосредственно в боевых порядках. Благодаря опыту командиров, младшего начальствующего состава, их требовательности и систематическому контролю войска успешно справлялись с поставленными задачами.

В своем докладе от 11 апреля 1942 года начальник внутренних войск отмечал: «Части и соединения внутренних войск НКВД СССР, выполняя задачи, поставленные приказом народного комиссара внутрен-

них дел Союза ССР от 5. 01. 42 года за № 0021, за 1-й квартал 1942 года показали образцы высокой бдительности и понимания своего воинского долга.

В городах, освобожденных Красной Армией от фашистских захватчиков, бойцы и командиры проявляют находчивость, чекистскую смекалку и сообразительность, выкорчевывая вражескую агентуру, изменников Родины и другие антисоветские элементы, на деле показывают примеры преданности Родине.

За 1-й квартал 1942 года при несении гарнизонами службы и при проведении операций задержано и изъято большое количество вражеской агентуры, предателей, антисоветского элемента и лиц, требующих выяснения личности.

Наибольшее количество задержаний имеют 2 мсдон² и 7 мсд, причем количество задержанных с каждым месяцем увеличивается, что обязывает наши войска улучшить качество несения гарнизонной службы, не допустить безнаказанного пребывания агентов противника и другого антисоветского элемента в нашем тылу.

За это же время подобрано и изъято у местных жителей большое количество как трофейного, так и отечественного оружия и других предметов вооружения.

Лучшими примерами, определяющими высокий моральный дух наших войск и умение в выполнении задач, были:

1. В феврале отдельный командир 33 мсп сержант Дудко с группой бойцов в с. Лозовая производил операцию по задержанию трех фашистских ставленников. Операцией руководил оперуполномоченный райотдела НКВД г. Красный Лиман. После продолжительных поисков, не добившись положительных результатов, оперуполномоченный решил прекратить операцию. Сержант Дудко по личной инициативе продолжил поиски и в результате настойчивых действий в одном из домов обнаружил хорошо замаскированных под полом в яме трех фашистских ставленников, которые были задержаны и сданы в райотдел НКВД.

2. Красноармеец 265 сп И. Т. Афанасенко 17. 03. 42 г., будучи часовым КПП г. Калуги, задержал неизвестного, одетого в военную форму. Задержанный был доставлен в штаб полка, где был разоблачен как шпион, перебросенный немецкой разведкой с заданием в наш тыл.

3. Красноармеец 34 мсп Я. О. Стрига 21. 03. 42 г., неся службу часового КПП в Туле, при проверке документов у одного гражданина обратил внимание на нервное поведение последнего. Несмотря на имеющиеся документы, красноармеец Стрига задержал гражданина и доставил его в полк. В штабе полка задержанный был уличен в принадлежности к немецкой разведке.

Подобные инициативные и умелые действия, проявленные личным составом, не единичны....³

Обращает на себя внимание то, что части войск, их гарнизоны, наряды выполняли служебные задачи в тесном взаимодействии с органами НКВД. Проверка документов, жилых помещений и т. п. осуществлялась в основном при непосредственном участии работников милиции.

Командиры соединений и полков постое-

янно получали информацию из УНКВД областей. Вот одна из таких ориентировок от 6 апреля 1942 года № 2/12390:

«По документальным данным в ближайшие дни германской разведкой на территории Воронежской области будет производиться выброска агентов-парашютистов.

Примите активные меры для обнаружения и поимки парашютистов.

...установите круглосуточное наблюдение за местностью и воздухом.

Мобилизуйте в этих целях истребительные батальоны и группы содействия.

По г. Воронежу и в особенности окрестностям организовать облавы и прочесывание лесных массивов.

На железнодорожном транспорте организовать тщательную проверку подозрительных лиц на вокзалах, железнодорожных путях, усилив охрану железнодорожных мостов и других стратегических объектов и наблюдение в полосе отчуждения железнодорожного транспорта.

О каждом случае появления парашютистов немедленно сообщайте в УНКВД.

Зам. нач. Управления НКВД
по В[оронежской] о[бласти]
капитан госбезопасности Прошаков».⁴

Командир 8-й мотострелковой дивизии внутренних войск полковник В. Н. Горишный доносил в УВВ НКВД СССР 18 апреля 1942 года⁵:

«1. Совместно с органами НКВД проведена проверка документов в населенных пунктах, в районах дислокации штабов частей и гарнизонов. В результате проверки задержано: агентов немецкой разведки — 1, дезертиров — 12, лиц, не имеющих документов, — 73. Все задержанные переданы в органы НКВД.

2. Путем войсковой разведки осмотрены леса и рощи, прилегающие к населенным пунктам, дома лесников и другие строения, находящиеся в лесах и рощах. Все указанные строения взяты на учет для установления дальнейшего наблюдения за ними.

3. Установлена связь с частями и подразделениями пограничных войск НКВД по охране войскового тыла и намечены мероприятия на случай совместных действий по ликвидации банд.

4. Совместно с [районными] [отделами] НКВД составлены планы дальнейших мероприятий по периодической проверке документов во всех населенных пунктах, в районах дислокации штабов частей и гарнизонов и осмотру лесов и рощ, прилегающих к населенным пунктам.

5. Всем командирам подразделений предложено в кратчайший срок путем организации непрерывной войсковой разведки тщательно изучить районы дислокации, все имеющиеся дороги, в том числе и лесные, установить систематическое наблюдение за имеющимися в лесах и населенных пунктах местами возможных укрытий банд. Держать постоянную тесную связь с местными органами НКВД для получения своевременной информации о появлении банд».

От личного состава частей требовалась высокая бдительность. Это подтверждает

донесение командира 6-й стрелковой дивизии ВВ от 13 апреля 1942 года № 1/0626⁶.

«Доношу, 13. 4. 42 года на КПП д. Кунья красноармейцем 9-й роты 139 сп М. И. Вакуриным, несшим службу контролера, была задержана Василевская Татьяна Власовна, 1922 года рождения, уроженка д. Рогодино Смоленской области, по национальности цыганка.

Задержание Василевской произведено по случаю отсутствия у нее документов.

Задержанная была сдана в РО НКВД д. Кунья. При ее допросе оперативными работниками НКВД Василевская созналась, что является шпионкой немецкой разведки и показала: завербована она немецким офицером разведки в г. Великие Луки в январе 1942 года. В этом же месяце она получила задание перейти фронт в районе г. Усвяты с заданием собирать сведения о количестве советских войск в городах и населенных пунктах, прилегающих к фронту. Что ею и было сделано.

До момента задержания Василевская линию фронта переходила три раза и все три раза приносила немцам сведения о численности советских войск. Добываемые сведения шпионка не записывала, а пользовалась колодой старых игральные карт (карты изъяты при задержании), которые являлись шифром. Десятка означала 1000 чел., девятка — 900 чел., король — 400, дама — 300, валет — 200, туз означал наличие аэродрома и самолетов на нем.

На каждый район была установлена своя масть. Например, Усвяцкий район — масть трефы и т. д.

Установив численность гарнизона, она брала из колоды нужную карту и с внешней ее стороны делала пометку. В результате из всех помеченных карт слагались нужные сведения».

Однако для работы требовались глубокие профессиональные знания. Воины войск НКВД обязаны были знать требования не только приказов, наставлений, регламентирующих порядок несения службы, но и других нормативных актов военного времени.

Итоги службы анализировались, обобщались и накопленный опыт распространялся во внутренних войсках.

Представляет интерес донесение командира 5-й стрелковой дивизии от 15 июня 1943 года⁷:

«В течение апреля-июня 1943 года противником на участок Северной железной дороги было выброшено 6 диверсионных групп общей численностью 18 человек с задачей по совершению диверсий на железной дороге.

Все диверсанты, завербованные из числа пленных командиров и красноармейцев, окончили специальную школу диверсантов в м. Вана-Нурси (Выруский уезд Эстонской ССР) и были переброшены группой «Норд» с Псковского аэродрома.

Все диверсанты снабжаются фиктивными документами со штампами и печатями различных воинских частей, чаще всего запасных полков, диверсионными материалами, деньгами и продовольствием и одеты в существующую форму Красной Армии (с погонами).

При изучении фиктивных документов, изъятых у диверсантов, установлено, что в ряде случаев эти документы имеют следующие дефекты:

1. На гербовых печатях вокруг герба нет ободка, который всегда делается на наших печатях между гербом и наименованием части. Сам герб имеет несколько продолговатую форму.

2. Шрифт букв на штампах мельче обычного.

3. Продовольственные аттестаты выдаются или на бланках устаревшего образца (отмененного с 1 января 1943 г.), или на бланках существующего образца, но отпечатанных на машинке, а не типографским способом.

4. Командировочные предписания, как правило, выдаются «на заготовку сена», «на заготовку дегтя» и вообще на заготовку каких-либо сельскохозяйственных продуктов в районе тех деревень, где производится выброска.

Кроме того, часто выдаются командировочные предписания с указанием «направляется на укомплектование такой-то армии», причем эти удостоверения выдаются от имени запасных полков, чего в действительности не бывает, так как командный состав, как правило, на укомплектование армий направляется отделом кадров фронта, а рядовой и младший командный состав персональных направлений на укомплектование армий вообще не получает и обычно следует в составе маршевых команд.

5. В перевозочных требованиях часто называют станции не на тех дорогах, где они есть на самом деле, например: станции Ефимовская и Будогощь Кировской железной дороги, тогда как в действительности ст. Ефимовская находится на Северной железной дороге, а Будогощь — на Октябрьской.

6. В красноармейских книжках в графах «место рождения» и «место призыва» иногда вместо области указывается губерния, например: призван Ногинским РВК Московской губернии.

Характерно также, что установленный шифр на красноармейских книжках — буквы «П» в треугольнике на 4-й и 12-й страницах-противнику известен и протавляется на фиктивных документах».

Насколько успешно продвигались и освобождали нашу территорию от немецко-фашистских захватчиков части Красной Армии, говорят данные о количестве выставленных в 1943 году гарнизонов: полкового состава — 74, батальонного — 346, ротного — 790, всего — 1210.

Сколько человек задержано служебными нарядами внутренних войск на освобожденной от противника территории, видно из таблицы⁸.

Большую помощь войскам оказывало местное население и создаваемые бригады содействия. Калининский обком ВЛКСМ 29 марта 1942 года выступил с инициативой создания комсомольско-молодежных рот охраны общественного порядка в Калининне. Бюро ЦК ВЛКСМ 9 апреля 1942 года обязало райкомы, горкомы и обкомы комсомола создавать во всех городах, районных центрах, на железнодорожных узлах прифронтовых областей комсомольско-молодежные отряды в помощь войскам

Контингент задержанных	1942 г.	1943 г.	Контингент задержанных	1942 г.	1943 г.
Военнослужащие			Гражданские		
Без документов	509666	514366	Без документов	392969	345349
Отставшие от своих частей	50274	144401	Уклонившиеся от призыва	3028	26072
Дезертиры	15594	28692	Бежавшие с оборонительных работ	1495	3485
Нарушители установленного режима	156875	616704	Бежавшие из мест заключения	—	925
Шпионы и диверсанты	751	535	Нарушители установленного режима	217 209	289396
Вышедшие из плена и окружения	9291	15 848	Подозрительный элемент	16955	19260
Прочие	—	279082	Изменники Родины	899	10360
Итого...	742451	1599628	Воры, мародеры и спекулянты	3652	6377
			Прочие	2428	145117
			Итого...	638630	856341
Всего... 1942 г.—1 381 081; 1943 г.—2 455 969					

НКВД по охране городов, населенных пунктов, заводов, железнодорожных путей и сооружений, линий связи, складов и грузов⁹.

Наряду с выполнением гарнизонной службы части внутренних войск принимали участие в боях на Северо-Западном и Западном направлениях, в Крыму, в обороне Воронежа, Сталинграда и на Кавказе.

Характерен боевой путь 145-го стрелкового полка внутренних войск НКВД, сформированного в январе 1942 года для несения гарнизонной службы на освобожденной от немецко-фашистских захватчиков территории Калининской области.

В марте-июне 1943 года полк участвовал в боях на Северо-Кавказском фронте и при прорыве Голубой линии в районе станции Крымская Краснодарского края. Выполняя гарнизонную службу в освобожденных населенных пунктах Краснодарского края, с июня по октябрь 1943 года провел 23 боевые операции по ликвидации бандгрупп, при этом убито бандитов — 199, ранено — 22, захвачено в плен — 362. Задержано пособников бандитов — 76, дезертиров — 213, прочих — 473. Находясь в боевых порядках Красной Армии, подразделения полка принимали активное участие в боях по освобождению Познани от немецко-фашистских захватчиков.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 4 апреля 1945 года 145-му стрелковому полку присвоено почетное наименование «Познаньский». За время войны многие офицеры, сержанты и рядовые полка отличились в боях против немецко-фашистских захватчиков, в борьбе с

изменниками Родины и бандами украинско-немецких националистов, за что 648 человек личного состава награждены орденами и медалями СССР.

Части внутренних войск, созданные в январе-феврале 1942 года, продвигались вслед за частями Красной Армии вплоть до Польши, Германии. За 1942-1945 гг. ими было задержано: шпионов и диверсантов — 3715, изменников Родины — 88 859, дезертиров — 125 956, уклонившихся от призыва в РККА — 251 408¹⁰.

В первые послевоенные годы части вели вооруженную борьбу по ликвидации националистического подполья в западных областях УССР, БССР и прибалтийских республиках.

После выполнения этой задачи они были расформированы.

Полковник Г. С. БЕЛОБОРОДОВ,
*начальник Центрального архива
внутренних войск МВД РФ*

¹РГВА, ф. 38650, оп. 1, д. 607, лл. 1-6.

²Мотострелковая дивизия особого назначения.

³РГВА, ф. 38676, оп. 1, д. 19, лл. 114-118.

⁴Там же, оп. 1с, д. 15, л. 81. Заверенная копия.

⁵Там же, л. 61.

⁶Там же, ф. 38674, оп. 1с, д. 3, л. 8. Копия.

⁷Там же, ф. 38673, оп. 1с, д. 32, л. 160. Заверенная копия.

⁸Там же, ф. 38650, оп. 1, д. 140, лл. 26-28.

⁹Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. М.: Юрид. лит., 1975. С. 559-560.

¹⁰РГВА, ф. 38650, оп. 1, д. 313, лл. 10-41.

Публикуя воспоминания такой легендарной личности, какой являлся в истории нашей страны трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, один из организаторов атомной промышленности, сподвижник академика Курчатова, активный разработчик «урановой проблемы» Ефим Павлович Славский, важно отметить, что они записывались в 1991 году, когда автору было уже за девяносто. Столь позднее обращение к воспоминаниям о пережитом объясняется тем, что Славский принадлежал к когорте творцов оборонного комплекса страны, чьи дела представляли собой государственную тайну. Конечно, прожить жизнь под

грифом «Совершенно секретно» не просто. Но вчитываясь в воспоминания патриарха отечественной атомной промышленности, видишь, какой прекрасной была жизнь, целиком отданная служению социалистической Родине.

**КОГДА
СТРАНА
СТОЯЛА
НА ПЛЕЧАХ
ЯДЕРНЫХ
ТИТАНОВ**

Родился я еще в прошлом веке, в 1898 году, на Украине, в большом старинном казачьем селе Макеевка в семье крестьян-украинцев Павла и Евдокии Славских. В том же году в связи с открытием неподалеку богатых залежей антрацитовых, коксовых и курных углей задули там первую домну и положили начало металлургическому заводу, который и был назван Макеевским.

Может, был в том знак судьбы или случайное совпадение, — не знаю, но стал я впоследствии металлургом и внес свой вклад в эту область промышленности.

Семья у нас была немалая. В глинобитной хате вместе с дедом Янушем и бабушкой Параской кроме отца с матерью дружно жили еще трое сыновей со своими семьями. До пуска домны все занимались сельским хозяйством, растили хлеб, а потом ушли на завод. Но когда наступало время уборки урожая, завод останавливался и все жители села и наша семья уходили заниматься крестьянскими работами.

Едва мне исполнилось пять лет, как умер от воспаления легких отец. На руках у матери нас осталось трое: я, брат Федор и сестра Марфа — оба младше меня. Немно-

го погода семья увеличилась, мать вышла замуж за Федота Савельевича Патана — вдовца с сыном и дочерью. Отчим стал для нас настоящим отцом. Как и все мужчины в селе, он тоже был полукрестьянином-полурабочим, работал шахтером, добывал обушком уголь.

Десяти лет от роду определился я в подпаски. С весны и до поздней осени пас скот помещиков да богатых хуторян. Зимой учился в церковно-приходской школе. Сумел окончить три класса.

Тринадцать лет пошел на Макеевский завод. Приняли на труболитейное производство готовить соломенные веревки, использовавшиеся в процессе литья чугунных канализационных и водопроводных труб, которые предприятие выпускало в мирное время. Он и сейчас существует — мой завод.

В пятнадцать лет я почувствовал себя взрослым. Но на серьезные заводские работы меня не брали: мал, мол, еще. Поступил на рудник подручным слесаря. А тут война. Первая мировая. Мне исполнилось тогда шестнадцать лет. Вернулся на завод. Взяли обрущиком, заготавливать корпусы снарядов. Там проработал до 1918 года.

Начало трудовой биографии Е.П. Славский (во втором ряду справа) — рабочий Макеевского завода. От изготовления соломённой веревки для литья труб до создания атомной промышленности — такой путь предстояло ему пройти.

Промышленность на Юге сильно была развита. И революционная активность рабочих тоже. На заводе действовала социал-демократическая рабочая организация. Я участвовал в ее мероприятиях. Боролись за восьмичасовой рабочий день. Ведь работали-то с шести часов утра до восьми вечера. Выходных не было. Столовых не было. Бань на руднике, поликлиник тоже не было. Бастовали, голосовали и требовали: «Сократить рабочий день! Баню даешь! Поликлинику даешь! Столовую даешь!»

В 1917 году завод национализировали. В апреле 1918 года вступил я в ряды большевистской партии. В начале гражданской войны после призыва В. И. Ленина спасать республику ушел добровольцем в Красную Армию. Был зачислен в 9-й Заднепровский Украинский советский полк и почти год воевал под командованием Дыбенко. Заболел. Когда поправился, полк был уже далеко. Стал буденновцем. Пришлось воевать в Донбассе, на Северном Кавказе. К осени 1923-го являлся комиссаром полка отдельной особой кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. Дважды был ранен.

В 1921 году получил свою первую награду — серебряные часы от ВЦИК. После окончания войны нас расквартировали в Москве, за Боткинской больницей, где еще до революции стояли кавалерийские части.

Для народного хозяйства нужны были специалисты. Поэтому в 1928 году ЦК партии принял решение отобрать квалифицированных рабочих и красноармейцев и направить их на учебу. Однако сначала нас «добразовывали» в специально организованных школах и только потом направляли в соответствующие институты.

Так я стал студентом Горной академии. Причем студентом великовозрастным. Учился пять лет. Одновременно практиковался на заводах. Защитил в 1930 году диплом по технологии производства свинца и отправился на Северный Кавказ в город Ordzhonikidze на завод «Электроцинк». Было мне тогда 32 года. Проработал там восемь лет. Прошел все инженерные ступени до главного инженера и директора. Элект-

роцинковый завод — самый сложный комбинат, словом, хорошая школа!

В 1939 году назначили меня директором Днепровского алюминиевого завода в Запорожье. Там был очень хороший директор. К сожалению, его в период культа личности арестовали, а меня определили на его место. Я же тогда являлся специалистом по тяжелым металлам (меди, свинцу, цинку) и благородным (золоту, серебру), а алюминий — легкий металл. По алюминию в свое время я только лекции прослушал, опыта инженерного еще не было. Но зато имелся опыт руководителя. Пришлось специализироваться заново.

Отечественный алюминий тогда только рождался. Производили его мало. До начала войны в стране было всего четыре алюминиевых завода, и мой завод на Днестре по очереди являлся вторым. Он требовал больших затрат электроэнергии: на одну тонну алюминия — 20 тыс. квт-ч. Потому тогда и ДнепрогЭС построили. На базе этого мощного источника энергии и пустили завод.

И вот только восстановились после первой мировой, как грянул 1941 год. Через два месяца после начала войны немцы прикатили на Днепр. В тот год у нас прекрасный урожай поспел. Собрать его мы не смогли. Сжигали, чтобы не попал врагам.

Буквально за неделю до войны я был утвержден заместителем наркома цветной металлургии. Вернулся из Москвы, чтобы сдать завод новому директору. Но сдавать не пришлось. Не вступив в новую должность, полтора месяца под артиллерийским огнем эвакуировал свое предприятие на Урал. Мы — на одной стороне Днепра, немцы — на другой. Причем они завод не бомбили, не разрушали. Он им был нужен. Ведь он тогда был самым большим в Европе. Много было убито тогда моих товарищей.

Завод все же вывезли. За эту эвакуацию я получил свой первый орден Ленина. Приехал в Москву, пошел в ЦК к заведующему отделом Ивану Васильевичу Архипову (зам. Предсовмина). Стал проситься на фронт, поскольку я вояка бывший. Он по-

звонил Ломако¹ в Свердловск. Тогда уже все основные наркоматы были эвакуированы в Куйбышев, а наш, цветной металлургии, в Свердловск. Ломако категорически потребовал: «Немедленно направить его ко мне заместителем, ведь он утвержден в ЦК моим замом по алюминиево-магниево-и электродной промышленности». И я полетел к нему...

Кстати сказать, до войны мы выпускали всеми заводами 100 тыс. т алюминия, из них 60 тыс. т — только мой завод на Днепре. По тем временам такая цифра считалась величиной большой, потому что и во всей Америке выпускали всего 130 тыс. т. Можете представить, что это такое, если сегодня мы делаем алюминия 3,5 млн. т и он считается дефицитным, а в начале войны мы ведь остались-то лишь с заводом, выпускавшим только 20 тыс. т продукции.

Уже много лет спустя я прочитал у Яковлева, главного авиаконструктора наших «яков», что они в первый год войны выпустили 20 тыс. самолетов. Подумал, а где брали алюминий? Оказывается, Сталин до войны этого металла никому не давал, а все шло в мобилизационные резервы. И вот за счет этого и появились самолеты. Позже нам алюминий из Америки поставляли. А у нас, повторяю, осталось на 20 тыс. т всего производства.

Магниево-алюминиевая промышленность представляла собой еще меньший заводик, выпускавший, по сути дела, электроды из так называемой анодной массы для электролизеров, применявшихся в электролитических ваннах. И все это считалось промышленностью.

Стал я работать заместителем наркома и одновременно начальником Главка алюминиево-магниево-и электродной промышленности (по-теперешнему). Проработал в Свердловске несколько месяцев. Достраивали завод и расширяли выпуск алюминия. Достраивала организация из Москвы, которая начинала строить в Москве Дворец Советов на месте великолепного собора — храма Христа Спасителя (я в нем даже бывал). Сдуру его разрушили и решили построить этот дворец.

Случилось так, что молодой директор завода, он же член Челябинского обкома партии, поехал на пленум и в машине умер от разрыва сердца. Износился, хотя и молодой. Я — к Ломако: «Дай, я сам поеду на завод и буду его достраивать». И всю войну проработал директором этого уже Уральского алюминиевого завода. И с 20 тыс. т довел производство алюминия до 75. Получил в тот период еще два ордена Ленина.

Помню, как мы тогда лошадьми руду возили. На таратайке — тонну. Ну, сколько же на лошади-то навозишь? У меня было полторы сотни лошадей. А начальники цехов приходят и требуют: «Дайте каждому для подвоза две-три лошади». Я распреде-

ляю. Некоторым нарочно запишу вместе с лошадьми еще и жеребят. Прибегают потом: «Ефим Павлович! Это не лошади еще!» А я: «Как так? Брось ты! Что говоришь? — «Так это же жеребенок!» — «Так ты и следи за тем, чтобы он вырос в коня. Ну нет больше!». Кому же нужно было подвозить руду позарез, я выделял лошадей.

Большая хорошая руда была на самом севере Урала. А мы недалеко, в 30 км от нас обнаружили приличное месторождение и стали его разрабатывать. Но сколько можно вывезти на лошадях этой руды, когда их так мало? Месторождение надо вскрыть, пустую породу отвезти в сторону, а руду пустить в дело. Это все — кошмар! Думаю, что только такие старики, как я, которые прожили столько лет, могли вынести такое.

Наш шеф А. И. Микоян два-три раза принимал меня. Хлеб тогда выдавали по карточкам. А у меня на электролизе, где высокая температура, несколько сот тысяч градусов, рабочих кормить надо хорошо. А хлеб — по нормам. Анастас Иванович, чтобы подкармливать людей, давал мне «безнормативный» хлеб. А тут я пришел и стал просить 20 «студебеккеров». Это были крупные американские машины, которые поставлялись для фронта. Я посвятил Ломако, что собираюсь просить, а он говорит: «Слушай, ты это не проси. Он страшно будет нервничать и не даст тебе машин». Микоян отвечал тогда за материальное обеспечение фронта и цветную металлургию. И здорово мне помогал: все подписывал, хлеб давал и прочее. А когда дело дошло до «студебеккеров», которых никто из гражданских не имел, он хватя бумажку: «Нэт машин, дирэктор!». Я требую, а он нервничает. Возьмет в руки карандаши, перебирает их, а потом бросает. Пока разговаривает, снова их собирает, а потом опять бросает. Нервный очень был. Страшная нагрузка, чудовищная! Я говорю: «Анастас Иванович! Ну, поймите, я не могу столько дать алюминия. Ведь руду же с севера мне поставляют. А тут она дома, рядом с заводом, а я — на лошадях. Ну разве я смогу с лошадьми алюминия столько дать?» А он в ответ: «Дирэктор, ты русский язык понимаешь? Нэт машин!» Бросил карандаши и побежал. Прием был окончен. Ломако — мне: «Ну что я тебе говорил, ты ведь только человека раздражаешь. Его же Сталин прямо лупит за снабжение армии».

Я не выдержал: «Ну хорошо, если так, пусть знает, что я на лошадях алюминия не дам». Вдруг Микоян бежит назад. Вспомнив, что не попрощался, протягивает мне через стол руку: «До свидания, дирэктор, машин нэт!» И опять убежал.

Через десять дней звонок. Микоян. Аврал! «Как дэла, как дэла? Слушай, дирэкт-

тор (Ефимом Павловичем никогда не называл, иногда товарищем Славским, а чаще дирэктором), — ты можешь сам собрать машины, если я тебе их доставлю в разобранном виде?» Я отвечаю: «Конечно, Анастас Иванович, у меня ремонтные цеха замечательные. Они могли бы и готовые машины сделать, но это долго будет». «Хорошо, — слышу. — Я тебе из Владивостока их уже отгружаю». И действительно «груз» вскоре прибыл. Весь Урал тогда говорил, что Славский получил 20 «студебеккеров»! Отдельно были упакованы колеса, отдельно — кузова и отдельно — двигатели. За несколько дней собрали 20 машин.

Когда я ходил на прием к Микояну, то брал с собой всегда миллиметровку, на которой чертил график, показывавший, как растут производственные мощности. Микоян смотрел и очень радовался, что дела идут все успешнее.

После того как немцев стали гнать и наши близко подошли к Берлину, наркоматы вернулись на свои места. В том числе наркомат цветной металлургии. Вернулся и я, снова стал заместителем у Ломако и одновременно начальником алюминиево-магниевой и электродной промышленности. Но вскоре случилась в моей жизни неожиданная перемена. Тогда у нас приступали к работе над «урановым проектом». Начну с того, каким образом я из цветной металлургии попал в сферу деятельности Игоря Васильевича Курчатова, который меня не знал и которого не знал я.

Об атомной энергии я, «цветная металлургия», тогда, честно говоря, не имел никакого понятия. Мои знания о ней исчерпывались знакомством с двумя статьями академика И. Е. Тамма², прочитав которые в 1945 году, я был до чрезвычайности поражен, так как в них сообщалось о делении атома. Когда мы учились, атомы считались незыблемыми единицами материи.

Однажды Ломако мне говорит: «Слушай, ты знаешь Бороду?» (Так величали Курчатова после того, как он отрастил себе бороду.) — «Нет, не знаю. — «Ты с ним, ради бога, поскорей познакомься. Мы должны сделать для него чистый графит. Эта Борода нас в гроб вгонит!..»

Оказывается, из нашей электродной массы решили делать для атомных котлов графит необычайной чистоты. Именно такой и нужен был для реактора Курчатова.

Задачу получения графита нужной чистоты возложили на единственный тогда в Москве завод, который готовил электродную массу и делал из нее чистый графит для ядерной физики.

Я отправился на завод. Ознакомился со всем, что там делается, и каждое утро стал справляться, сколько сдано графита. Главным приемщиком был назначен помощник Курчатова В. В. Гончаров³. У нас графит забирали, и нам платили. А я записывал в

книжечку: 10 кг, 20 кг... И каждый день докладывал в правительство, а точнее в Спецкомитет, который возглавлял Берия. Генерал-майор Махнев, он являлся секретарем Спецкомитета, все фиксировал. И так я действовал, пока однажды Гончаров не сообщил мне, что мы не сдали, оказывается, еще ни одного грамма! На заводе же считали, что сдают, потому что принимают. А принимали-то, чтобы определить поглощение нейтронов, то есть чистоту графита. И все, что мы сдали, не годится!

Об этом доложили в Спецкомитет. А он ведь был контрольным органом. Там, знаете, какой режим был!.. Я побежал к Ломако. «Слушай, — говорю, — положение такое, что мы, выходит, обманывали». А за это по тем временам могли... Мы с Ломако — туда-сюда... Бросились на завод. Учинили там погром. Да что толку, если не дается чистый графит.

А тут Игорь Васильевич. Веселый, молодой! Поставил вопрос, чтобы меня из цветной металлургии отправили работать в ПГУ — Первое главное управление. Никаких предприятий для атомной промышленности тогда еще не было. Один Ленинградский проектный институт, и только! Меня по решению ЦК к Б. Л. Ванникову⁴, первому начальнику ПГУ, заместителем направили. Я страшно волновался. Сначала меня вызвал Е. П. Завенягин⁵, работавший в МГБ замом у Берии и у Ванникова. Одновременно человек сидел на двух стульях.

Завенягина я знал еще до войны, по Горной академии. Он был немного старше меня, возглавлял тогда парторганизацию. Впоследствии встречался с ним по заводским делам, когда работал на заводе. Он приглашал меня как квалифицированного металлурга к себе на совещания, поскольку трудности у них тогда были, а он меня знал хорошо.

Вхожу в кабинет и думаю: «Попался с графитом». А он мне навстречу радостно: «А, старый атомщик, здравствуй!». И начал мне рассказывать о вещах, о которых я никакого понятия не имел.

— Слушай, — говорит, — поручено тебя мобилизовать на работу в ПГУ.

— Какое еще ПГУ? Я семнадцать лет как инженер-металлург. Осваивал все инженерное дело с первой ступени. А что я буду делать там?

— Знаешь, — ответил, — пока мы все ничего не понимаем. Но на днях выйдет постановление за подписью товарища Сталина о том, что тебя из цветной металлургии сюда переводят. — И предупредил меня, что никто не должен знать о нашем разговоре.

Можно представить мое состояние. Здорово перепугался. В сорок четыре года осваивать новое дело. Причем ответственнойнее. Не работа — хождение по лезвию бритвы. Малейший сбой — жизнью рискуешь.

Двадцатые годы. Е.П. Славский (в центре) на праздновании очередной годовщины РККА.

Два дня переживал. Не спал. Жене ничего не говорил. Ломако тоже. На прежней работе три ордена Ленина получил, был в почете. А тут что? Наконец, признался Ломако. Тот — экспансивный, вспыхнул и бросился к нашему шефу, Микояну: «Вот товарища Славского, моего заместителя, забирают туда-то». А Микоян ему: «Нэ волнуйся. Если будет готовиться решение и дело дойдет до подписи, меня спросят».

Мы успокоились. А через день пришло решение Сталина. Я — к Микояну, а тот: «Слушай, кто теперь пойдет к товарищу Сталину, чтобы он отменил свое решение? Ничего, не беспокойся. Пойдешь, поработаешь там годика два и вернешься в свою цветную металлургию».

Я пошел. И оказалась эта пара лет всей моей дальнейшей жизнью! Узнал я потом, что мое назначение было сделано по рекомендации Курчатова.

Итак, перешел я к Ванникову и 9 апреля 1946 года появился у него как заместитель. Раньше до назначения я его не знал, а потом мы крепко сдружились. Во время войны, да и позже, Борис Львович был наркомом по боеприпасам. Видимо потому, что боеприпасы атомные должны были делать, его сюда и назначили. В его бывшем наркомате мы и ютились. Работали под вывеской наркомата сельхозмашиностроения. Ванников был человеком исключительно порядочным. Да и в инженерном деле очень эрудированным. В «атомных» делах разобрался быстро, находил верные и грамотные решения. Много работал в Москве, в Кыштыме, на Южном Урале,

когда строился атомный комбинат. В работу вкладывал всю душу, совсем себя не жалел. Мы тепло относились друг к другу. К сожалению, здоровьем слабоват был Борис Львович. По-видимому, сказались последствия репрессии накануне войны. Его тогда ведь лупили здорово. Он часто болел. По этой причине, помню, и на испытание первой нашей атомной бомбы в августе 1949 года не смог полететь.

Размещались мы на Кировской. Собственного помещения у нас тогда не было. Подчинили мне аж пять (!) человек. В основном их из КГБ направляли. Все специалисты особые. Один все твердил: «Осколки, осколки!». А я думаю: «О чем он говорит, что за осколки?»

В общем, стал я выступать на графитовом заводе уже в новой роли — не как поставщик, а как потребитель, но за прошлую работу все же приходилось самому отвечать. Вот нас с Ломако по старому вопросу и вызывают в Спецкомитет. А в нем заседали члены правительства и разные крупные руководители нашей промышленности. Курчатов тоже был членом Спецкомитета. Стоим мы с Ломако в приемной, ожидаем, когда нас вызовут, и думаем: «Ну вот и пришел всему конец. Все наши данные по графиту ложными оказались. Что же нам будет?» Входим. Председатель Берия обращается к Маленкову, члену Спецкомитета: «Георгий, вот Ломако и Славский доложили, что уже приняли меры и сделают все как нужно. Как думаете, поверим?» Тот, а за ним и все другие закивали головами. И мы вышли с заседания словно заново родившись. Как будто только что стояли на стуле с петлей на шее и оставалось лишь его выбить из-под нас. А тут оказалось, что

сняли петлю, и мы пошли работать. Вот такой был режим.

Разумеется, начинать пришлось с нуля. Научились все-таки делать чистый графит. Всю эту массу мы с хлором замешивали, в аппаратной накаляли докрасна. Посторонние примеси, соединившись с хлором, при высокой температуре становились летучими и вылетали. И мы стали получать чистый графит. Оказывается, в США тоже подобным образом поступали. Они нам в войну по ленд-лизу поставляли самолеты, танки, пушки... Там всю войну наша комиссия работала. Задикян и другие принимали то, что нам давали. Так вот, один из наших — Александров из треста «Союзэлектрод» — видел у американцев нечто похожее.

Когда отмечали мое семидесятилетие в 1968 году, товарищи, которые сделали чистый графит, изготовили мне два бокала из него, в память о том, как мы за него «бились».

В 1943 году у нас ничего еще не имелось. Ни урана, ни графита. Промышленной добычи урана и в помине не было. А только для сооружения в Москве первого опытного нашего реактора «Ф-1» требовалось 50 т урана, чистейшего, без примесей. Задачи промышленной добычи урана, его радиохимии, как и технологии очистки графита, и другие, не менее важные, надо было решить в кратчайшие сроки.

Уже летом 1946 года уран был разведан в очень ограниченном количестве. Как его вывозили? У меня сохранились фотографии. На одной из них рабочие гонят ишаков, которые один за другим идут с крепкими бревнами. А на другой фотографии те же ишаки возвращаются. На каждом висит сумка, а в ней — урановая руда. Хорошей считается руда, если в ней 1/10 проц. урана, а все остальное — пустая порода. Так вот, представьте, сколько вез ишак урана в одной сумке?

В том же 1946 году в июле-августе еще на Кировской под руководством Игоря Васильевича рассматривали мы, если можно их так назвать, проекты — три ватмана. Доллежал⁶, Шелкович и Кондратский каждый докладывал, что такое атомный реактор и какой надо строить. Доллежал был конструктором первого построенного атомного реактора. А ведь построить реактор это еще не все, хотя и уран у нас будет, скажем, и плутоний накопится. Дальше тоже сложнейшие процедуры. Это радиохимия, это обработка изделий и прочее, прочее.

Вот с чего мы начинали! Вот какая у нас была «мощь»! Вот в каком положении мы находились летом 1946 года!

Ситуация осложнялась еще и тем, что началась «холодная война», которую против СССР развязали США и Англия.

В настоящее время обнаружены доку-

менты правительственных органов этих стран. В одном из них приводятся слова Черчилля, возглавлявшего в 1948 году консервативную оппозицию в английском парламенте. В частной беседе Черчилль настоятельно призывал правительство Энтони развязать вместе с Соединенными Штатами ядерную войну против нас на том лишь основании, что СССР тогда еще не обладал атомным оружием. Через Эттли Черчилль уговаривал американского президента Трумэна согласиться с его предложением. Кстати, Черчилль предложил, чтобы Англия и Соединенные Штаты потребовали от русских ухода из Берлина и Восточной Германии под угрозой разрушения советских городов.

А у нас в это время был абсолютный нуль. Мы в это время только-только начали ковырять землю, чтобы построить первый атомный реактор, сложнейший урановый радиохимический завод, завод по изготовлению атомного оружия. Тогда нам не хватало еще и опыта. Да и время какое было! Все лежало в руинах.

Соединенные Штаты овладели реакцией деления урана в 1942 году, а в 1945-м они на людях в Хиросиме и Нагасаки испытали свои атомные бомбы. Сделано это было для устрашения всего мира и прежде всего Советского Союза. В том же 1945 году США демонстративно заявили, что русским потребуется для создания атомного оружия не меньше 20 лет. И действительно мы в то время еще только проектировали строительство двух заводов на Урале. Один завод с атомными реакторами для получения плутония в Челябинской области, а второй — в Свердловской области — по диффузионным процессам разделения изотопов урана.

С получением чистого графита у нас окрепли надежды на пуск опытного реактора в Москве. Когда я был уже у Ванинкова, мне было поручено «вести» вопросы, связанные с атомными реакторами, радиохимией и ураном. С этой целью было создано Управление, которым я руководил. Но самому еще надо было учиться и учиться.

Когда построили опытный реактор «Ф-1» в Лаборатории-2, по расчетам физиков все, вроде, должно было получиться. Бывший завод боеприпасов в Электростали тоже нам передал. Там мы начали получать чистый уран. Стали загружать его в реактор. Загрузили, замерили, а цепной реакции нет. Реактор не идет. Говорят, мало урана, не хватает для критмассы. Давайте! Все, что было у нас, все заложили. Опять не идет реакция. Нас стегают, мол, мы плохо уран очищаем, примесей в нем много. Но это оказалось ошибкой. Критмасса для цепной реакции оказалось малой. Один, два раза добавили уран. Наконец, все пошло. Кстати, в первый реактор мы добавили небольшое количество урана, выве-

зенного после войны из Германии. Его залежи находились в нашей оккупационной зоне. Причем, громадные запасы, сотни тысяч тонн добывали. Конечно, нам это стоило огромного труда. Я ежегодно выезжал туда, так как состоял в руководстве акционерного общества «Висмут».

Звонит как-то мне Игорь Васильевич: «Приезжай! У нас очень интересные дела!» Я приехал тут же. Он мне: «Пойдем в этот балаган». Ведет к реактору и заставляет ребят: «Ну-ка, давай демонстрировать!» Начинает регулирующий стержень вынимать — там цепная реакция! Ребята устроили усилитель, хлопун. Он трещит, как пулемет! Игорь Васильевич: «О! Пошло!» И продемонстрировал, как получаются нейтроны, как идет цепная реакция. Пустили практически реактор! Он радуется и я вместе с ним. Правда, потом предупредил: «Не говори никому».

Я поехал к себе, он к Ванникову, к Завенягину. Игорь Васильевич был у Ванникова первым заместителем, а я — обычным, но по атомным реакторам, диффузионным делам. Они тут же — к Берии. Берия — к Сталину. Сталин сразу всех их принял. Оттуда Игорь Васильевич звонит мне по телефону: «Ты кому-нибудь рассказывал?» «Нет», — отвечаю. — «Никому! Ничего!» — «Я приеду тебе расскажу все». Приехал, рассказал, как принимал Сталин: «Боже упаси! Чтобы никому никаких сведений!»

Вечером того же дня, а случилось это 25 декабря 1946 года, в присутствии государственной комиссии была осуществлена цепная реакция на реакторе, построенном практически за четыре месяца. Эта была первая замечательная победа! Все последующие наши шаги привели к тому, что в Советском Союзе был выкован надежный щит, о который разбилась бесноватые призывы периода «холодной войны». А если бы не сделали всего в такой короткий срок, скажем, затянули бы, то, наверно, катастрофа для нашей страны была бы неминуема.

Дальше началось проектирование и строительство комбината. Я приведу пример, какими мы средствами тогда располагали. Поехал я на Урал с Борисовым (был такой заместитель у нашего Ванникова и заместитель у председателя Госплана) для того, чтобы там, на месте, как говорится, «выколочивать» получение нами стройматериалов, потому что ведь это же после войны же — разруха! Когда мы приехали, там только железную дорогу в тупик провели и пассажирский вагон в лесу вместо штаба поставили. Строители записали в проект постановления, что им нужно для выполнения задания. А надо им было на строительство — три тысячи лошадей, три тысячи телег. И овса, и сена, и конюшни, и всякой такой штуки... Идем мы с Борисовым, а навстречу три телеги. Без дуг. У

строителей дуг нет. Они вместо этих дугнули маленькие вербочки. Вот мне Борисов и говорит (он — «скороговорка» был): «Смотри, смотри! Лошадей просят, сукины сыны, а дуг, дуг-то нет у них». И когда строители доказывали, что им три тысячи лошадей «обязательно нужны», Борисов им в ответ: «Научитесь сначала дуги, дуги делать. Дуги будут, тогда и лошадей дадим!»

По инициативе Игоря Васильевича направили меня на строительство директором. Сначала работал один, а потом туда назначили Музрукова Бориса Глебовича — прежнего директора Уралмашзавода. Я тогда был главным инженером на этом первом нашем комбинате — «десятке» — там, где и получили достаточное количество плутония. Там же потом и Харитон работал. Крупнейшие ученые трудились там тогда: Александр Павлович Виноградов⁷, Виталий Григорьевич Хлопин⁸, Юлий Борисович Харитон⁹, Анатолий Петрович Александров¹⁰, Андрей Анатольевич Бочвар¹¹ и другие.

Виталий Григорьевич Хлопин — наш первый ученый, занимавшийся проблемами радиации и поисками урана, — уже тяжело болел. Он был главным в промышленном освоении плутония для оружия. На комбинате его представлял Никитин. Был у него еще мальчиком и вырос в большого ученого. Они научно организовывали технологию радиохимического процесса. Очень сложного и большого процесса. Когда уран выгружается из ядерного реактора, он идет далее на радиохимию, где весь растворяется. В специальных кислотных растворах плутоний отделяется от урана и осколков — радиохимических отходов, которые отправлялись на захоронение. На этом радиохимическом заводе работало много женщин. Так вот, Хлопин, Никитин и их сотрудники сделали очень много. Вся научная технология получения плутония из облученного урана разрабатывалась ими. Кстати, плутоний — темно-серый металл, внешне похож на железо, только греется. В нем все время идет процесс спонтанного деления.

Андрей Анатольевич Бочвар отвечал в нашем деле за все металловедение. Крупнейшим был ученый. Работал над изготовлением (из половинок шарик делал) ядерного заряда для первой атомной бомбы. Он организовал научное направление по обработке готовых изделий из плутония вплоть до прессования. Чтобы произошла цепная реакция в изделии, надо было его сделать так, чтобы оно само уже было критмассой. Это дело щепетильное. Отец Бочвара преподавал нам в Горной академии, а Андрей был тогда в аспирантуре. Я был старше его. Игорь Васильевич звал его «Тихоней». А Александра Павловича Виноградова — «Фунтарем».

На комбинате случалось разное. Помню, профессор Менделеевского института Громов был в то время главным инженером нашего завода «Б», где очищали и получали плутоний и уже отдельно в растворах передавали Бочвару для изготовления металлического плутония. Громов должен был готовить специалистов по технологии. На заводе было много отделов. Одна группа не знала, что делала другая. Режимщики нас «за горло держали». А он, Громов, очень квалифицированный технолог-химик, всю технологию изучил сразу со всеми работниками. Чуть не посадили его режимщики. Говорят, разгласил тайну! И это за то, что человек готовил для всего завода технологий. Оказывается, он должен был учить отдельно тех, кто, к примеру, в этой комнате, от тех, кто в другой. Еле я его отстоял.

У Александра Павловича Виноградова в подчинении на комбинате работал инженер Коротыгин начальником отдела радиохимического завода. Он вместе с сотрудницей Симагюк, очень талантливым химиком, брал пробы плутония, находившегося в растворах, замерял, из одной посуды в другую переливал. И вот в такой момент образовалась надкритическая величина, произошла бурная реакция, вспышка, но не такая, как в атомной бомбе. Такая произойти не могла. Однако облучение было столь мощным, что Коротыгину ампутировали обе ноги.

Работа развернулась потом грандиозная. Сумасшедшие дела! Огромное число ученых, крупных инженеров из народного хозяйства, многих, так же, как и меня, пока не понимавших, но проявивших себя в своем деле талантливо, отбирали, привлекали. По линии режима до десятого колена проверяли: кто твой прадед, кто дед, кто отец. Трудно было привлекать к нам выдающихся ученых, инженеров, — все страшно боялись, особенно ученые, они попадали как бы в изоляцию. Вот Харитон, он за границу — ни-ни! Вот какой был строжайший режим.

Счастье нашей страны в том, что к нам в главные руководители попал Игорь Васильевич Курчатов, самый эрудированный специалист в ядерной физике. В начале войны ушел на флот, занимался размагничиванием кораблей для уменьшения опасности подрыва на неконтактных магнитных минах, потом тяжело болел в Казани и чуть «не окачурился». Бороду отпустил за время болезни. Так его за это Бородой прозвали. Природа наградила Курчатова изумительными качествами. Он был чрезвычайно обаятельным, веселым, жизнерадостным человеком. Именно благодаря Курчатову шли к нам ученые, хотя и понимали, что будут обречены на изоляцию. Курчатов умел к себе притягивать.

После пуска физического реактора в Москве мощно развернулись работы по строительству комбината для производства

плутония и по разделению изотопов урана. В последнем мы немного отставали от американцев. Это предприятие возглавлял Исаак Кушелевич Кикоин¹². Симпатичный мужик был. И тоже всю свою душу вложил в это дело. Сорок лет с нами работал, и сорок лет мы все боялись, что он не сегодня-завтра помрет. Туберкулез его сжигал. Был такой большой и хилый, а сколько прожил! А как трудился!

Должен подчеркнуть, что на всех этапах и во всех областях огромного комплекса работ во главе находился наш незабвенный Игорь Васильевич Курчатов. Мало сказать, что это был человек особо талантливый. Это был уникум! Все понимал слету. Все другие перед ним были мальчишки! Это сегодня они академики.

Курчатов проделал титаническую работу по всему комплексу и по воспитанию кадров ученых и инженеров.

Тридцать лет я был министром. Четыре года при Игоре Васильевиче. За всю жизнь такого человеческого человека не встречал. Вспоминаешь, сейчас сердце жмет. Мы были как братья. Очень дружно жили.

У него склероз был страшный, курил он много. Наш общий доктор Татьяна Владимировна просила меня уговорить его бросить эту вредную привычку. Я ему говорил не раз: «Игорь Васильевич! Ну брось ты отравлять организм. Вот ведь я в детстве однажды накурился так, что отравился, и больше никогда в жизни не курил, даже когда десять лет в армии служил, да еще в какие времена — гражданская война, голод! Ну, брось ты, ради Бога».

А он мне в ответ: «Э, старина, время бежит, время катится, кто не курит и не пьет, потом спохватится!» Прибавка такая у него была. Да, бывало и выпивали с ним. Но сказать, чтобы пьянствовали, — нет, такого не было.

После испытания первой атомной бомбы мы получили очень высокие награды, особенно такие ученые, как Харитон, Зельдович¹³, которым вручили Звезды Героев и по миллиону рублей. Я получил 75 тысяч. Мы были в почете. К нам было особое отношение. Нас особо снабжали. Настроение было изумительное! Курчатов, Ванников, Завенягин — замечательные все были люди! Армада была! Теперь все ушли. Я один остался.

Сейчас в моем министерстве своя академия наук, полсотни академиков, две с половиной тысячи докторов наук, а кандидатов... Грандиознейшее хозяйство! И основа всего — Игорь Васильевич Курчатов. Он — фундамент всему! Вот Харитон Юлий Борисович, он был главным «в конструкции». Главные теоретические расчеты по оружию выполняли Зельдович и Сахаров. И все же «основа основ», главней всех был Игорь Васильевич Курчатов, что бы сейчас ни говорили. Повторяю, тогда все

великие сегодня наши ученые были перед ним мальчишками! Эрудиция широчайшая! Именно под его руководством была создана оборонная мощь нашей страны. Я глубоко убежден, что эта мощь обеспечит нам мирную жизнь в настоящем и будущем.

Нравственная позиция наших ученых да и всех участников атомной эпопеи была высочайшей. Дай Бог каждому! Мы были преданы родной стране, которую сами строили, ради которой трудились честнейшим образом, отдавая все, что имели: здоровье и даже жизнь, как это ни громко будет сказано. Именно так. Нас не надо было уговаривать. Все мы прекрасно сознавали, что нашему народу, нашей стране нужен ядерный щит, — наша Родина нуждается в защите. А защита Отечества испокон веков считалась высоко моральным долгом каждого гражданина.

Чтобы выбрать место, где можно было бы грамотно «посадить» реактор атомный, мы изучали воздушные потоки и местность. Определяли длительное время, потому что предполагали, что радиация будет выходить в атмосферу.

Еще в космос никто не летал. Но с самолета местность можно было сфотографировать. Комбинат строили в лесу. От железной дороги был сделан тупик. Ничего о строительстве ни станционным, ни железнодорожным рабочим нельзя было ни слова сказать.

Строили, естественно, на пустом месте. Сначала жили в палатках. Потом приобрели финские домики. Были мы еще молодыми, здоровыми, ничего не боялись. Помню, как через три года после начала строительства я там пятидесятилетие отмечал. Мелочью для нас было, чем нас накормят, напоят. Но кормили, поили хорошо, — чего там! Это не вопрос. Правда, пока мы строили, по соображениям секретности, ни на какие там курорты нас не отпускали. Я семнадцать лет никуда не ездил. Мобилизация была всеобщая. Энтузиазм невероятный!

Строили комбинат главным образом заключенные и военные. Гражданских был минимум. Судьба всех, кто там работал (вот почему боялись к нам идти), была спланирована, заранее решена. После запуска «всего дела» нас должны были оставить жить рядом в городе, который там же и строили довольно интенсивно, быстро, с тем расчетом, что все, кто теперь окажется на пуске, должны будут там работать и жить, никуда оттуда не выезжать. Заключенных же должны были сослать на Север, навечно, для работы и жизни там в лагерях. Когда Берию ликвидировали, все стало открываться, а до этого мы ничего об этом не знали.

Но мы изоляции не ощущали. Были бодрь, отлично настроены. Материально для нашей стройки все давалось. Существовал

особый наряд на материальные ресурсы: наискосок с угла на угол — красная полочка. В то время, не дай Бог, кто не выполнит поставки! Все материальные ресурсы шли через Спецкомитет. Туда каждую неделю докладывали, как идут дела.

Когда мы строили атомный комбинат, жили неподалеку от строительства. А места там изумительной красоты! Сосновый бор, озеро, горы! Как-то мы с Игорем Васильевичем катались по озеру. Видим, высокий берег. «Эх! — воскликнул Игорь Васильевич, — вот бы тут нам жить!» «Хорошо, — говорю я, — давай завтра пойдем, выберем место, построим коттеджи».

Случилось так, что его вызвали в Москву. Я же с проектировщиками пошел, выбрали место, забили колышки у обрыва и в пятидесяти метрах друг от друга построили два коттеджа: один для Курчатова, другой для меня. Впереди озеро, дальше горы — красота! И жили мы там, пока строили.

Героические дела совершают люди. Но ведь и глупые вещи тоже они делают. Когда Игоря Васильевича не стало, то в потоке разговоров о культе Сталина, пошли вслед говорить и о культе Курчатова, Славского. В борьбе с культом Сталина взяли и сломали наши те два коттеджа. Года четыре назад приехал я на комбинат. Исполком пригласил меня. Вынесли решение избрать меня почетным гражданином города. Вручили мне это решение, грамоту преподнесли. Попросили вспомнить, как все начиналось. Я вспомнил... А потом и говорю: «Позвольте пригласить вас в мое имение». Туда, зна-

Академик И.В. Курчатов и министр среднего машиностроения Е.П. Славский. 1959 год.

чит, где коттеджи стояли. Я знал, что их по глупости разорили. Сломали. Приехали на место, а там фундамент да лесенка. Я по лесенке поднялся и зову: «Прошу вас пожаловать ко мне, в мой дом». А они все «ни бе, ни ме». Я говорю: «Зачем ломали? Вы лучше бы детский сад тут открыли». Э-эх! Теперь они по своей глупости построили коттедж в городе, не отражающий ни историй, ни черта, и сделали там маленький музей. Вот что иногда люди по глупости делают.

Когда я стал министром, Сталина уже не было. Хрущев был Генеральным секретарем, Булганин — Председателем Совета Министров.

К Игорю Васильевичу относились хорошо. А насущных вопросов решать надо было много. Игорь Васильевич придет ко мне: «Давай, звони, пусть примет нас». Я звоню Хрущеву, он нас принимал немедленно.

В то время Лысенко зажимал генетику. А Курчатов решил Дубинина защитить, и к Хрущеву. А тот: «Мы вас очень ценим и уважаем, а здесь вы не грамотный, не суйтесь в это дело!».

И вот Игорь Васильевич обратился тогда ко мне: «Давай деньги! Прикажи построить помещение!» Построили помещение и генетиков вырастили втайне от Хрущева. Только несколько лет тому назад отдали их из Института атомной энергии в Академию наук — целый институт молекулярной генетики!

Хрущев хотел сделать Курчатова президентом Академии наук. Игорь Васильевич отказывался. И я говорил, что нельзя его загружать из-за здоровья, уже несколько инсультов тогда имел. Самоотверженным и отважным он был. Никакой черной и тяжелой работы не боялся. Надо было работать ночами, и больше двадцати часов в сутки работал. Надо было лично перепроверять облученные урановые блочки — перепроверял лично, своими руками. Когда на комбинате работали, со временем не считались вовсе. Спали два-три часа в сутки и нередко в производственных корпусах. Напряженное колоссальное! Народ самоотверженный! Вспоминаю нашего классного мастера Ивана Павловича Фролова-Домнина, который нам столько оказал замечательных услуг, а Игоря Васильевича можно сказать, даже спас.

Иван Павлович изумительно был талантлив. Вот какой случай связан с ним, когда мы на первом промышленном реакторе работали. Только мы его пустили, еще никакого плутония не наработали (я там уже главным инженером комбината был) Игорь Васильевич мне и говорит: «Знаешь, поскольку тебе и другими делами заниматься надо и чтобы ты днем действовал, давай мы будем спать по очереди по три-четыре часа. Я буду работать ночью, а ты ночью отдох-

нешь хоть немного. Ты же днем работай, так как у тебя зона действия как у главного инженера огромная, разные ведь заботы есть».

И вот как-то я приехал с площадки ночью и не успел голову на подушку положить, как он мне звонит: «Быстро приезжай! ЧП!» Позвонил дежурному, чтобы машину мне послали. А сам думаю, дай прилягу на 15-20 минут, пока машина придет. И мгновенно от переутомления уснул. Но спал нервно. Через полчаса проснулся. Смотрю в окно — машины нет. Спрашиваю дежурного: «Где машина?» А он: «Я не нашел». Я его, конечно, обругал и позвонил Игорю Васильевичу. А у него машина была там на площадке, километров пятнадцать расстояние будет. Дорога бетонная, езды 10 — 15 минут. Объясняюсь с ним и прошу направить мне его машину. А он меня успокаивает: «Давай спи, давай отдыхай! Я тебе завтра расскажу, как ЧП ликвидировали». А у нас случилась тогда первая неудача из-за конструкции реактора. Он канальный, каналы алюминиевые стали быстро корродировать и выходить из строя. И мы никак не могли понять, в чем же дело. Потом выяснили. Поняли, что надо изменить систему влагосигнализации. Чтобы изменить эту систему, потребовалось разгрузить весь реактор. Можете себе представить: в нем 100 с небольшим тонн урана! И наши люди перенесли облученный уран снизу вверх для загрузки. Эта эпопея была чудовищная! А блочки урановые эти у нас (это, как ходики у часов), они заключены в алюминиевые оболочки и иногда об железные конструкции ударялись, и оболочки повреждались. Если бы такой блочок потом попал в реактор, то туда попала бы вода и произошло бы распухание, а это, как мы называли, «козел», то есть закрывается вся подача воды. А тогда сгорит весь ток в канале. И Игорь Васильевич решил той ночью дежурить. Зал огромный. Посередине реактор. Надо проверить, загрузить свежие блочки. И он тогда через лупу все их рассматривал, проверял, нет ли поврежденных? У нас была сигнализация устроена так, что если бы радиоактивность больше положенной нормы стала бы, то звонки зазвонили бы. Кроме того, звуковая сигнализация была дублирована световой — разные лампочки загорались. Но учитывая, что «гадость» была большая, то мы, конечно, вообще выключали эти самые звонки и загубили световую сигнализацию. А тут вдруг, понимаете, она загорелась! Игорь Васильевич сидел у стола. В одном ящике у него лежали эти облученные блочки. Он их осматривал и клал в другую сторону. Иван Павлович видит: загорелись лампы. Он к Игорю Васильевичу: «Не у вас ли это, Игорь Васильевич, загорелось?» И дозиметриста вызвал. Ионизационную камеру мгновенно доста-

вили. И установили, что у Игоря Васильевича в этом самом ящике находятся мощно облученные блочки. Если бы он досидел, пока бы все отсортировал, еще тогда бы мог погибнуть. Вот какие самоотверженные люди у нас были!

Всю свою кипучую энергию Курчатов отдал Родине. Именно под его руководством в кратчайший срок было создано и противопоставлено атомной монополии США наше ракетно-ядерное могущество. Если бы мы не создали свой ядерный щит в такой короткий срок, затянули бы, не дай Бог, лет на десять, — наверное катастрофа для нашей страны была бы неминуема.

Сейчас в европейских и американских кругах распространяют слухи, что Советский Союз якобы наворовал технологию ядерного оружия у американцев и поэтому так быстро его создал. А мы действительно создали за три года!

Конечно, у Игоря Васильевича какие-то сведения имелись. Но сказать, что они были таковы, что по ним мы могли все уже делать, — это чепуха! Ведь реактор построить и пустить — это еще не все, даже если он заработает и урана с плутонием в реакторе достаточно накопится. Дальше сложнейшая процедура — радиохимия. И, наконец, уже та часть — обработка изделий для атомной бомбы, как мы называли, «ОЗЕ», там, где господствовал А. А. Бочвар. Это еще один завод. Сложнейшие процедуры!

В августе 1949 года мы взорвали первую атомную бомбу, совершенно ошарашив всех своих противников. Сам я на полигоне тогда не был. Не пришлось. Оставался на комбинате. В ожидании испытания все мы страшно волновались. Особенно переживал Игорь Васильевич. Он выглядел бледным, осунувшимся, очень нервничал, хотя и старался не показывать виду. Помню, уезжая на испытания, пришел попрощаться с нами, принес коньяк. «Выпейте, — говорит, — за общее наше дело, за удачу», — а сам как натянутая струна.

Бомбу увозили с соблюдением невероятной секретности. Стражайшей! Для скрытности впереди состава с грузом пустили два коротких дополнительных. Затем следовал поезд с атомной бомбой. Всю эту цепочку замыкал еще один поезд прикрытия.

Мы создали ядерный заряд уже сразу как бомбу, которую можно было бросать с самолета. Когда у американцев уже были ракеты, снаряженные ядерными зарядами, у нас только родилось исключительной теплоты братское сотрудничество между академиком Игорем Васильевичем Курчатовым и академиком-конструктором Сергеем Павловичем Королевым. Игорь Васильевич руководил работами по созданию ядерного оружия, Сергей Павлович — ракетоносителей к нему. И мы создали ту мощь, из-за которой считают нашу страну наряду с Америкой сверхдержавой мира.

После испытания началось производство оружия. На каждую изготовленную бомбу в Москву обязательно направлялись расчетные материалы. Они докладывались генералу Махневу в секретариат Берии. У меня на комбинате работали две обособленные службы контроля. Все секретные документы проходили через мой секретариат. Однажды контролеры вовремя не забрали подготовленный к отправке расчетный материал, а секретарша по ошибке на следующий день сожгла его со своими подложившими уничтожению документами. Это была катастрофа! Секретарь, Шура Корниенко, чуть не покончила с собой. Контролеры о случившемся боялись докладывать Берии. Я позвонил. Берия пообещал мне «башку снести». Я ждал, что так и будет. К счастью, вскоре состоялось очередное успешное испытание, и это разрядило обстановку. Берия приехал в Кыштым прямо с полигона, был в добром расположении. И угроза миновала.

Часто спрашивают, не терроризировал ли нас Берия? Должен сказать, что он нам не мешал. Он не разбирался в научных и инженерных проблемах, поэтому к мнению специалистов всегда прислушивался. В деле организации и выполнения своих задач, в мобилизации людей и ресурсов он, пользуясь огромной властью, помогал. Со стороны правительства мы находили сильную поддержку. Отношение к атомщикам было благожелательным, и мы находились в привилегированном положении. Но возникали ситуации, когда становилось страшно...

Помню, как Игорь Васильевич готовился к поездке в Англию в составе правительственной делегации. Он выступал там. Доклад готовил. Поделился с англичанами «термоядом», который был засекречен, а мы были впереди. Такой эффект произвел, что по его предложению работы по управляемой термоядерной реакции были рассекречены во всем мире. Авторитет Курчатова стал огромнейший!

Вскоре после этого Игорь Васильевич сказал мне: «Знаешь, страны сейчас вроде как соревнуются по оружию, а наука и ее достижения будут все-таки равносильными. Вот большие ускорители стоят чудовищно дорого, а на них науку развивать надо — достижения будут всемирными и войны от этого не может быть. Давай, пойдем в правительство и предложим на кооперативных началах с американцами и с учеными из других стран строить ускорители большой мощности».

Мы пошли. Нас выслушали. Хрущев говорит: «Игорь Васильевич, почему бы вам для начала с Жолио-Кюри не начать это дело? Жолио-Кюри — коммунист». А у французов тогда были трения с американскими учеными, об этом мне сам Жолио-Кюри рассказывал. Мы начали готовить документы, ну а пока готовили, Жолио-Кюри умер.

В 1960 году Курчатов должен был поехать во Францию вместе с Хрущевым. Подготовка к поездке началась еще в 1958 году. Он готовился выступить там с лекцией в научном центре.

Игорь Васильевич пришел ко мне. Он тогда уже с палочкой ходил, похрамывал. Размахивает ею, как зонтиком, изящно так и говорит: «Я этого Эйзика (Эйзиком он прозвал президента Соединенных Штатов Эйзенхауэра) на обе лопатки положу». А я ему: «Ты что, на борьбу туда отправляешься, что ли? На обе лопатки!»

Он же мне начал рассказывать, как это сделает. Такие вещи, на мой взгляд, открывать было нельзя. Я ему говорю: «Старина! Как же ты можешь французам помогать овладеть ядерным оружием, когда они в НАТО? Мы вон китайцам не даем».

А надо сказать, что если бы не конфликт Хрущева с Мао, то Китай завладел бы в то время ядерным оружием. Мы уже подготовили соглашение о передаче им технологии по диффузионным процессам. Чуть ли не передали и макет атомной бомбы.

Курчатов подумал, повертел своей палочкой и в ответ: «Ты прав, буденновец, ты прав!» И пообещал переделать свой доклад. Как переделал, не знаю. 7 февраля 1960 года Игорь Васильевич поехал с тезисами в Барвиху к Харитону. Читал ему их там и умер на лавочке во время чтения.

Для нас его смерть была трагедией. Для нашей страны — чудовищной потерей. Перед всеми нами еще только начинала разворачиваться очень большая перспектива в атомной энергетике. Кстати, Курчатов еще при жизни боролся за полное запрещение и уничтожение ядерного оружия. А нам сейчас предлагают, мол, давайте обсуждать вопросы о запрещении ядерного оружия. Да мы об этом столько твердили Западу, столько шагов предпринимали. И все зря. Так что атомные бомбы создавали не для устрашения, не для агрессии, а ради защиты своей страны, своей любимой Родины. А необходимость этого имела серьезная. Сегодня известно, что в разгар «холодной войны» планировался атомный удар по нашим городам. А не состоялся он потому, что

у нас имелся надежный ядерный щит. И я горжусь, что внес посильный вклад в его создание, счастлив, что верно служил Отечеству.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹Ломако Петр Фадеевич (1904-1990) — государственный военный деятель, организатор оборонной промышленности СССР. С 1965 г. министр цветной металлургии СССР, Герой Социалистического Труда.

²Тамм Игорь Евгеньевич (1895-1971) — советский физик, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии.

³Гончаров Владимир Владимирович (р. 1912) — инженер-технолог, химик, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники, один из авторов проекта получения графита высокой чистоты.

⁴Ванников Борис Львович (1897-1962) — государственный и партийный деятель, генерал-полковник, один из организаторов оборонной промышленности СССР, трижды Герой Социалистического Труда.

⁵Завенягин Авраамий Павлович (1901-1956) — государственный и партийный деятель, один из организаторов металлургической, тяжелой и оборонной промышленности СССР, в 1941-1950 гг. работал в системе МВД СССР, дважды Герой Социалистического Труда.

⁶Доллежал Николай Антонович (р. 1899) — ученый-энергетик, академик, член-корреспондент, главный конструктор реактора первой в мире атомной электростанции, Герой Социалистического Труда.

⁷Виноградов Александр Павлович (1895-1975) — геохимик, академик, дважды Герой Социалистического Труда.

⁸Хлопин Виталий Григорьевич (1890-1950) — радиохимик, академик, основатель научной школы в области радиохимии.

⁹Харитон Юлий Борисович (р. 1904) — советский физик-ядерщик, академик, трижды Герой Социалистического Труда.

¹⁰Александров Анатолий Петрович (р. 1903) — физик, академик, являлся Президентом Академии наук СССР, трижды Герой Социалистического Труда.

¹¹Бочвар Андрей Анатольевич (1902-1984) — металлург, академик, дважды Герой Социалистического Труда.

¹²Кикоин Исаак Кушелевич (1908-1984) — физик, академик, дважды Герой Социалистического Труда.

¹³Зельдович Яков Борисович (1914-1987) — физик, академик, трижды Герой Социалистического Труда.

*Литературная запись и примечания
Р. В. КУЗНЕЦОВОЙ,
кандидата исторических наук,
директора мемориального
Дома-музея И. В. Курчатова*

*Фото из фондов мемориального
Дома-музея И. В. Курчатова*

РЕДАКЦИЯ принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке в двух экземплярах через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность информации, а также за то, что в материале не содержится данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку с корреспондентами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает издательство газеты «Красная звезда» (тел. 941-39-52).

В ближайших номерах

Генерал-полковник в отставке
В.А. МЕРИМСКИЙ

Кабул —
Москва:

ВОЙНА по ЗАКАЗУ

«Маршал Советского Союза С. Л. Соколов, встречая меня в своем кабинете, выглядел озабоченным.

— Получаемая нами информация о боевых действиях афганской армии весьма противоречива, — сообщил он. — Руководство Афганистана шлет непрерывные просьбы о поставке оружия, боевой техники, различного военного имущества. Более того, поднимается вопрос о вводе наших войск в Афганистан. Принято решение направить в ДРА нашу неофициальную военную делегацию во главе с главкомом Сухопутных войск Павловским, которая должна во всем разобраться на месте. Вы включены в состав этой делегации.

Шел август 1979 года».

«Материал касался Х. Амина — премьер-министра и министра обороны страны. Основное его содержание сводилось к тому, что Х. Амин во время учебы в США состоял в руководстве землячества афганских студентов и это привлекло к нему внимание ЦРУ. Высказывалось предположение о возможности его вербовки. Кроме того, обращалось внимание на то, что Х. Амин стремится к единоличной власти и рассчитывает на поддержку США».

«— Я рад вашему приезду, — сказал Х. Амин. — Я читал марксистские книги и утверждаю, что с помощью Советского Союза мы победим. Мы создадим для вашей работы все условия. Но почему ваше правительство не соглашается на встречу со мной для решения неотложных вопросов? На все мои неоднократные просьбы об этом я не получил ответа».

«В один из зимних дней 1980 года С. Л. Соколов показал мне только что поступивший из Москвы документ. Это была директива министра обороны СССР Д. Ф. Устинова. Я начал внимательно читать. Перед 40-й армией теперь ставились совершенно новые задачи, которые по своему характеру в корне отличались от предыдущих. От выполнения охранных задач армия должна переходить к активным боевым действиям».

«22 февраля 1980 года Кабул вновь бурлил. В правительстве чувствовалась растерянность. С. Л. Соколов, С. Ф. Ахромеев и я выехали из нашей резиденции в министерство обороны, где встретились с М. Рафи. На наш вопрос, что происходит в столице, тот ответить не смог и после некоторого замешательства обратился к Сергею Леонидовичу с просьбой, чтобы советский маршал командовал афганской армией так, как посчитает нужным».

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИСЧЕЗНУВШЕЙ

*Генерал-полковник в отставке
Ю. В. ВОТИНЦЕВ*

В борьбе с самолетами-нарушителями

Весной 1959 года главнокомандующий Войсками ПВО страны Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов инспектировал отдельный Туркестанский корпус ПВО. Корпус был признан небоеготовым. Командир с должности снят. С. С. Бирюзов из Ташкента позвонил своему первому заместителю маршалу артиллерии Н. Д. Яковлеву¹ и распорядился в течение трех дней оформить мое назначение на должность командира этого корпуса.

Первая же встреча с командованием соединения произвела на меня гнетущее впечатление. Начальник штаба, начальники родов войск состояние дел в частях и подразделениях знали слабо, обстановкой не владели. Два месяца мне понадобилось, чтобы познакомиться с частями, в том числе и с личным составом отдельных радиолокационных рот на Памире, дислоцированных вдоль дороги Ош — Хорог, на высотах от 3 до 5 тыс. м. Сделал вывод, что боевой состав корпуса, развернутого на южных рубежах страны, поставленные задачи решать не способен.

За год удалось полностью обновить и усилить руководящий состав корпуса, в основном за счет лучших офицеров из армии особого назначения. С их помощью стали наводить порядок в подразделениях и частях. Лишь одна часть вызвала у меня чувство удовлетворения — 9-й гвардейский истребительный авиационный полк в Андижане, которым командовал подполковник Горюнов. Первый полк советских асов свято хранил боевые традиции, успешно выполнял учебно-боевые задачи, летчики бдительно несли боевое дежурство. Но один эпизод, который мы затронули в беседе с командиром полка, меня настрожил.

В радиотехнической роте, размещенной вместе с полком в Андижане, была единственная, новая по тем временам РЛС П-30. Примерно за полтора года до моего назначения оператор именно этой станции обнаружил воздушную цель на высоте 20 тыс. м. Горюнов поднял истребитель с опытным летчиком — командиром эскадрильи. Набрав запредельную для МиГ-19 высоту — 17 тыс. м, пилот доложил, что наблюдает над собой выше примерно на 3 тыс. м крестообразной конфигурации самолет. После этого случая в полк прибыл командующий истребительной авиацией

Войск ПВО страны генерал-полковник авиации Е. Я. Савицкий². Он побеседовал с летчиком, проанализировал все имеющиеся по факту пролета загадочного самолета данные и пришел к тому же выводу, что и специалисты из Генштаба на КП армии особого назначения быть не может. Летчик из полка был срочно переведен. Встретиться с ним я не мог.

У меня уже тогда сложилось иное мнение, но подтвердить его фактически было нельзя. В 1959 году я представил главнокомандующему доклад о необходимости обновления техники и вооружения корпуса. Вскоре получил ответ, что моя заявка включена в план и поставки будут осуществляться в течение 1961-1962 гг. Однако действительность изменила эти планы.

9 апреля 1960 года в районе Памира со стороны Пакистана перелетел иностранный самолет. «Радиолокационными постами отдельного Туркестанского корпуса ПВО из-за преступной беспечности нарушитель был обнаружен в 4 ч 47 мин, когда углубился на нашу территорию более чем на 250 км» — это цитата из материалов комиссии главнокомандующего Войсками ПВО страны, расследовавшей факт нарушения государственной границы. На самом же деле радиолокационная станция роты, неудачно размещенная восточнее Хорога, из-за засветки экрана от местных гор обнаружить самолет не могла. Устойчивую проводку его начали осуществлять размещенные севернее локаторщики роты Кара-Куль. Я в это время находился на КП корпуса и, когда на планшет легла трасса нарушителя, поднял с аэродрома Андижан четыре истребителя МиГ-19. Несмотря на наведение, перехватчики, введенные на высоту 16 тыс. м, цели не обнаружили.

В дальнейшем нарушитель безнаказанно сделал несколько заходов над полигоном Войск ПВО страны в районе озера Балхаш. На стартовой позиции, где испытывался новый зенитный ракетный комплекс С-75, боевых ракет в то время не было. Начальник полигона генерал-лейтенант артиллерии С. Д. Дорохов³ доставить их с технической базы, расположенной в 80 км, не успел. Самолет же развернулся, облетел полигон Байконур и через Мары ушел за границу. Всего самолет-нарушитель находился над нашей территорией 6 ч 48 мин. Ни корпус ПВО, ни 73-я воздушная армия не имели ни сил, ни средств для пресечения этого беспрецедентно наглого нарушения. С центрального командного пункта Войск ПВО страны меня информировали, что главноком шесть часов простоял у планшета молча. Лишь дважды С. С. Бирюзов потребовал мое-

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1993, № 8.

ВОЙСКА СВЕРХДЕРЖАВЫ

**Американо-иранский
разведывательный самолет
типа «Кондор»,
принужденный к посадке после нарушения
государственной границы СССР в 1964 г.**

го личного подтверждения, что высота нарушителя остается неизменной — 20-21 тыс. м, о чем и доложил министру обороны. При приближении нарушителя к государственной границе я не исключал возможности его снижения. Доложил об этом С. С. Бирюзову и получил разрешение направить пару МиГ-17 в догон с нарушением границы Ирана. Командир истребительного авиационного полка подполковник П. Е. Кузин⁴ поставил задачу двум летчикам идти за границу, при снижении нарушителя уничтожить, вплоть до тарана. Два МиГ-17 ушли за границу на 250-300 км, но нарушитель не снижался и обнаружен не был. С трудом, при почти пустых баках, самолеты вернулись на аэродром Мары-2. После моего доклада С. С. Бирюзов сказал, что за пропуск самолета-шпиона, выполнившего разведку двух наших секретнейших полигонов, я и другие виновные будут строго наказаны министром обороны. И добавил: «Нос не вешать. У нас в ПВО за одного битого дают не двух, а дюжину небитых. Запомните это».

Кстати, правительство Ирана не сделало заявлений по поводу нарушения границы нашими истребителями.

Приказом министра обороны я был предупрежден о неполном служебном соответствии. Пока размышляли над тем, что необходимо предпринять для предупреждения подобных нарушений, 1 мая 1960 года другой самолет был обнаружен на подходе к государственной границе на Памире. За своевременное обнару-

жение нарушителя боевой расчет радиолокационной роты был награжден орденами и медалями: майор В. Кулагин — орденом Красной Звезды, старшие лейтенанты В. Урбанович, К. Щелчинский, ефрейтор Г. Лысов и рядовой Г. Старцев — медалью «За боевые заслуги». А летевший курсом на Москву самолет был сбит уже развернутым к тому времени на Урале зенитным ракетным комплексом С-75.

По показаниям катапультировавшегося американского летчика Паузэра, для нарушения воздушного пространства СССР использовался самолет стратегической разведки США У-2. Его практический потолок составлял 21-24 тыс. м. На вооружение он был принят в 1956 году, о чем наша разведка ничего не знала. В противном случае на заседании Политбюро ЦК КПСС в апреле 1960 года председатель Государственного комитета по авиационной технике П. В. Дементьев⁵ и авиаконструктор А. И. Микоян⁶ не заявили бы, что в мире нет самолетов, которые могли бы на протяжении 6 ч 48 мин идти на высоте 20 тыс. м. Оказывается, могли и ходили и даже к тому времени совершили почти 30 разведывательных полетов.

В 1960-1961 гг. досрочно в корпус поступило 5 тыс. офицеров и около 20 тыс. солдат и сержантов, более 100 зенитных ракетных комплексов С-75, значительное количество новых РЛС, в том числе 12 станций П-14 — тогда самых совершенных. Наиболее успешно эти стационарные станции развертывались в 41-м радиотехническом полку, которым ко-

П. Е. Кузин

Д. Н. Солодченко

И. И. Федюнинский

П. А. Крымский

мандовал Д. Н. Солодченко⁷. Большая заслуга принадлежит и его подчиненным — офицерам Н. Козлову, А. Ромазанову, А. Шендрику.

Дополнительно к двум имевшимся корпус был усилен еще четырьмя истребительными авиационными полками и переименован в 30-й отдельный корпус ПВО. Потребовалось в сжатые сроки сформировать, переучить на новую технику с последующим выполнением боевых стрельб на полигоне 11 зенитных ракетных бригад и два полка. Кроме того, переформировать и усилить радиотехнические войска. Предметом особой заботы стала летная подготовка и обустройство истребительно-авиационных частей. Дело усложнялось из-за многотипности самолетного парка: МиГ-15, МиГ-17, МиГ-19, Як-25, Як-28П, Су-9.

С большим участием, пониманием возникших проблем отнесся к нам командующий войсками Туркестанского военного округа генерал армии И. И. Федюнинский⁸. Помогали и руководители ЦК и правительства союзных республик Средней Азии и Казахстана, местных органов власти. Это позволило уже в 1964-1965 гг. разместить людей в благоустроенных городках.

По-новому в сложившейся обстановке работали офицеры штаба и управления корпуса: И. И. Фролов⁹, П. А. Крымский¹⁰, Н. И. Наумов¹¹, Я. Н. Ефромеев¹², О. П. Ефимов¹³, С. А. Сандригайло¹⁴, командиры дивизий В. С. Деев¹⁵, В. Д. Слюсар¹⁶, А. Д. Котов¹⁷; командиры бригад Н. В. Чемерикин¹⁸, Д. П. Павлушенко¹⁹, М. Б. Шеломков²⁰, командир истребительного авиационного полка П. Е. Кузин.

В мае 1963 года корпус был развернут в 12-ю отдельную армию ПВО. Однако усиление противовоздушной обороны на южной границе СССР не избавило сопредельную сторону от соблазна совершать провокационные полеты над нашей территорией.

Летом 1963 года Л. И. Брежнев²¹ прибыл с визитом в Иран. Именно в то время, когда он выступал в меджлисе, разведывательный самолет вторгся в наше воздушное пространство. Дежурными силами 156-го истребительного авиационного полка — командиром звена Степановым с ведомым Судариковым — он был перехвачен и затем сбит. Тем не менее самолет-нарушитель дотянул до иранской территории и упал в городе Моминабаде

в 30 км от границы. Среди депутатов меджлиса распространили записку — советские летчики над территорией Ирана только что сбили гражданский иранский самолет. Шахиншах попросил Л. И. Брежнева прервать выступление до выяснения обстоятельств случившегося. Тут же было установлено, что иранский самолет вылетел в сторону советской границы без заявки и разрешения гражданских властей. После извинений шахиншаха Ирана Л. И. Брежнев продолжил свое выступление. Тогда я второй раз был предупрежден о неполном служебном соответствии. Неприятно вспоминать, как бывший в то время главнокомандующим Войсками ПВО страны В. А. Судец²² на военном совете в Москве, тенденциозно разбирая обстоятельства происшедшего, требовал, чтобы летчиков Степанова и Сударикова отдали под суд военного трибунала. На это я ответил, что в таком случае вынужден буду подать рапорт об отстранении меня от должности и предании суду вместе с летчиками — приказ на уничтожение самолета был отдан мною. Сказал я и о том, что подобный прецедент может вызвать у воздушных бойцов боязнь ответственности за безусловное выполнение боевого приказа. Военный совет вынужден был согласиться с моими доводами.

Возвращаясь из Ирана, Л. И. Брежнев сделал остановку в Ташкенте. В числе встречающих на аэродроме вместе с командующим войсками округа И. И. Федюнинским был и я. Л. И. Брежнев, отозвав нас в сторону, сказал: «Наши отношения с Ираном налаживаются. Так что, товарищи, прошу — будьте на границе поаккуратнее».

Эту просьбу мы выполнили буквально. Ровно через год такой же самолет типа «Кондор» нарушил воздушную границу. Он был перехвачен командиром звена И. Журавлевым. В воздухе, в момент перехвата, экипаж нарушителя дружно «поднял руки» и, беспрекословно повинувшись Журавлеву, сел на аэродроме в районе Мары. На вопрос, почему они не попытались уйти за границу, как их предшественники, ответили: «У вас ведь сразу убивают...»

По результатам расследования, проведенного начальником штаба авиации ПВО страны генералом И. П. Башиловым, стало ясно, что как в первом, так и во втором случае самолеты-нарушители выполняли полеты в интересах ирано-американской географо-картографиче-

ской компании. Однако предельная оснащённость самолета разведывательной аппаратурой, специальная подготовка экипажа под руководством американских инструкторов убедительно доказывали его принадлежность к ЦРУ.

Во время нарушений границы управление перехватчиками осуществлялось с КП командиром 17-й дивизии ПВО А. Д. Котовым, командиром 156-го истребительного авиационного полка П. Е. Кузиным и командиром 12-й радиотехнической бригады Л. Б. Гоцинским²³. Все ранее наложенные на меня взыскания были сняты, а действия моих подчиненных поставлены в пример Войскам ПВО страны.

Подобные эпизоды, конечно же, никогда не забудутся. Именно они дают возможность глубоко осознать смысл всей нашей службы, по настоящему проверить степень готовности к выполнению поставленной задачи в любых условиях. И все-таки это были будни. Правда, боевые.

Противоракетный щит страны

В конце апреля 1967 года главнокомандующий Войсками ПВО страны генерал армии П. Ф. Батицкий неожиданно вызвал на Государственный Центральный научно-исследовательский полигон у озера Балхаш командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-полковника Н. Г. Лященко²⁴ и меня. Оттуда на его самолете мы вылетели в Алма-Ату. Едва набрали высоту и легли курсом на казахскую столицу, как главному сообщил о решении военного совета рекомендовать меня на более высокую должность. Сама должность упомянута не была, и мой вопрос остался без ответа. Настойчивая просьба дать возможность продолжать командовать армией, завершить реализацию намеченных планов, поддержанная Н. Г. Лященко, во внимание принята не была и у П. Ф. Батицкого вызвала лишь раздражение.

П. Ф. Батицкому, непосредственно руководившему совместно с организациями промышленности работами по созданию противоракетной и противокосмической обороны (ПРО и ПКО), с большим трудом удалось заручиться согласием Генерального штаба и 30 марта 1967 года получить директиву на формирование нового рода войск ПРО и ПКО в составе Войск ПВО страны.

Разработка и создание этих оборонительных систем вооружения начались еще в начале 60-х годов. Создавались головные объекты, формировались воинские части. По линии ПВО все работы выполнялись специальными управлениями, которые возглавляли генерал-майоры артиллерии М. М. Коломиец²⁵ и И. Е. Барышполец²⁶, подчиненные Главному заказывающему управлению, начальником которого был генерал-полковник авиации Г. Ф. Байдуков²⁷.

Управления М. М. Коломийца и И. Е. Барышпольца выполняли важные функции заказчика, осуществляя контроль за ходом и состоянием строительно-монтажных работ и подготовку личного состава к участию в них.

Для П. Ф. Батицкого создание войсковой структуры для ПРО и ПКО было делом решенным. Был определен и кандидат на должность командующего создаваемыми войсками. И прилетел он на полигон главным образом для

Н. И. Наумов

Я. Н. Ефромееенко

О. П. Ефимов

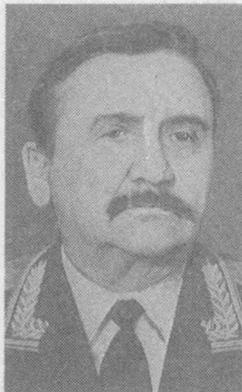
С. А. Сандригайло

того, чтобы обсудить вопрос о моем назначении с руководителями республик Д. А. Кунаевым²⁸ и Ш. Р. Рашидовым²⁹, а также с командующим войсками ТуркВО генерал-полковником Н. Г. Лященко.

Сам факт, что выбор пал именно на меня, явился полной неожиданностью. В наших войсках выдвиженцы на крупные ключевые должности были, как правило, из Московского округа ПВО. П. Ф. Батицкий в течение одиннадцати лет им командовал и очень ревниво относился к своим питомцам. И тем не менее вскоре я был вызван в Москву на беседу в ЦК КПСС.

Принял меня заведующий отделом административных органов ЦК партии Н. И. Савинкин³⁰. Подготовившись к обстоятельному разговору, я признаюсь, был несколько обескуражен его краткостью. А результат — дальнейшая неопределенность положения. Савинкин лишь проинформировал — с моим личным делом ознакомился секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам Д. Ф. Устинов³¹, который выразил удивление по поводу того, что в Войсках ПВО страны не смогли предложить на эту должность крупного инженера. Заключил разговор Савинкин пожеланием не расстраиваться в случае возражения Устинова.

На следующий день утром я вместе с Савин-

А. Д. Котов

Н. В. Чемерикин

Д. П. Павлушенко

М. Б. Шеломков

Л. Б. Гоцинский

М. Г. Мырмин

лицом, ответственным за оснащение армии оружием и техникой.

Начал с того, что зенитный ракетный комплекс С-75 не способен поражать самолеты и крылатые ракеты на малых и предельно малых высотах и требует существенной доработки. Усиление зенитно-ракетных группировок маловысотным комплексом С-125 потребовало бы больших дополнительных затрат. Современные для тех лет истребители-перехватчики Су-9 и не принятые на вооружение, но серийно выпускаемые самолеты Як-28П, имеют крайне низкую надежность двигателей, бустерной системы и радиолокационных прицелов. Это привело к росту аварийности и неоправданной гибели летчиков. Авиационные ракеты класса «воздух — воздух» РС-2УС имеют эффективность поражения всего лишь 0,6-0,7. У станций радиотехнических войск низкая помехозащищенность, что вызывает необходимость иметь РЛС различного диапазона. Из-за этого приходится увеличивать количество станций в каждой группировке и расходовать их ресурс. В заключение я просил ускорить ввод в строй истребителя-перехватчика МиГ-25, который способен обнаруживать низколетящие цели на фоне земли и уничтожать их.

Д. Ф. Устинов ни разу не перебил меня, лишь изредка делал какие-то пометки. Когда я закончил, он внимательно посмотрел на меня и сказал, что я оказался в числе тех немногих, которые в этом кабинете не произносят лозунгов и не расхваливают наше вооружение. Затем задал вопрос: смогу ли я все это доложить Л. И. Брежневу, что для него важно. Ответил я утвердительно и без колебаний. Уже прощаясь, Устинов сказал: «Юрий Всеволодович, у меня к вам убедительная просьба. По роду дальнейшей службы вам придется работать с генеральными конструкторами товарищами Минцем и Кисунко. Каждый из них сейчас трудится над созданием своей локальной системы вооружения, и ваша задача попытаться эти усилия объединить, — при этом Дмитрий Федорович характерным жестом сцепил руки, — это позволит сократить время на их создание и государственные затраты».

Лишь выйдя из кабинета Устинова, я понял, что его напутствие означает не что иное, как согласие на мое назначение. Вскоре из кабинета вышел улыбающийся Савинкин и, протянув мне руку, сказал, что Брежнев примет меня сразу после майских праздников.

11 мая 1967 года я в сопровождении Савинкина вошел в кабинет Генерального секретаря ЦК КПСС. Леонид Ильич стоял у открытого окна и улыбался. Мой доклад прервал словами: «Не надо шуметь...» Обнял за плечи и предложил сесть. Прочитав какую-то бумагу, лежащую перед ним, сказал: «Ваше назначение ЦК благословляет. Да, кстати, Дмитрий Федорович просил вас послушать. Но вы видели, сколько народу в приемной. Поэтому сделаем так: в ближайшее время я буду на одном из ваших объектов и там мы обстоятельно обо всем переговорим».

Ни на одном из наших объектов Брежнев так и не побывал.

Необходимость создания нового оборонительного рода войск была продиктована отнюдь не амбициями политиков и военных, как пытаются это теперь представить некоторые журналисты, а опасным ужесточением военной доктрины США, навязанной нам гонкой вооружений.

киным вошел в кабинет Устинова. Дмитрий Федорович встретил доброжелательно, энергичным движением руки пригласил сесть рядом. Закурили. После нескольких протокольных вопросов он предложил обстоятельно доложить, как в войсках оценивается состояние вооружения. Я решил докладывать начистоту, хотя и знал, что именно Устинов был первым

В. А. Едемский

С. Д. Дорохов

А. Г. Кубарев

Г. В. Кисунько

В то время да и теперь американская военная доктрина исходит из того, что военная сила является основным и конечным средством урегулирования спорных внешнеполитических проблем — «арбитром в последней инстанции». Именно в США была разработана стратегия «массированного возмездия», в основе которой лежал принцип ядерного превосходства. В результате изменения соотношения сил на мировой арене в начале 60-х годов американское военно-политическое руководство принимает стратегию «гибкого реагирования», предусматривавшую подготовку ведение различных видов войны при дозированном применении военной силы соразмерно с масштабами опасности «жизненным интересам» США. В 1967 году в США в соответствии с доктриной «ядерного удержания» завершается создание стратегической триады: межконтинентальные баллистические ракеты, атомные ракетные подводные лодки и стратегические бомбардировщики. Потенциал стратегических наступательных сил США составил около 5000 ядерных боеприпасов.

Вступив в должность командующего войсками ПРО и ПКО, в течение двух месяцев я ознакомился с коллективами и содержанием работ, выполняемых в ряде НИИ, КБ, на создаваемых объектах. Сформировал управление. С одобрения главнокомандующего Войсками ПВО страны на основные должности в управление были назначены крупные инженеры, прошедшие хорошую школу в зенитных ракетных войсках и главным образом в армии особого назначения. В их числе А. М. Михайлов³², В. А. Едемский³³, Е. Д. Цветков³⁴, А. К. Михайлов³⁵, В. В. Голубев³⁶, В. Т. Тимофеев³⁷, А. П. Блинов³⁸, В. М. Шумилин³⁹.

Непреодолимый барьер для «Першингов»

Еще в 1953 году стало известно, что в США разрабатываются и испытываются баллистические ракеты межконтинентальной дальности стрельбы, которые могли стать средством нанесения ядерных ударов по объектам на территории СССР. Семь Маршалов Советского Союза, оценив это обстоятельство, вместе с начальником Генерального штаба В. Д. Соколовским в августе 1953 года направили записку

в ЦК КПСС с просьбой рассмотреть возможность создания у нас средств ПРО.

Несмотря на новизну и сложность задачи, скептическое отношение многих видных ученых, за работу взялись создатели системы С-25 во главе с доктором технических наук Г. В. Кисунько. К 1955 году были подготовлены предложения на полигонный экспериментальный образец ПРО — систему «А».

Тогда же были развернуты работы по созданию полигона Войск ПВО страны вблизи озера Балхаш. В них принимали участие военные строители под руководством А. А. Губенко, организации промышленности и личный состав полигона. К 1961 году наряду с другими объектами было подготовлено все необходимое для натурных испытаний системы «А». Следует особо отметить вклад в это дело начальника полигона генерал-майора артиллерии С. Д. Дорохова.

4 марта 1961 года противоракетой генерального конструктора П. Д. Грушина⁴⁰, снаряженной осколочной боевой частью, был уничтожен боевой блок баллистической ракеты Р-12, запущенной с полигона Капустин Яр. В 20-х числах марта группа разработчиков и военных выехала на артиллерийском тягаче в степь в район падения боевого блока, который и был найден разрушенным прямым попаданием. Его обломки были разбросаны по трассе полета на расстоянии 1-2 км друг от друга. Заместитель Кисунько М. Г. Миносян⁴¹ доложил ему о результатах поиска. Кисунько неожиданно задал вопрос: «Есть у нас спирт?» Получив положительный ответ, сказал: «Можете отметить это событие! Я с вами!» Насколько потрясающим было это достижение, подтверждает тот факт, что в США безъядерное поражение баллистической ракеты осуществили только спустя 23 года. На шестой площадке полигона в память об этом событии был поставлен постамент с противоракетой. На нем выбиты четыре строки, экспромтом вырвавшиеся у Г. В. Кисунько тем весенним днем:

«На старте сожжены
тюльпаны,
Чтобы цвели тюльпаны
всей страны».

Наши достижения в области ПРО долгое время замалчивались и не получали должной оценки. Между тем факт уничтожения боевого блока баллистической ракеты, безусловно, был

важным событием. Не случайно летом того же года Н. С. Хрущев, выступая на одном из международных форумов, не удержался и сказал, что в Советском Союзе есть умельцы, которые могут в космосе в муху попасть.

Удачный эксперимент позволил уже в июне 1961 года завершить разработку и выпустить эскизный проект боевой системы ПРО «А-35», предназначенной для защиты Москвы. В проекте предусматривалось, что система создается для уничтожения моноблочных баллистических ракет типа «Титан-2», «Минитмэн-2», которые были приняты на вооружение армии США в 1963 и 1965 годах. В составе этой системы предполагалось иметь командный пункт, восемь РЛС, образующих круговое поле дальнего обнаружения, и 32 стрельбовых комплексов.

Осенью 1962 года состоялась защита эскизного проекта системы «А-35». Председателем комиссии был назначен командующий войсками Московского округа ПВО генерал-полковник П. Ф. Батицкий

Заключительное заседание комиссии проходило в бурных дискуссиях. Батицкому это надоело, и он обратился к Г. В. Кисунько:

— Ну что, Григорий Васильевич, ты нас подведешь? Все будет так, как говоришь?

— Конечно, Павел Федорович, клянусь вам, — ответил Кисунько.

— Ну, ладно, я тебе верю... А вы все тут, — он повернулся к залу, — помолчите.

С этими словами Батицкий обнял и поцеловал Кисунько.

Однако Батицкий не учел, что еще в декабре 1956 года на Семипалатинском полигоне на основе экспериментов, проведенных в КБ-11 (ныне известном как Арзамас-16) академиком Ю. Б. Харитоновым⁴², теперь уже силами офицеров шестого Главного управления Министерства обороны, научных сотрудников Института химической физики АН СССР, разработчиков ракетной техники был осуществлен эксперимент-операция «К». Научным руководителем был крупнейший специалист в области теории ядерных взрывов академик М. А. Садовский⁴³, а его заместителем — начальник научно-исследовательского отдела Главного заказывающего управления ПВО страны М. Г. Мырнин⁴⁴.

По результатам операции «К» стало ясно, что осколочная боевая часть противоракеты может быть заменена ядерной, а это существенно увеличивало радиус и эффективность поражения. В связи с этим сокращение количества стрельбовых комплексов до 16 и уточнение принципов функционирования системы было обосновано в новом эскизном проекте, выпущенном в 1964 году.

На объектах системы: на КП, секторных РЛС «Дунай-3» (главный конструктор В. П. Сосульников⁴⁵) и более совершенной «Дунай-3У» (главный конструктор А. Н. Мусатов⁴⁶), на стрельбовых комплексах были развернуты строительно-монтажные работы, создавалась техническая база для подготовки и содержания противоракет, максимально использовались кольцевые дороги, кабельные направления связи, часть других сооружений системы «С-25», что было рационально и способствовало сокращению затрат на новую систему вооружения.

Одновременно на полигоне к 1967 году был создан экспериментальный образец системы «А-35» — «Алдан». Так было положено начало реальной боевой работе по перехвату баллистических ракет в целях отработки системы, а в дальнейшем — обеспечению боевых стрельб подмосковными частями ПРО.

Справедливости ради надо сказать, что система «А-35» от начала строительства в 1962 году и до проведения испытаний создавалась 15 лет. В это время опережающими темпами в США велись разработка и испытание баллистических ракет наземного и морского базирования: «Минитмэн-3», «Полярис А-3Т», «Посейдон С-3» с многозарядными головными частями, имеющими от трех до десяти боевых блоков. Поражать такие ракеты, тем более в условиях помех и применения комплекса средств преодоления ПРО (большое количество ложных легких и тяжелых целей, станций активных помех, маскирующих собственно боевые блоки на траектории их полета), система «А-35» была неспособна, что стало очевидно уже к 1971 году. Более того, пусковые установки противоракет «А-35» в этой системе были наземного открытого типа и постоянное содержание на них противоракет, заправленных агрессивными компонентами топлива и снаряженных мощным ядерным зарядом, было про-

И. Д. Омельченко

В. П. Сосульников

В. С. Бурцев

А. Г. Басистов

сто недопустимо. При аварии или диверсии в густо населенных районах Подмосковья мог возникнуть опасный очаг поражения и радиационного заражения.

Американцы, учтя все эти обстоятельства, в 1976 году приняли решение снять с боевого дежурства комплекс ПРО «Сейфгард», созданный на ракетной базе Гранд-Фокс, и частично его демонтировать.

Предвижу вопрос: почему же мы не отказались от системы «А-35»? К 1971 году создавались только че-

тыре секторные РЛС типа «Дунай» из восьми и восемь стрельбовых комплексов из шестнадцати. На этих объектах почти в полном объеме были выполнены строительные работы, завершались поставки и монтаж технологического оборудования и начаты испытания. Государственные испытания под руководством первого заместителя главнокомандующего Войсками ПВО страны генерал-полковника А. Ф. Щеглова⁴⁷ были проведены на головном комплексе системы в составе: главного командно-вычислительного центра (в сокращенном виде), одной РЛС «Дунай-3» и трех стрельбовых комплексов. Испытания подтвердили правильность научно-технических решений, обеспечивающих боевое функционирование новой, сложной, полностью автоматизированной системы по поражению моноблочной баллистической ракеты. По баллистическим ракетам с многозарядными боевыми частями система работать не могла. В связи с этим было принято решение, поддержанное военнопromышленной комиссией (ВПК), завершить создание уже начатых объектов: на второй РЛС «Дунай-3У» и на пяти стрельбовых комплексах. Все остальные работы по развертыванию системы полного состава прекращались. По настоянию большинства членов комиссии система была принята только в опытную эксплуатацию и практически возвращена промышленности для модернизации с задачей поражения сложных баллистических ракет.

Личный состав под руководством начальника управления ПРО генерал-лейтенанта артиллерии И. Е. Барышпольца при активном участии офицеров моего управления настойчиво осваивал новую боевую технику. Опыт, приобретенный войсками за период с 1972 по 1977 год в ходе опытной эксплуатации, дал желаемый результат. Новая боевая техника осваивалась успешно, особенно инженерами, многие из которых могли вести диалог с разработчиками на равных, в том числе и при эксплуатации вычислительных машин «5Э-92Б» (главный конструктор В. С. Бурцев⁴⁸) и их программно-алгоритмическом обеспечении.

Не могу не сказать о личных заслугах главного инженера войск ПРО генерал-майора А. П. Пенькова⁴⁹. Именно он разработал способ эксплуатации сложной автоматизированной системы вооружения (системы ПРО «А-35») и ее ремонта, а также оргштатную

В. К. Слока

М. Г. Минося

В. И. Марков

структуру эксплуатационных отделов в службах вооружения соединения и в частях.

В свою очередь начальник отдела боевого применения в управлении соединения полковник А. Г. Кубарев⁵⁰ обосновал необходимость создания и структуру отделов боевых алгоритмов и программ. В дальнейшем этот опыт был принят и распространен на все войска ПРО и ПКО.

В 1973 году генеральный конструктор Г. В. Кисунько в технической записке обосновал основные научно-технические решения по модернизации системы для выполнения задачи поражения сложной баллистической ракеты.

Вспоминая, как летом 1975 года, когда мы с Григорием Васильевичем на главном командно-вычислительном центре анализировали результаты функционирования боевой программы по поражению сложной баллистической ракеты при различных вариантах ее запуска, раздался звонок по «кремлевке». Оперативный дежурный доложил, что звонит министр радиопромышленности П. С. Плешаков⁵¹ и просит к аппарату генерального конструктора. Григорий Васильевич сказал мне: «Наконец-то министр вспомнил о системе и, наверное, поможет». К телефону он шел улыбаясь, но я видел, как по ходу разговора его лицо начало мрачнеть.

Министр объявил Кисунько, что подписал приказ об освобождении его от должности и обязанностей генерального конструктора. На возражение Кисунько, что он утвержден ЦК КПСС и Плешаков превысил свои права, министр ответил, что с ЦК этот вопрос согласован. Действительно, согласие, практически без оснований, было дано заведующим оборонным отделом И. Д. Сербиным, партаппаратчиком с большим стажем, человеком неординарным, типичным конъюнктурщиком.

Так в расцвете таланта и незаурядных организаторских способностей, в результате интриг в Минрадиопроме буквально на взлете был выведен из строя выдающийся и одаренный конструктор. В дальнейшем завершением работ по модернизации руководил главный конструктор И. Д. Омельченко⁵².

В мае 1977 года на государственные испытания была предъявлена система ПРО «А-35М». Эта система стала вооружением отдельного корпуса, которым командовал генерал-майор

**И. Е. Барышполец вручает подарок
А. П. Пенькову.**

Н. И. Родионов⁵³. Тщательная подготовка позволила провести испытания в течение месяца и получить положительные результаты. Система ПРО «А-35М» теперь была способна с определенными ограничениями поражать сложные баллистические ракеты, а время на подготовку и доставку противоракет с технической базы на открытые, наземного типа стартовые позиции в кризисной ситуации было существенно сокращено.

Система ПРО «А-35М» была принята на вооружение и поставлена на боевое дежурство в 1978 году. Противоракеты заправлялись компонентами топлива и снаряжались боевой частью только на технической базе. На стартовых позициях были установлены электровесовые макеты.

В 1979 году стало известно, что США предусматривают в 1983-1985 гг. разместить на территории ФРГ 108 новых баллистических ракет средней дальности «Першинг-2» вместо ракет меньшей дальности «Першинг-1».

Ракета «Першинг-2» с дальностью стрельбы 2500 км, с моноблочной головной частью двух типов (с ядерным и обычным снаряжением) предназначалась для поражения как наземных объектов, так и высокозащищенных подземных объектов с возможностью проникновения на глубину 70-100 м и последующим взрывом. Высокая точность стрельбы определялась величиной кругового вероятного отклонения 20-40 м. По нашим расчетам, полетное время ракеты «Першинг-2» до Москвы составляло всего 10-12 мин. Было совершенно очевидно, что это серьезнейшая угроза и реальная возможность внезапного уничтожения защищенных пунктов управления государством и Вооруженными Силами.

По существу, ракеты «Першинг-2» были пистолетом со взведенным курком, приставленным к виску Москвы.

В связи с этим министр обороны Д. Ф. Устинов провел совещание, на которое были приглашены начальник Генерального штаба Н. В. Огарков⁵⁴, Главнокомандующий Воо-

руженными Силами ОВД В. Г. Куликов⁵⁵, главнокомандующий Войсками ПВО страны А. И. Колдунов⁵⁶, главнокомандующий ВМФ С. Г. Горшков⁵⁷, первый заместитель главнокомандующего РВСН Ю. А. Яшин, первый заместитель начальника Генерального штаба В. И. Варенников⁵⁸ и я.

На вопрос министра, способны ли Войска ПВО обнаружить пуск ракет «Першинг-2» не позднее чем через две-три минуты после старта, А. И. Колдунов, всегда основательно готовившийся к таким совещаниям, доложил, что эта задача решается частично. Министр потребовал от меня пояснения, как от специалиста. Я сказал, что РЛС дальнего обнаружения «Дунай-3У» из состава отдельного корпуса ПРО, ориентированная в западном направлении, способна выполнить эту задачу в заданном секторе обзора, перекрываящем северную и центральную часть ФРГ. Южная часть территории ФРГ на предельно малых углах нашими средствами не контролируется. Д. Ф. Устинов тут же поручил начальнику Генерального штаба поставить соответствующую задачу НИИ и КБ.

По ходу совещания ракетчики получили задачу подготовить выдвижение двух ракетных бригад средней дальности на территорию ГДР и Чехословакии. А моряки — увеличить количество ракетных подводных лодок на боевом патрулировании и приблизить их к США.

Особое значение имел военно-политический вывод, сделанный министром обороны СССР из планируемой акции США. В случае применения американцами в Европе ракет «Першинг-2» Советский Союз сохраняет за собой право всей своей ядерной мощью ударить по США. Американцы об этом знали. Таким образом, их авантюрный план отсидеться за океаном в случае развязывания ядерной войны в Европе провалился.

В работу по решению проблемы обнаружения ракет «Першинг-2», 27 из которых были размещены на юге ФРГ, включился академик В. С. Семенов⁵⁹. Было разработано несколько проектов, требовавших много времени и затрат. И, как бывало нередко за время моей службы, решение пришло не из НИИ и КБ, а из войск. Группа офицеров, инженерно-рационализаторов — Т. Е. Кожемякин, А. А. Пересыпкин, В. А. Шелопин — под руководством заместителя по технической части секторной станции «Дунай-3У» И. С. Липатова обосновала и внесла предложение о доработке передатчиков. Такое простое на первый взгляд решение давало возможность расширить сектор обзора станции и надежно перекрыть всю территорию ФРГ.

Конечно же, сразу нашлись противники предложения. Специалисты Минрадиопрома утверждали, что доработка передатчиков и повышение на них энергетической нагрузки неизбежно приведет к пожару. В результате потребовалось провести несколько экспериментов, бурных совещаний военно-промышленной комиссии. Являясь мозговым центром, координатором в деле обеспечения обороноспособности СССР, она как бы венчала своеобразную пирамиду военно-промышленного комплекса страны. Нередко местные интересы оборонных министерств, ведомств, проектировщиков и разработчиков новых видов техники и вооружения входили в противоречие с заказчиками, то есть с военными. И лишь благодаря авторитету заместителя пред-

седателя Совмина СССР Л. В. Смирнова⁶⁰, возглавлявшего ВПК и обладавшего широкими полномочиями, предоставленными ему Политбюро ЦК КПСС, нам удавалось сохранять приоритетные позиции в мире в оснащении Вооруженных Сил первоклассным оружием. В области ПРО и ПКО определяющей была, как правило, научно-техническая позиция, которую отстаивали заместитель председателя ВПК Л. И. Горшков, а также В. М. Каретников⁶¹ и В. С. Дубровский⁶².

На очередном совещании у министра обороны было рассмотрено и обсуждено несколько проектов, в том числе и академика М. С. Семенихина, предложившего использовать группу высотометров радиотехнических войск. По моему докладу было решено передатчики и боевую программу РЛС срочно дорабатывать, приняв дополнительные меры по пожарной безопасности.

Станция была доработана в короткий срок с минимальными затратами. Офицеры, непосредственно участвовавшие в этой работе, были награждены орденами — В. Т. Блоцкий, В. Д. Барабанов, В. И. Маслов, И. С. Липатов, П. К. Турыгин — и медалями — Г. А. Латышев, Е. И. Филин, С. В. Клеманов, Н. М. Епанешников и прапорщик П. М. Астраханцев. Большой вклад в работу внес заместитель главного конструктора станции Е. Н. Белкин и его сотрудники. Непосредственно на месте работами руководили командир части В. Н. Крюков, а также командир отдельного корпуса ПРО В. А. Савин⁶³, заместитель главного инженера В. А. Маликов. Научно-техническое руководство осуществлял доктор технических наук А. И. Леонов.

Опыт создания и эксплуатации средств системы «А-35М» был использован в дальнейшей работе над системами предупреждения о ракетном нападении, противокосмической обороны и контроля космического пространства. Многие командиры и инженеры, и в частности И. Е. Барышполец, Н. И. Родионов,

В. А. Савин, А. П. Пеньков, А. Г. Кубарев, В. А. Маликов, Д. П. Пушкарев, И. Д. Баштан, М. И. Парфенов, И. В. Поддубняк, М. Т. Тюрин, Ю. В. Соколов, И. Р. Орел, А. Е. Зикеев, В. Н. Крюков, вошли в историю войск ПРО и ПКО как первопроходцы в создании новейших видов боевой техники и вооружения.

По опыту ПРО впервые в Войсках ПВО страны удалось в каждой части и соединении создать сильные отделы боевых алгоритмов и программ. В деле повышения боевой готовности важное значение имели созданные на каждом объекте ремонтно-поверительные базы, оснащенные стендовым оборудованием и контрольно-измерительными приборами.

В сентябре 1967 года я был назначен председателем межведомственной комиссии по рассмотрению новых проектов системы ПРО и ее средств. Причем их было несколько. В состав комиссии входили крупные ученые, генеральные и главные конструкторы, видные специалисты Министерства обороны и оборонных отраслей. В их числе были М. Г. Мырмин, Б. В. Бункин⁶⁴, Р. А. Валиев, В. М. Глушков⁶⁵, П. Д. Грушин, Г. В. Кисунько, С. А. Лебедев⁶⁶, Г. С. Легасов⁶⁷, А. Л. Минц, Ю. Б. Харитон.

Основной комплексный эскизный проект Г. В. Кисунько на систему ПРО «Аврора» был отклонен, так как не отвечал ряду требований по эффективности и надежности. Но предложенный им многоканальный стрельбовый комплекс с вращающейся фазированной антенной решеткой «Аргунь», который эффективно служит до сих пор, был рекомендован для создания на полигоне в качестве основного измерительного средства. Отклонены были и проекты А. Л. Минца по многофункциональной станции «Дон-2Н», Ю. Г. Бурлакова⁶⁸ — по принципиально новой станции «Неман», хотя и ее опытный сокращенный образец был создан на полигоне для решения проблемы селекции сложных баллистических целей.

Главной причиной отклонения проектов бы-

Группа офицеров управления командующего войсками ПРО и ПКО Войск ПВО страны. В первом ряду слева направо: А. Я. Газизов, П. И. Пустовойт, К. И. Зиханов, А. М. Михайлов, И. П. Писарев, В. А. Едемский, Ю. М. Гриднев.

ло то, что в них с требуемой эффективностью не решались основные проблемы ПРО:

- селекция (выделение) боевых блоков баллистических ракет на фоне ложных целей и в условиях интенсивных помех и ядерных взрывов;

- создание нового поколения вычислительных средств с быстродействием в сотни миллионов операций в секунду;

- создание эффективных средств поражения на различных участках траектории полета ракеты с использованием различных физических принципов.

В НИИ и КБ продолжались исследования по проблематике ПРО, с учетом рекомендаций межведомственной комиссии им была задана обширная программа научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по программе «Фон». Работа была архисложной, средства на ее выполнение не увеличивали, а сокращали. Кроме того, в НИИ и КБ не было надлежащей экспериментальной базы.

Тем не менее к июню 1975 года уже можно было четко определить назначение, сроки разработки и создания новой системы ПРО Москвы. Генеральным конструктором стал А. Г. Басистов⁶⁹. Главным конструктором многофункциональной РЛС «Дон» был В. К. Слока⁷⁰. Основным разработчиком программно-алгоритмического обеспечения и информационного согласования системы ПРО с системами предупреждения и контроля космоса был заместитель генерального конструктора М. Г. Миносян. Мне довелось быть председателем комиссии по рассмотрению эскизного проекта совместно с коллективом СНИИ, о котором будет сказано в следующей части статьи. А. Г. Басистов возглавил Совет главных конструкторов, которые работали над новой эффективной системой ПРО. К 1989 году система была создана.

Таким образом, 30-летний труд по решению проблем ПРО дал положительный результат, а главное — сохранил кадры энтузиастов, способных решать сложнейшие научно-технические задачи. И это при неукоснительном выполнении положений заключенного в 1972

Митинг по случаю постановки узла дальнего обнаружения ПРО с РЛС «Дунай-ЗУ» на боевое дежурство. 1977 г. Слева направо: Н. И. Родионов, Ю. В. Вотинцев, М. Н. Парфенов, А. Н. Мусатов, Е. Н. Белкин.

году с США Договора по ограничению систем ПРО.

Февраря последующее изложение, хотел бы сказать о том, что в 1968 году на должность заместителя министра радиопромышленности был назначен В. И. Марков⁷¹. С его именем неразрывно связано дальнейшее энергичное развитие вооруженных войск ПРО и ПКО. Марков, возглавляя направление, создал гигантское научно-техническое объединение «Вымпел». Это — десять институтов и столько же крупных заводов. Разработки комплексов и систем противоракетной и противокосмической обороны осуществлялись под единым руководством.

В настоящее время объединение стало межгосударственной корпорацией с теми же задачами и участниками, оказавшимися не только на территории России, но и на Украине, в Беларуси, Казахстане.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Яковлев Николай Дмитриевич (1888-1972) — маршал артиллерии. С 1955 г. первый заместитель главнокомандующего Войсками ПВО страны.

² Савицкий Евгений Яковлевич (1910-1990) — маршал авиации, дважды Герой Советского Союза. С 1948 г. командовал истребительной авиацией ПВО. С 1966 г. заместитель главнокомандующего Войсками ПВО страны.

³ Дорохов Степан Дмитриевич (1913-1966) — генерал-лейтенант артиллерии. Начальник штаба артиллерии 6-й гвардейской армии, зенитного ракетного корпуса. В 1956-1966 гг. начальник Государственного научно-исследовательского полигона ПВО.

⁴ Кузин Павел Ефимович (р. 1923) — полковник. В 1963 г. начальник истребительной авиации 17-й дивизии ПВО. В 1965 г. начальник аэроклуба летчиков-космонавтов.

⁵ Дементьев Петр Васильевич (1907-1977) — генерал-майор.

рал-полковник-инженер, дважды Герой Социалистического Труда. С 1965 г. министр авиационной промышленности СССР. В 1957-1965 гг. председатель Государственного комитета по авиационной технике.

6 Микоян Артем Иванович (1905-1970) — авиаконструктор, генерал-полковник инженерно-технической службы, дважды Герой Социалистического Труда.

7 Солодченко Дмитрий Назарович (р. 1918) — полковник. В 1960 г. командир 41-го радиотехнического полка, в 1964 г. заместитель начальника РТВ 12-й отдельной армии ПВО.

8 Федюнинский Иван Иванович (1900-1977) — генерал армии, Герой Советского Союза. В 1954-1965 гг. командующий войсками Архангельского, Закавказского, Туркестанского военных округов.

9 Фролов Иван Иванович (р. 1916) — генерал-майор. В 1963 г. начальник политотдела — член военного совета 12-й отдельной армии ПВО. В 1968 г. начальник факультета Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

10 Крымский Петр Алексеевич (1918-1968) — генерал-майор артиллерии. В 1961 г. заместитель командира 30-го отдельного корпуса ПВО. В 1963 г. заместитель командующего 12-й отдельной армией ПВО по боевой подготовке.

11 Наумов Николай Иванович (р. 1918) — генерал-майор артиллерии. В 1961 г. начальник зенитных ракетных войск 30-го отдельного корпуса ПВО. В 1963 г. начальник зенитных ракетных войск 12-й отдельной армии ПВО.

12 Ефромеев Яков Никанорович (1917-1992) — генерал-майор авиации. В 1963 г. начальник авиации 12-й отдельной армии ПВО. В 1968 г. начальник инспекции авиации ПВО страны. Заслуженный военный летчик СССР.

13 Ефимов Олег Петрович (1918-1979) — генерал-майор-инженер. С 1963 г. начальник радиотехнических войск 12-й отдельной армии ПВО.

14 Сандригайло Сергей Андреевич (р. 1923) — генерал-майор. В 1963 г. начальник оперативного отдела штаба 12-й отдельной армии ПВО. В 1966 г. начальник штаба управления по созданию объектов ПКО.

15 Деев Владимир Степанович (р. 1920) — генерал-майор. В 1962 г. командир 7-й дивизии ПВО. В 1970 г. командир корпуса ПВО.

16 Слюсар Виктор Дмитриевич (р. 1922) — генерал-майор. В 1965 г. первый заместитель начальника штаба 12-й отдельной армии ПВО. В 1967 г. командир 15-й дивизии ПВО. В 1973 г. заместитель командующего 2-й отдельной армией ПВО по боевой подготовке.

17 Котов Алексей Дмитриевич (1920-1990) — генерал-лейтенант. В 1961 г. командир 17-й дивизии ПВО. В 1966 г. первый заместитель командующего 6-й отдельной армией ПВО. Начальник штаба гражданской обороны Ленинграда и области.

18 Чемерикин Николай Васильевич (р. 1920) — полковник. В 1961 г. командир 132-й зенитной ракетной бригады. В 1965 г. начальник штаба 7-й дивизии ПВО.

19 Павлушенко Дмитрий Павлович (р. 1918) — полковник. В 1961 г. командир 145-й гвардейской зенитной ракетной бригады. В 1969 г. старший советник в дивизии ПВО в Египте.

20 Шеломков Михаил Борисович (р. 1921) — полковник. В 1961 г. командир 87-й зенитной ракетной бригады. В 1964 г. начальник гарнизона г. Алма-Ата.

21 Брежнев Леонид Ильич (1906-1982) — Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза. С мая 1960 г. по июль 1964 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1964-1966 гг. — первый секретарь ЦК КПСС, с 1966 г. — Генеральный секретарь ЦК КПСС.

22 Судец Владимир Александрович (1904-1981) — маршал авиации, Герой Советского Союза. В 1962-1966 гг. главнокомандующий Войсками ПВО страны и заместитель министра обороны СССР.

23 Гошинский Лев Беньяминович (р. 1924) — полковник. В 1963 г. командир 12-й радиотехнической бригады. В 1965 г. начальник радиотехнических войск корпуса ПВО.

24 Лященко Николай Григорьевич (р. 1910) — генерал армии. С 1963 г. командующий войсками ряда военных округов.

25 Коломиец Михаил Маркович (р. 1918) — генерал-лейтенант. Герой Социалистического Труда. В 1963 г. начальник управления по созданию объектов ПКО. Кандидат военных наук.

26 Барышполец Иван Ефимович (1916-1976) — генерал-лейтенант. В 1963 г. начальник управления войск ПРО.

27 Байдуков Георгий Филиппович (р. 1907) — генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза. В 1961 г. начальник четвертого Главного управления вооружения Министерства обороны.

28 Кунаев Динмухамед Ахмедович (1912-1993) — партийный и государственный деятель, трижды Герой Социалистического Труда, академик АН Казахской ССР. С 1964 г. первый секретарь ЦК КП Казахстана.

29 Рашидов Шараф Рашидович (1917-1983) — партийный и государственный деятель. Дважды Герой Социалистического Труда. С марта 1959 г. первый секретарь ЦК КП Узбекистана.

30 Савинкин Николай Иванович (1919-1993) — с 1968 г. заведующий отделом административных органов ЦК КПСС.

31 Устинов Дмитрий Федорович (1908-1984) — партийный, государственный и военный деятель, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, дважды Герой Социалистического Труда. В 1965-1976 гг. секретарь ЦК КПСС.

32 Михайлов Алексей Михайлович (р. 1920) — генерал-лейтенант-инженер. В 1967 г. первый заместитель командующего войсками ПРО и ПКО Войск ПВО страны. Лауреат Ленинской премии.

33 Едемский Василий Александрович (р. 1920) — генерал-лейтенант-инженер. В 1961 г. главный инженер полигона Капустин Яр. В 1963 г. главный инженер управления по созданию системы ПРО. В 1967 г. заместитель командующего — главный инженер войск ПРО и ПКО Войск ПВО страны. Лауреат Ленинской премии.

34 Цветков Евгений Данилович (р. 1920) — полковник-инженер. В 1961 г. начальник отдела в Управлении по созданию системы ПРО. В 1967 г. начальник отдела в службе вооружения управления войсками ПРО и ПКО Войск ПВО страны.

35 Михайлов Анатолий Константинович (р. 1936) — полковник. В 1968 г. начальник отдела вычислительных средств на радиотехническом узле предупреждения. В 1970 г. старший инженер в службе вооружения. В 1979 г. главный инженер направления по средствам предупреждения в управлении войсками ПРО и ПКО Войск ПВО страны.

36 Голубев Владимир Валентинович (1931-1982) — генерал-майор. В 1965 г. помощник начальника отдела оперативной и боевой подготовки штаба отдельного корпуса ПРО. В 1967 г. старший офицер отдела боевого применения. В 1974 г. заместитель начальника штаба в управлении войсками ПРО и ПКО Войск ПВО страны.

37 Тимофеев Владимир Тимофеевич (р. 1945) — полковник. В 1975 г. заместитель начальника оперативного отдела штаба отдельного корпуса ПРО. В 1982 г. старший офицер штаба. В 1988 г. заместитель начальника штаба в управлении войсками ПРО и ПКО Войск ПВО страны.

38 Блинов Анатолий Петрович (р. 1945) — полковник. В 1976 г. старший инженер службы вооружения, в 1989 г. старший офицер штаба командования войск ракетно-космической обороны Войск ПВО страны.

39 Шумилин Вячеслав Михайлович (р. 1947) — полковник. В 1976 г. начальник боевого расчета отдела космической системы предупреждения, в 1992 г. старший офицер управления боевой подготовки Войск ПВО страны.

40 Грушин Петр Дмитриевич (р. 1906) — ученый и конструктор в области авиационной и ракетной техники, дважды Герой Социалистического Труда. Академик АН СССР. Лауреат Ленинской и Государственных премий.

41 Миносян Михаил Гарегинович (1929-1993) — заместитель генерального конструктора по системе ПРО г. Москвы. Доктор технических наук. Лауреат Государственной премии.

42 Харитон Юлий Борисович (р. 1904) — ученый и конструктор в области ядерной физики. Академик АН СССР. Трижды Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской и трех Государственных премий.

43 Садовский Михаил Александрович (р. 1904) — физик, академик АН СССР, Герой Социалистического

Труда. В 1963 г. директор Института физики Земли АН СССР. Лауреат Ленинской и четырех Государственных премий.

44 Мырнин Михаил Григорьевич (1918-1984) — генерал-лейтенант. С 1956 г. заместитель начальника четвертого Главного управления вооружения Министерства обороны. Кандидат технических наук. Лауреат Государственной премии.

45 Сосульников Владимир Пантелеймонович (р. 1921) — с 1958 г. заместитель директора научно-исследовательского института дальней радиосвязи по научной работе. С 1966 г. главный конструктор РЛС дальнего обнаружения ПРО «Дунай-3» и РЛС контроля космического пространства «Крона». Доктор технических наук. Лауреат Ленинской премии.

46 Мусатов Александр Николаевич (р. 1925) — начальник научно-технического отдела в НИИ дальней радиосвязи. Главный конструктор РЛС дальнего обнаружения ПРО «Дунай-3У» и разработчик принципов построения РЛС предупреждения «Волга».

47 Шеглов Афанасий Федорович (р. 1912) — генерал армии, Герой Советского Союза. В 1966-1974 гг. первый заместитель главнокомандующего Войсками ПВО страны.

48 Бурцев Всеволод Сергеевич (р. 1927) — ученый и конструктор в области вычислительной техники. Директор Института точной механики и вычислительной техники. Главный конструктор вычислительных комплексов «ЭЭ-92Б», «ЭЭ-51», «Эльбрус». Академик Российской академии наук. Лауреат Ленинской и двух Государственных премий.

49 Пеньков Анатолий Павлович (р. 1922) — генерал-майор-инженер. В 1960 г. командир зенитного ракетного полка. В 1962 г. заместитель командира — главный инженер отдельного корпуса ПРО. Кандидат технических наук. Лауреат Государственной премии.

50 Кубарев Александр Георгиевич (р. 1930) — генерал-майор. В 1967 г. начальник отдела боевого применения управления по созданию системы ПРО. С 1977 г. начальник боевой подготовки управления командующего войсками ПРО и ПКО Войск ПВО страны. Кандидат военных наук.

51 Плешаков Петр Степанович (1922-1987) — заместитель председателя Госкомитета Совмина СССР по радиозлектронике. Министр радиопромышленности СССР. Доктор технических наук. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской и двух Государственных премий.

52 Омельченко Иван Дмитриевич (р. 1919) — полковник-инженер. Герой Социалистического Труда. Главный конструктор системы «А-35М». Заместитель по научной части директора НИИ радиоприборостроения. Кандидат технических наук. Лауреат Ленинской премии.

53 Родионов Николай Иванович (р. 1930) — генерал-лейтенант. В 1975 г. командир отдельного корпуса ПРО. С 1980 г. командующий отдельной армией предупреждения о ракетном нападении.

54 Огарков Николай Васильевич (р. 1917) — Маршал Советского Союза. Герой Советского Союза. С января 1977 г. начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР — первый заместитель министра обороны СССР. Лауреат Ленинской премии.

55 Куликов Виктор Георгиевич (р. 1921) — Маршал Советского Союза. Герой Советского Союза. С 1969 г. главнокомандующий Группой советских войск в Германии. В 1971-1977 гг. начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР — первый заместитель министра обороны СССР. С 1977 г. главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора. Лауреат Ленинской премии.

56 Колдунов Александр Иванович (1923-1992) — главный маршал авиации. Дважды Герой Советского Союза. С 1975 г. первый заместитель главнокомандующего, с 1978 г. главнокомандующий Войсками ПВО страны — заместитель министра обороны. Лауреат Ленинской премии.

57 Горшков Сергей Георгиевич (1910-1988) — Адмирал Флота Советского Союза. Дважды Герой Советского Союза. В 1956-1985 гг. главнокомандующий ВМФ — заместитель министра обороны СССР. Лауреат Государственной премии.

58 Варенников Валентин Иванович (р. 1923) — генерал армии. Герой Советского Союза. С 1979 г. начальник Главного оперативного управления и первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил. До 22 августа 1991 г. главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР.

59 Семенчиков Владимир Сергеевич (р. 1918) — ученый в области автоматики и телемеханики. Академик АН СССР. С 1963 г. руководил научно-исследовательскими организациями. Лауреат Ленинской и Государственных премий.

60 Смирнов Леонид Васильевич (р. 1916) — государственный и партийный деятель. Герой Социалистического Труда. С 1963 г. заместитель председателя Совета Министров СССР — председатель военно-промышленной комиссии (ВПК).

61 Каретников Виктор Михайлович (1919-1989) — генерал-лейтенант. Начальник отдела ВПК по вооружению войск ПРО и ПКО.

62 Дубровский Вячеслав Сергеевич (р. 1920) — полковник. С 1962 г. заместитель начальника боевой подготовки управления командующего зенитными ракетными войсками ПВО страны. Заместитель начальника отдела ВПК по ПРО.

63 Савин Виктор Андреевич (р. 1933) — генерал-лейтенант. В 1972 г. командир отдельного противоракетного центра, в 1967 г. командир дивизии предупреждения о ракетном нападении, в 1981 г. командир отдельного корпуса ПРО.

64 Бункин Борис Васильевич (р. 1922) — ученый в области физики и радиоэлектроники. Генеральный конструктор зенитных ракетных комплексов «С-75», «С-200», «С-300». Академик АН СССР. Дважды Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской и Государственных премий.

65 Глушков Виктор Михайлович (р. 1923) — ученый в области математики и прикладной кибернетики. Академик АН СССР. Герой Социалистического Труда. С 1962 г. директор Института кибернетики АН Украины. Лауреат Ленинской и Государственной премий.

66 Лебедев Сергей Алексеевич (1902-1973) — ученый и конструктор в области электротехники и вычислительной техники. Академик АН СССР. Герой Социалистического Труда. С 1953 г. директор Института точной механики и вычислительной техники АН СССР. Лауреат Ленинской и двух Государственных премий.

67 Легасов Геннадий Сергеевич (р. 1921) — генерал-лейтенант. В 1951 г. начальник испытательной команды на Государственном полигоне Войск ПВО страны. В 1962 г. председатель Научно-технического комитета Войск ПВО страны. Кандидат технических наук. Лауреат Ленинской и Государственной премий. Главный эксперт Российской АН. В 1992 г. получил премию имени Ю. А. Гагарина.

68 Бурлаков Юрий Григорьевич (р. 1928) — ученый и конструктор в области системотехники и радиолокации. В 1956 г. заместитель директора НИИ по научной работе — главный конструктор. В 1968 г. главный конструктор РЛС «Неман». В 1986 г. заместитель главного конструктора КБ «Салют». Кандидат технических наук.

69 Басистов Анатолий Георгиевич (р. 1920) — генерал-лейтенант авиации. Ученый и конструктор в области радиолокации и систем управления. В 1976 г. генеральный конструктор по системе ПРО г. Москвы. Член-корреспондент АН СССР. Герой Социалистического Труда.

70 Слока Виктор Карлович (р. 1932) — ученый в области радиолокации и обработки информации. В 1972 г. главный конструктор многофункциональной РЛС «Дон». С 1976 г. директор и научный руководитель Радиотехнического института АН СССР имени А. Л. Минца. Доктор технических наук, профессор. Лауреат Государственной премии.

71 Марков Владимир Иванович (р. 1921) — генерал-лейтенант авиации. В 1968 г. заместитель министра радиопромышленности СССР. В 1981 г. директор НИИ дальней радиосвязи. Кандидат технических наук.

(Продолжение следует)

ВОЕННЫЕ УСИЛИЯ РОССИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ХОД ВОЙНЫ И НАСТРОЕНИЯ АРМИИ И ТЫЛА В КАМПАНИЯХ 1914-1916 ГГ.

Характеристика русского патриотизма

Все, кто был свидетелем войны России с Японией, не может не быть пораженным огромным различием в народных настроениях в 1904 году и в 1914 году.

Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас. Миротворительный тон русского правительства по отношению к немцам был широко известен и поэтому нигде не могло зародиться сомнений, подобных тем, какие имели место в японской войне. Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения.

Другим стимулом борьбы, оказавшимся понятным нашему простолыдину, явилось то, что эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного сербского народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того «панславизма», о котором любил упоминать кайзер Вильгельм, толкая австрийцев на окончательное поглощение сербов. Это было сочувствие к обиженному младшему брату. Веками воспитывалось это чувство в русском народе, который за освобождение славян вел длинный ряд войн с турками. Рассказы рядовых участников различных походов этой вековой борьбы передавались из поколения в поколение и служили одной из любимых тем для собеседования деревенских политиков. Они приучили к чувству своего рода национального рыцарства. Это чувство защитника обиженных славянских народов нашло свое выражение в слове «братушка», которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов и которое так и перешло в народ. Теперь вместо турок немцы грозили уничтожением сер-

бов, и те же немцы напали на нас. Связь обоих этих актов была совершенно ясна здравому смыслу нашего народа.

Под впечатлением кошмарных событий 1917 года многие из русской интеллигенции склонны отрицать наличие патриотизма в нашем народе. Фраза, звучавшая на митингах 1917 года, когда не желавшие драться солдаты говорили: «Мы вятские, тульские, пермские, до нас немец не дойдет», очень часто теперь цитируется. Но при этом забывается, что она была произнесена только через три года кровавых усилий, после того как революция опрокинула установленный государственный порядок и после того как началось общее государственное разложение.

Может ли читатель, внимательно прочитавший нашу главу о потерях¹, сомневаться в наличии патриотизма и готовности к жертвенному долгу среди нашей солдатской массы? Кровь миллионов и миллионов убитых и раненых, принесенная на алтарь Отечества, вопиет против такого обвинения. А 260 000 русских пленных, пытавшихся убежать из германского плена? Автор и до составления этой книги исповедовал ту же веру в патриотизм русских народных масс, тем не менее он должен сознаться в том, что эта цифра русских пленных, старавшихся убежать из вражеского плена, превзошла все его ожидания.

Та же глава о потерях цифрами показывает, насколько доблестен был русский офицер. А ведь последний и являлся представителем русских интеллигентских слоев.

Но если в среде интеллигенции наряду с героями и горячим патриотизмом были лица, неспособные к жертвенному долгу, то совершенно так же и в народной толще были такие. Конечно, очень существенен вопрос количественного соотношения тех и других. Но установить этого соотношения нельзя. Подробное

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 1, 2, 4, 6, 7.

¹См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 2.

изучение войны, сделанное нами в предшествующих главах, позволяет утверждать, что это соотношение не могло отличаться от такового же у наших союзников.

Различие было в другом.

У наших западных друзей благодаря большей социальной зрелости народных масс самый патриотизм был несравненно более осознан в массах. В этом отношении прав Ю. Н. Данилов, сравнивая настроения нашего народа с настроением ребенка.

Политическое мировоззрение русской многомиллионной солдатской массы в первые годы войны всецело покрывалось формулой «За веру, царя и Отечество». Пусть многие доказывают теперь, что монархические чувства русского простоянина были преувеличены. Не будем спорить об этом; легкость, с которой пала монархия в мартовские дни 1917 года, как будто бы подтверждает это. По вместе с тем дальнейшее течение революции не привело к демократическому строю; последний смог устоять всего лишь восемь месяцев и пал столь же быстро, как царский режим, уступив место жесточайшей деспотии. Это показывает, что в массах русского народа живут другие политические представления, чем это думали наши интеллигентские круги, подходившие к политическим настроениям народных масс с западноевропейским масштабом.

Формула «За веру, царя и Отечество» была для русских народных масс 1914 года своего рода политическим обрядом. А для того, чтобы понять, какую громадную роль в психологии этих масс мог играть обряд, нужно только вспомнить первенствующее значение, которое занимает обряд в области религиозных чувств тех же масс.

Это подтверждалось каждодневным наблюдением и это ярко проглядывало в истории наших религиозных движений. Последние затрагивали наши массы только тогда, когда затрагивался обряд. Это громадное значение обряда для русских народных масс, несомненно, являлось следствием нашего родства с Востоком. Это — мистицизм, выявляющийся в малокультурной среде, ибо нужно понять, что при мистическом складе души в обряде видят нечто большее, чем внешнюю форму; за обрядом предполагается нечто более глубокое, человеческим разумом непостижимое; в обряд верят. Только тогда, когда эта вера в данный обряд будет разбита, он теряет сразу свою силу и лопается как мыльный пузырь. Душа малокультурного, но склонного к мистицизму народа переживает тогда кризис и ищет новый обряд, в который она сможет опять поверить.

В почитании обряда и выразилась главным образом религиозность русского крестьянина.

В почитании своего рода политического обряда и выражалось его политическое миросозерцание.

Оттого и произошел такой резкий перелом в 1917 году, и в этом, по-нашему, и была сущность революции — существовавший политический обряд русских народных масс был окончательно разбит.

Мы настаиваем на том, что внутреннее строе-

ние, т. е. строение психологическое, русского патриотизма было другое, нежели внутреннее строение патриотизма любого из западноевропейских народов. Русский патриотизм был значительно более примитивен, он был, если можно так выразиться, лишь сырой материал, из которого в условиях культурной жизни и вырастают те более сложные виды «патриотизмов», которые можно было наблюдать во Франции, в Великобритании и в Америке.

В примитивных формах патриотизма отсутствует социальная его осознанность; ближайшее следствие этого — отсутствие внутриобщественного контроля. И этот недостаток можно было наблюдать у нас не только в малокультурных слоях народа, но и в более просвещенных. Борьба с желанием «уклониться» в среде наших высших, т. е. более образованных кругов велась безуспешно, ибо бороться с этим злом можно только дружными усилиями самого общества, а этого у нас и не было. Об этой отрицательной стороне русского общества мы уже говорили выше и приводили для сравнения Великобританию, где молодым людям, не записавшимся в добровольцы, барышни преподносили пушинку...

Таким образом, наш вывод о примитивности форм русского патриотизма относится не только к низшим слоям народа, а должен быть распространен и на высшие его слои.

А между тем в 1914 году Россия втягивалась в грандиознейшую борьбу, акты которой должны были протекать в крайне сложных условиях современности. Такое испытание было для русского народа с его примитивным патриотизмом несравненно более трудным, чем для более сознательных западноевропейских народов.

Взаимоотношение столкнувшихся сил

Попытаемся оценить взаимоотношения вооруженных сил России и ее врагов, столкнувшихся в начале кампании 1914 года на нашем западном театре военных действий.

Основной определяющей военной мощью государства является боевая сила ее армии. Последняя в современную эпоху огневой тактики с господствующим значением артиллерийского огня исчисляется количеством линейных (пехотных) дивизий. Каждая из этих дивизий представляет собою то сочетание пушечного, пулеметного и ружейного огня, которое и должно считаться основой боевой силы.

Ко дню объявления войны Германией Россия имела: 70 полевых пехотных дивизий и 19 стрелковых бригад.

С объявлением общей мобилизации началось формирование еще 35 второочередных пехотных дивизий.

Таким образом, согласно расчетам министерства генерала Сухомлинова, боевая сила исчислялась 114,5 пехотной дивизии.

По эта цифра дала бы точное представление о реальной боевой силе России только в том случае, если наша пехотная дивизия действительно представляла бы собою наивыгоднейшее

сочетание пушечного, пулеметного и ружейного огня. Поясним эту мысль грубым примером: линейная дивизия, хотя бы насчитывавшая в своих рядах огромное количество людей, но не имеющая пушек, представляет собою совершенно ничтожную боевую силу; так же точно дивизия, состоящая из одних только артиллеристов, не может представлять собою самостоятельную боевую единицу. Для начала минувшей большой войны существовала определенная комбинация между числом людей и огневых машин, которая является наивыгоднейшей.

Мы имели дивизии 16-батальонного состава, а немцы — 12-батальонного. Первая же кампания показала, что загромождение линейной дивизии числом людей делает ее лишь излишне громоздкой и ведет только к лишним потерям. Россия в середине войны перешла к 12-батальонным дивизиям, и боевая сила ее линейной дивизии от этого не уменьшилась.

В начале войны мы имели 8-орудийные батареи, а немцы 6-орудийные. Первые же сражения подтвердили, что огневая сила батареи скорострельных орудий почти не возрастает от увеличения числа ее орудий сверх шести. В течение войны Россия перешла на 6-орудийные батареи, и опять огневая сила линейных дивизий от этого не пострадала.

Как показал опыт войны, наиболее близко к определению наивыгоднейшей комбинации числа людей и огневых машин в линейной (пехотной) дивизии подошли немцы.

Вследствие этого для исчисления действительной боевой силы русской армии мы примем за единицу счета (за «единицу боевой силы армии») боевую силу германской полевой пехотной дивизии.

На одну германскую полевую пехотную дивизию приходилось 14 батарей дивизионной и корпусной артиллерии. В резервных пехотных дивизиях число таких батарей было меньше, а именно 8. Наконец, в ландверных частях это число падало до 6 и даже до 4 на дивизию. Но если принять во внимание, что немецкая полевая тяжелая артиллерия насчитывала с самого начала войны 381 батарею, то можно принять, что в среднем на каждую пехотную дивизию все же приходилось по 14 батарей. На русскую пехотную дивизию, считая и второочередные и принимая во внимание корпусную артиллерию, а также 60 батарей полевой тяжелой, придется всего 7 батарей.

Таким образом, наша полевая пехотная дивизия равнялась по своей огневой артиллерийской силе половине германской полевой пехотной дивизии.

Мы уже указывали, что существует известный предел для количества пехоты в линейной дивизии. Увеличение пехоты сверх этого предела почти не увеличивает боевую силу линейной дивизии. Таким пределом в 1914 году нужно считать 12 батальонов, то есть то количество, которое и имела германская линейная дивизия. Поэтому мы можем утверждать, что действительная боевая сила русской пехотной дивизии представляла собою «единицу», а половину установленной нами выше «единицы боевой си-

лы армии». Это заключение в свою очередь приводит нас к выводу, что действительная боевая сила русской армии в 1914 году при 114,5 пехотной дивизии должна измеряться 60 вышеупомянутыми единицами счета.

Этот вывод вполне совпадает с авторитетным утверждением генерала Маниковского, что война потребовала от русской армии (в 114,5 линейной дивизии) в два раза большего артиллерийского вооружения, нежели это было предположено.

Из 114,5 пехотной дивизии, Россия сосредоточила против Германии и Австро-Венгрии 94,5. Остальные дивизии остались на Кавказе против ожидавшегося выступления Турции, а также для наблюдения за прочими границами империи.

Но сосредоточение 94,5 дивизии сильно растягивалось во времени, что и доказывают данные табл. 1.

Таблица 1

День мобилизации	Число пехотных дивизий, окончивших свое сосредоточение	Боевая сила в принятых нами единицах счета
15-й	27	13-14
23-й	52	26
60-й	90,5	45
85-й	94,5	47

Из этой таблицы мы видим, что полное сосредоточение русской армии на западном театре России продолжалось 2 — 3 месяца, в то время как германская и австро-венгерская армии, предназначенные для действия против России, могли быть уже развернутыми к 15-му дню мобилизации.

Как известно, Германия решила большую часть своих сил обрушиться с началом войны на Францию. Против России с первых же дней войны находилось не менее 20 пехотных дивизий².

²Согласно приложению № 1 ко второму тому «Истории мировой войны», издаваемой Германским имперским архивом (Reichsarchiv; Der Weltkrieg; Zweiter Band; Verlegt bei Mutter und Sohn, Berlin — 1925), в эти силы входили:

а) 1, 2, 35, 36, 37, 41, 1 резерв., 3 резерв., 35 резерв., 36 резерв., 3 ландв. и 4-я ландв. дивизии;

б) дивизии генерала Бродрюка, 1, 2, 6, 9 и 70, ландверные и эрзац-бригады, бригады генерала Унгерна, бригады генералов Гайдука, Лаценского, отряд полковника Буса — всего силы, равные 17 линейным дивизиям. Кроме этого, имелись еще ландверные и эрзац-войска, оставшиеся в крепостях Познань, Торн, Кульм, Грауденц, Мариенбург, Кенигсберг. Эти части начали формироваться с первых же дней войны. Генерал Бюа в своей книге «L'armee allemande pendant la guerre 1914-1918» определяет величину всех сил, оставленных Германией против России (для активных действий и в крепостях), равной 6 полевым, 3 резервным, 8 эрзац и 9 ландверным дивизиям — всего 26 пехотным дивизиям. Полагая, что некоторые из этих частей окончили свое формирование через месяц, мы считаем, что общие размеры сил, оставленных немцами на их восточном фронте, должны оцениваться не менее как в 20 пехотных дивизий.

Начавшиеся уже военные действия против Сербии задержали несколько, как мы только что говорили, разветвленные всех предназначенных против России австро-венгерских сил, которые в итоге достигали 37,5 пехотной дивизии, 2 ландштурмных дивизий и 13 ландштурмных бригад, что составляло в общем силы, равные 46 пехотным дивизиям.

Действительную боевую силу австро-венгерской пехотной дивизии можно считать равной силе русской пехотной дивизии. Измеряя же эту величину в принятых нами единицах, мы получим, что действительная боевая сила австро-венгерской пехотной дивизии равнялась, подобно русской, половине этой единицы. Таким образом, общая боевая сила немецких и австро-венгерских войск, участвовавших в первых боевых операциях 1914 года против России должна быть оценена так, как это показано в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Страны, сосредоточившие войска против России	Число пехотных дивизий	Боевая сила в принятых нами единицах счета
Германия	20	15 [*]
Австро-Венгрия	46	23
И т о г о		38

* В числе действовавших против России германских сил были не только полевые, но также резервные дивизии и ландвер, имевшие менее сильное артиллерийское вооружение, нежели полевые дивизии. Поэтому мы согласно точному исчислению уменьшили общую силу немцев, выраженную в единицах счета, до 15.

Сравнивая данные табл. 2 с данными предыдущей таблицы, мы видим, что Россия при полном напряжении могла выставить против объединенных сил центральных держав равные силы только к концу второго месяца войны.

Между тем, по мнению, получившему всеобщее распространение не только в обывательских кругах, но и в правительственных, Россия представлялась таким колоссом, что ей стоило лишь слегка пошевелиться, дабы раздавить в начале 1914 года находившиеся против нее неприятельские силы. Что такое мнение господствовало даже в верхах наших союзников французов, свидетельствует следующая телеграмма от 4 (17) сентября 1914 года русского посла в Париже Извольского. В этой телеграмме, адресованной министру иностранных дел, говорится: «Роли союзных французской и русской армий по отношению к Германии сейчас определяются следующим образом: французы наступают, имея против себя пять шестых германских сил, а мы, как явствует из последних официальных телеграмм, остановились перед одной шестой этих сил. Объясняется это, конечно, тем, что мы имеем дело с двумя противниками, из коих Австрия выставила все, что имела. Полное поражение, нанесенное нами Австрии, приветст-

вуется здесь самым восторженным образом, но как в публике, так и в военных кругах, убеждены, что Россия достаточно могущественна, чтобы справиться одной с одной шестой германских сил, независимо от операции против Австрии... Я не считаю себя вправе умолчать об этой критике, не предупредив вас о намерении, может быть, недоразумении, чтобы не сказать о противоречии между нами и французами, которые убеждены, что в настоящую минуту Франция почти одна выдерживает натиск германского колосса...».

Переоценка нашей силы лежала и в основе нашего плана войны. Вместо того чтобы сосредоточить все свои усилия против одного из наших врагов, с тем чтобы, разбив его, перебросить главную массу войск для одержания победы над другим, Сухомлинов и его сотрудники задаются целью сразу же наносить решительные удары по австро-венгерским армиям, сосредоточившимся в Галиции, и по немецким силам, оставленным в Восточной Пруссии, то есть по двум расходящимся операционным линиям. Такая переоценка своих сил русским Генеральным штабом привела к естественному следствию: наши союзники французы сразу же стали предъявлять России совершенно непосильные требования. Ярким доказательством такого отношения могут служить те телеграммы, которые передавались в первые месяцы войны русским военным агентом графом Игнатьевым в Париже, а также теми заявлениями, которые делались от имени французского правительства его послом в Петрограде.

1 августа, т. е. в день объявления Германией войны России, в телеграмме нашего военного агента говорилось, что французский военный министр «совершенно серьезно полагал возможным для нас вторжение в Германию и движение на Берлин со стороны Варшавы». Это требование французского правительства в переводе на стратегический язык означало следующее: к существовавшим уже двум операционным линиям (в направлениях на Галицию и на Восточную Пруссию) прибавлялась еще третья — Варшава-Берлин. При существовавшем в действительности соотношении сил подобная просьба была в полном смысле слова равносильна требованию от России самоубийства.

Начальные операции

В действительности эта разброска сил привела к катастрофе в Восточной Пруссии и к уменьшению стратегического результата нашей победы в Галиции.

Подъем национального чувства в наших народных массах в начале войны сопровождался энтузиазмом по отношению к союзникам, в особенности к Франции, без всякого колебания ставшей согласно договору рядом с нами. Поэтому, когда с первых же дней войны из Франции начали прибывать тревожные вести, они немедленно же вызвали всеобщий порыв желания скорее выручить нашу верную союзницу из тяжелого положения.

Из напечатанных мемуаров французского по-

сла в Петрограде Палеолога можно убедиться, как настойчивы были просьбы Франции о помощи и с каким же горячим сочувствием принимались эти просьбы Россией.

Уже 23 июля (5 августа), т. е. на следующий день после объявления войны Германией Франции, ее посол Палеолог сделал императору Николаю II следующее заявление: «Французская армия вынуждена будет выдержать могущественный натиск 25 германских корпусов. Я умоляю ваше величество приказать вашим войскам [начать] немедленное наступление. Иначе французская армия рискует быть раздавленной».

8(21) августа Палеолог записывает: «На бельгийском фронте наши операции принимают дурной оборот. Я получил приказание воздействовать на императорское правительство, дабы ускорить насколько возможно наступление русских армий».

Политические руководители Франции, испуганные призраком надвигающейся катастрофы, начали со всей доступной им силой давить на государя и русские руководящие круги. Вопрос при этом ставился не только о содействии, но о спасении Франции. В результате политика не только препятствует русскому Верховному главнокомандованию исправить ошибки плана войны, но толкает на углубление их; и русские армии, не дожидаясь окончания своего сосредоточения и своей готовности, бросаются в наступление.

В своих воспоминаниях французский посол свидетельствует, что военные руководители русской армии вполне сознавали опасность подобной торопливости в начале военных действий. В заметке от 13(26) августа Палеолог пишет, что имел беседу с русским министром иностранных дел С. Д. Сазоновым. В ответ на слова Палеолога: «Подумайте, какой тяжелый час наступил для Франции» — русский министр иностранных дел ответил, что начальник штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта отдают себе отчет, что успешное наступление в Восточную Пруссию осуждено на неизбежную неудачу, «так как наши войска еще слишком разбросаны и перевозка их встречает много препятствий».

Русское Верховное главнокомандование работает под давлением постоянно гнетущей мысли о необходимости спасти гибнущую Францию. Торопя вступление армии генерала Ренненкампа и генерала Самсонова в Восточную Пруссию, Ставка сочла нужным упомянуть в основном приказе о том, что это делается для оказания помощи Франции³.

³Принимая во внимание, что война Германией была объявлена сначала нам, и что Франция, как союзница наша, считала своим долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо и нам, в силу тех же союзнических обязательств, поддержать французов, ввиду готовящегося против них главного удара немцев». Из директивы Ставки, посланной за № 345 от 28 июля (10 августа) 1914 г. главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта.

Наша первая операция в Восточной Пруссии, начавшаяся победоносным сражением армии генерала Ренненкампа у Гумбинена, кончается катастрофой в армии генерала Самсонова, в которой центральные два корпуса были окружены немцами, и поражением армии генерала Ренненкампа в сражении у Мазурских озер.

Но тем не менее Франция спасена. «Два корпуса, — пишет один из ближайших сотрудников маршала Жофра генерал Дюпон⁴, сняты с французского фронта; корпус, дублировавший гвардию, — гвардейский резервный (G. R.) — отнимают от армии фон Бюлова и 11-й армейский корпус — от армии фон Гаузена. Одна кавалерийская дивизия — 8-я (саксонская) — их сопровождает... Это мероприятие, может быть, является нашим спасением. Предположите гвардейский резервный корпус на своем месте 7 сентября, между Бюловым и Клуком, а 11-й армейский корпус с саксонской кавалерийской дивизией — в армии фон Гаузена 9 сентября у Фер-Шампенуаза. Какие последствия! От этой ошибки начальника германского генерального штаба в 1914 году генерала фон Мольтке другой Мольтке, его дядя, должен был перевернуться в гробу».

На русском фронте стратегические последствия неудач армии генерала Ренненкампа и генерала Жилинского сведены к нулю разгромом четырех австро-венгерских армий в Галиции. Сотни тысяч пленных взяты доблестными армиями Юго-Западного фронта; вся Галиция очищена от противника, торопливо увозящего остатки своих разбитых армий к Кракову и за Карпаты. Хотя эта победа одерживается почти одновременно с нашим поражением в Восточной Пруссии, тем не менее она не может загладить тягостное моральное впечатление от этого последнего. Рождается недоверие к своим силам против немцев. Особенно тяжело отзывается это в тылу, где оппозиционные к правительству элементы легко поддаются мрачному пессимизму. А. И. Гучков в своих показаниях, данных в 1917 году после революции Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства утверждает, что уже в августе 1914 года «он пришел к твердому убеждению, что война проиграна», причем причиной подобного пессимистического взгляда явились его «первые впечатления уже на самом театре военных действий, поражение у Сольдау»⁵, которое ему пришлось «одним крылом захватить...». Вот в какую панику впадали некоторые из наиболее энергичных общественных деятелей; какова же должна была быть «отдача» в обывательской среде!

Осень 1914 года

Удачное оттеснение немцев от реки Вислы в октябре 1914 года внесло в армию уверенность в своих силах. Радужные надежды нашего коман-

⁴Германское высшее командование в 1914 году». Предисловие к этой книге написано маршалом Жофром.

⁵Где дрался левобланговый корпус армии генерала Самсонова. (Прим. Н. Г.).

дования вылились в следующие слова реляции от 25 октября (7 ноября) 1914 года: «Расширяя в течение 13 дней наш успех по всему 500-верстному фронту, мы сломили повсюду сопротивление врага, который находится в полном отступлении... Одержанная победа позволяет нашим войскам перейти к новым задачам, с приступлением к которым начинается новый период кампании».

Но имевшая место в ноябре Лодзинская операция, хотя и окончившаяся для нас удачно, все-таки влила большую ложку дегтя в бочку с медом. В этой операции около двух германских корпусов попали в мешок и оказались в положении, аналогичном с двумя корпусами Самсонова в последних числах августа. Каково было положение окруженных нами германских войск, свидетельствуют следующие строки из воспоминаний генерала Людендорфа⁶. «В Познани, вдали от поля сражения, мы узнали из русских радиотелеграмм, с какими надеждами они оценивали положение; как они готовились к решительному удару; как они радовались мысли о пленении нескольких немецких корпусов. Были уже отданы приказания о сосредоточении подвижных составов для отвоза немецких пленных. Я не могу передать то, что я перечувствовал. Что угрожало? Вопрос шел не только о пленении стольких храбрых солдат и торжестве неприятеля, вопрос шел о проигрыше кампании. После такого поражения оставалось только отвести 9-ю армию назад. А каков был бы тогда конец 1914 года?».

Причинами тому, что немцам удалось, хотя и с огромными потерями, выскользнуть из мешка, в который они попали, являлись грубые ошибки, сделанные в руководстве армиями главнокомандующим Северо-Западным фронтом генералом Рузским и его штабом. Но в войсках, а также обывателям в тылу это не было видно, тем более что генерал Рузский пользовался большой популярностью в думских и общественных кругах. Поэтому мысль о том, что бороться с немцами русской армии не под силу, начинает пускать все большие и большие ростки. Немцы с большим искусством ведут в этом направлении свою пропаганду. Раздувая размеры своих успехов в Восточной Пруссии, они подрывают доверие союзников к русской армии; в последней они этим подрывают веру войск в свою силу, а в самой России они обостряют оружие оппозиционно настроенных против правительства общественных элементов. Это как раз совпадает с первыми признаками грядущей катастрофы в снабжении. В этом отношении характерна запись генерала Куропаткина в его дневнике, помеченная 27 декабря (ст. ст.) 1914 года:

«Приехал А. И. Гучков с передовых позиций. Очень мрачно настроен. Виделся с ним сегодня. Много рассказывал. С продовольствием не справляются в армии. Люди голодают. Сапог у многих нет. Ноги завернуты полотнищами. А между тем масса вагонов с сапогами стоят, затиснутые забитыми станциями. Вожди далеко за телефонами. Связи с войсками не имеют.

Убыль в пехоте, в офицерах огромная. Есть полки, где налицо несколько офицеров. Особенно тревожно состояние артиллерийских запасов. Читал мне приказ командира корпуса не расходовать более 3-5 снарядов в день на орудие. Пехоте, осыпаемой снарядами противника, наша артиллерия не помогает. Укомплектования не своевременны. Одна стрелковая бригада не получала укомплектования три месяца. Во время боев, когда германцы прорвались из мешка⁷, на правый фланг прислали укомплектованные 14 000 человек без ружей. Эта колонна подошла чуть не в боевую линию и очень стеснила войска. Один из корпусов не получал укомплектований 1,5 месяца...».

Несомненно, что в этой записи много истинного, но несомненно также и сильное сгущение мрачных красок, вроде, например, факта о присылке укомплектования без ружей, будто бы имевшем какое-то решительное значение для прорыва немцев из мешка. Для нас важно не это, а то, что запись ярко свидетельствует о тех оценках и настроениях, которые приносились из армии в страну. Приведенная запись тем более характерна, что сделана она рукой одного из бывших военных министров и главнокомандующего в японскую войну, следовательно, лицом, умеющим разбираться в событиях войны. Так, к концу 1914 года из армии в страну ползли мрачные слухи, передававшие во все углы вести о неустроении и предсказании близкой катастрофы.

Лодзинская операция ставит точку над стремлением нашего Верховного главного командования вторгнуться внутрь Германии и путем действия по кратчайшей операционной линии облегчить положение наших союзников на французском театре. Но вместе с этим эта же операция дала большие положительные результаты в общем стратегическом положении: для ее проведения немцы должны были перекинуть на свой восточный фронт еще семь пехотных и одну кавалерийскую дивизию. Это, несомненно, сильно облегчило положение наших союзников в сражениях на Изере и Ипре.

Таким образом, действия русских армий в конце 1914 года руководились той же резко и с страшнейшим напряжением проводимой идеей — выручать наших союзников. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич со свойственным ему рыцарством решает стратегические задачи, выпадающие на русский фронт не с узкой точки национальной выгоды, а с широкой общесоюзнической точки зрения. Но эта жертвенная роль обходится России очень дорого. Русская армия теряет убитыми и ранеными около 1 млн. людей, и, что делает особо чувствительными эти потери, это то, что они почти всецело выпадают на долю кадрового состава армии. Вместе с этим напряженный темп боевых действий вызывает усиленный расход огнестрельных запасов, о недостаточности которых мы уже много говорили выше.

В отношении потерянных и занятых нами территорий кампания 1914 года на русском те-

⁶Ludendorff. Meine Kriegserinnerungen. S. 83, 84.

⁷Конец Лодзинской операции. (Прим. Н. Г.).

атре дает несравненно более благоприятную картину, нежели та, которую мы видим у наших союзников на французском театре. Хотя мы и потеряли небольшую часть Польши на левом берегу Вислы, но мы и не собирались удерживать ее и по плану войны; зато мы овладели Галицией и в Восточной Пруссии вновь подошли с востока к Мазурским озерам. В итоге начертание нашего фронта улучшилось по сравнению с исходным положением в 1914 году, так как глубина «польского мешка» уменьшилась.

Однако, как мы видели выше, понесенные нами в кампании 1914 года потери, а также неустойчивость в тылу, с упрямством поддерживаемое невежественным и легкомысленным Сухопутным, тяжело отражались на настроении страны. Вследствие этого настроения каждая из неудач на фронте воспринималась особенно болезненно и общий стратегический результат кампании совершенно заслонялся. А между тем он был положительный и большой. Германия, строившая весь свой успех войны на быстром поражении поочередно Франции и России, оказалась не в силах разбить ни ту, ни другую; германский генеральный штаб был сбит с той позиции, на которой он базировал свою военную мысль в течение долгих годов и, как следствие этого, утратил твердую идею плана войны, начав колебаться между западом и востоком. Это сделалось типичной особенностью последующего периода войны, когда вместо одного главного германского фронта против французов, таковых, отчасти захватным порядком самовластия Гинденбурга и интриг Людендорфа, получилось два: французский и русский. И этот важнейший в стратегическом отношении результат является следствием действий на русском фронте.

К сожалению, союзники не отплачивали полноценной монетой за помощь, оказанную им Россией. Нужды последней не учитывались с такой же полнотой. Первое проявление такого отношения можно увидеть в том, как в Средиземном море союзные флоты пропускают два сильных германских бронированных крейсера «Гебен» и «Бреслау» в Мраморное море. Этот пропуск имеет своим прямым следствием вступление Турции в ряды врагов России, что и состоялось в начале ноября 1914 года. Объявление войны Турцией отвлекло часть русской вооруженной силы на Кавказский фронт, но это было еще ничтожное последствие по сравнению с другим: выступление Турции закрывало доступ в Черное море, а это, как мы уже указывали выше, было равносильно блокаде; здесь была ахиллесова пята русского колосса. Эта блокада являлась для России особенно чувствительной к началу кампании 1915 года, так как русская армия израсходовала в своем жертвенном порыве большую часть своих огнестрельных припасов.

Кампания 1915 года

В течение первых четырех месяцев 1915 года Гинденбург и Людендорф, получившие на усиление своего фронта новые четыре корпуса сверх

корпусов, прибывших уже к ним перед Лодзинской операцией, задумывают нанести России сокрушительный удар, который должен окончательно вывести ее из строя. Для этого они намечают широкий охват-клещи, в котором они хотят сжать центральные русские армии, находящиеся в Польше и Западной Галиции. Осуществление этих клещей должно было начаться разгромом русской 10-й армии, находившейся в Восточной Пруссии у Мазурских озер и решительным наступлением австро-венгров из Карпат на фронте Буков — Тарнополь. Обоим этим ударам по русским флангам предшествовал энергичный штурм русских позиций на левом берегу Вислы в районе, преграждавшем прямые пути на Варшаву.

Эта фронтальная атака немцев приводит к кровопролитнейшим боям, причем особенно много крови было пролито в окрестностях Боржимова. Однако немецкий штурм был остановлен и не помешал русскому Верховному главнокомандованию приступить к осуществлению задуманных им тоже наступательных операций: решительному наступлению через Карпаты на фронте Горлице — Вышков для проникновения на равнину Венгрии и вспомогательному наступлению из Польши в Восточную Пруссию на фронте Ортельсбург — Солдау. Это привело к очень напряженным сражениям в Восточной Пруссии (второе сражение у Мазурских озер и у Прасныша) и на Карпатах. Планы наших врагов потерпели полное крушение. В этом должен был признаться и сам Людендорф.

Сдача крепости Перемышль с 135-тысячным гарнизоном и блестящая наша победа на Кавказском театре у Сарыкамыша давали нам полную моральную компенсацию за тактические неудачи в Восточной Пруссии (поражение 10-й нашей армии во втором сражении у Мазурских озер, окончившееся окружением 20-го корпуса в Августовских лесах). Но все эти напряженнейшие бои заставили нас израсходовать последние запасы огнестрельных припасов, и мы подошли вплотную к катастрофе, которая становилась неминуемой.

Неудача замысла Гинденбурга и Людендорфа сокрушить русскую вооруженную силу одним ударом не заставляет германское Верховное главное командование отказаться от этой мысли. Оно окончательно решает перенести центр тяжести своих усилий в летнюю кампанию 1915 года с французского на русский театр и для этого опять перебрасывает с первого на второй значительные силы. Не подлежит никакому сомнению, что германской ставке хорошо была известна надвигающаяся в русской армии катастрофа в боевом снабжении. Кроме того, безрезультатные действия наших союзников для оказания нам помощи в первый период кампании 1915 года наводили немцев на мысль, что французское и британское главнокомандование окажутся более эгоистичными, нежели русское, что армии наших союзников не проявят такого же жертвенного порыва для того, чтобы оттянуть на себя германские силы, как это сделала русская армия в кампанию 1914 года, что помощь

союзников ограничится формулой «постолюк-поскольку», а при таких условиях немцы смогут спокойно навалиться всеми силами на Россию.

Насколько чувствительно было это перемещение, свидетельствуют цифры, заимствованные нами из книги бывшего начальника французского генерального штаба генерала Бюа⁸, которого нельзя упрекнуть в пристрастии к русским. Согласно данным генерала Бюа, в начале войны против Франции немцами направлено 79 проц. их сил, а против России 21 проц.; в августе 1915 года против соединенных сил французов и англичан остается всего 60 проц. немецких пехотных дивизий, а против России сосредоточено 40 проц.

Некоторую помощь нам оказало присоединение Италии к лагерю наших союзников (24 мая). Но так как выступление Италии оттягивало на себя лишь австро-венгерские войска, а Австро-Венгрия к этому выступлению подготовилась, оно оказалось помощью малодействительной.

В таких тяжелых условиях и протекает для России летний период кампании 1915 года (май-октябрь). Этот период начинается прорывом Макензена у Горлице. Каково было взаимоотношение артиллерийских сил во время этого прорыва, свидетельствует следующий пример. Против фронта одного из наших корпусов 10-й русской армии, на которую обрушился удар Макензена, наши противники сосредоточили более 200 тяжелых орудий, не считая легкой артиллерии. У нас же во всей 3-ей армии в составе семи корпусов на фронте 200 верст было всего 4 тяжелых орудия.

Немцы хорошо используют свое подавляющее превосходство в артиллерийских силах. Вот как в общих чертах может быть обрисована картина наступления Макензена, наносившего главный удар. Как громадный зверь, немецкая армия подползала своими передовыми частями к нашим окопам, но лишь настолько, чтобы приковать к себе наше внимание и в то же время быть готовою немедленно же после очищения окопов

занять их. Затем этот «зверь»-гигант подтягивал свой хвост — тяжелую артиллерию. Последняя становилась в районы, малодоступные для нашей легкой артиллерии, часто даже вне досягаемости ее выстрелов, и с немецкою методичностью начинала барабанить по нашим окопам. Она молотила по ним до тех пор, пока они не были сровнены с землею и защитники их перебиты. После этого «зверь» осторожно вытягивал свои лапы — пехотные части — и занимал наши окопы; в это время тяжелая артиллерия держала под жестоким огнем расположение наших батарей и наш тыл, а выдвинувшаяся немецкая легкая артиллерия и пулеметы охраняли выдвигающуюся пехоту от наших контратак. В последнем случае «потери атакующего» выпадали на нашу долю. Немцы же отсиживались в воронках изрытой снарядами местности и расстреливали нас в упор. Закрепившись на захваченной у нас позиции, «зверь» опять подтягивал свой хвост, и германская тяжелая артиллерия с прежней методичностью начинала молотить по нашей новой позиции.

Немцы могли беспрепятственно повторять этот способ действий. У нас было не только мало артиллерии для того, чтобы им противодействовать, но и та, которая была, молчала из-за отсутствия снарядов. Достаточно напомнить, что граду снарядов германского барабанного огня мы могли противопоставить в среднем только 5-10 выстрелов на легкую пушку в день.

При таких условиях наша оборона фактически являлась невозможной и «макензеновский кулак» проползает по Галиции до Перемышля, а затем поворачивает на фронт Люблин-Холм. Одновременно с этим начинается решительное наступление немцев из Восточной Пруссии. На этот раз действительно образуются клещи, которые грозят отхватить наши центральные армии, находящиеся в так называемом «польском мешке».

*Публикацию подготовил
И. А. АНФЕРТЬЕВ*

⁸L'armee allemande pendant la guerre 1914-1915.

(Продолжение следует)

ПОГИБЛИ В ГОДЫ БЕЗЗАКОНИЯ

МАРТИРОЛОГ РККА 1937-1941 гг.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Год приема в члены ВКП(б)	Должность на момент ареста	Дата			
				ареста	вынесения приговора к высшей мере наказания	исполнения приговора	посмертной реабилитации
1	2	3	4	5	6	7	8
Комдивы							
Бутырский Василий Петрович	1896	Кандидат с 1930	Начальник штаба КВО	20.12.1937	2.10.1938	—	2.7.1957
Вакулич Павел Иванович	1890	1919	Начальник кафедры Военной академии Генерального штаба РККА	30.5.1937	13.7.1937	—	11.7.1956
Васильевич Иван Иванович	1895	1917	Командир 26-го стрелкового корпуса	—	25.8.1937	—	—
Васильев Федор Васильевич	1892	1918	Командир 22 кл ЗабВО	17.7.1937	5.10.1938	—	1.6.1957
Васильченко Николай Николаевич	1896	1918	Помощник генерал-инспектора ВВС Красной Армии	1.6.1941	13.2.1942	—	17.9.1955
					Постановлением Особого совещания при НКВД		
Везиров Гамбай Мамед оглы	1899	—	Командир и военком Азербайджанской горно-стрелковой дивизии	29.7.1937	13.10.1937	—	28.7.1956
Венцов-Кранц Семен Иванович	1897	1918	Командир 62-й Туркестанской дивизии	11.6.1937	8.9.1937	8.9.1937	30.6.1956
Вольпе Абрам Миронович	1895	1917	Начальник Административно-мобилизационного управления РККА	30.5.1937	14.7.1937	14.7.1937	2.6.1956

1	2	3	4	5	6	7	8
Гарф Вильгельм Евгеньевич	1884	Б/п	Начальник Военной академии связи имени В. Н. Подбельского	10. 5. 1938	22. 8. 1938	—	28. 5. 1955
Гермонус Вадим Эдуардович	1890	1920	Командир и комиссар 17-го стрелкового корпуса	7. 6. 1937	8. 9. 1937	—	15. 12. 1956
Головкин Василий Григорьевич	1897	1917	Командир 46 сд	2. 3. 1938	26. 9. 1938	—	20. 10. 1956
Горбунов Михаил Алексеевич	1901	1918	Начальник ВВС КБФ	7. 6. 1937	22. 5. 1938	—	29. 12. 1956
Григорьев Петр Петрович	1892	1918	Командир 7-го кавкорпуса	24. 7. 1937	19. 11. 1937	20. 11. 1937	28. 4. 1956
Грушецкий Владислав Флорианович	1888	1928	Начальник Краснознаменных химических курсов РККА	—	25. 8. 1938	—	21. 7. 1956
Давидовский Яков Львович	1897	1917	Командир-комиссар 11-го мехкорпуса ЗаВО	8. 6. 1937	2. 10. 1938	2. 10. 1938	27. 4. 1957
Даненберг Евгений Евгеньевич	1891	Б/п	Командир 52 сд	11. 7. 1937	4. 10. 1938	—	3. 10. 1957
Демичев Михаил Афанасьевич	1885	1920	Командир 1-го кавкорпуса	9. 8. 1937	19. 11. 1937	—	20. 10. 1956
Деревцов Сергей Иванович	1897	1917	Начальник автобронетанковых войск ОКДВА	(?) 5. 1937	25. 3. 1938	25. 3. 1938	13. 7. 1957
Добровольский Виктор Петрович	1892	1919	Командир 19-го стрелкового корпуса	—	20. 9. 1938	—	6. 10. 1956
Замглацкий Григорий Саввич	1895	1917	Преподаватель Военной академии имени М. В. Фрунзе	3. 6. 1938	26. 8. 1938	26. 8. 1938	21. 7. 1957
Зиновьев Иван Зиновьевич	1892	1919	Начальник штаба СибВО	20. 12. 1937	17. 6. 1938	—	1. 8. 1957
Инно (Кульдер) Александр Александрович	1887	1918	Начальник курсов «Выстел»	—	9. 2. 1938	—	29. 9. 1956
Казанский Евгений Сергеевич	1896	1917	Командир и комиссар 5-го стрелкового корпуса	16. 5. 1937	26. 9. 1937	26. 9. 1937	30. 6. 1956
Калнин Карл Иосифович	1884	1904	Ответственный инструктор президиума Центрального совета Осоавиахима СССР	8. 6. 1937	2. 11. 1937	—	23. 9. 1958
Капуловский Иван Дмитриевич	1894	1920	Командир корпуса ВУЗ КВО	4. 10. 1937	25. 8. 1938	—	4. 2. 1958
Карклин Иван Иванович	1895	1918	Помощник командующего войсками ЗаВО по ВВС	11. 8. 1937	2. 10. 1938	—	9. 4. 1957
Кассин Григорий Иустинович	1884	1919	Командир 45-го стрелкового корпуса	5. 8. 1938	14. 4. 1939	—	20. 10. 1956
Квятек Казимир Францевич (Витковский Ян Карлович)	1888	1917	Заместитель командующего войсками ХВО	17. 12. 1937	25. 8. 1938	—	8. 9. 1956
Княгиницкий Павел Ефимович	1884	1917	Командант и военком Киевского укрепленного района	11. 6. 1937	9. 9. 1937	—	13. 5. 1958

1	2	3	4	5	6	7	8
✓ Кожевников Александр Тимофеевич	1894	1937	Командующий ВВС УрВО	13. 2. 1938	8. 8. 1938	—	26. 3. 1957
✓ Козыцкий Александр Дмитриевич	1891	Б/п	Начальник Орджоникидзевского пехотного училища	31. 5. 1937	10. 8. 1937	—	20. 4. 1957
Котов Николай Яковлевич	1893	1920	Начальник Липецкой высшей летно-тактической школы ВВС	6. 9. 1937	10. 1. 1938	—	4. 6. 1957
Кручинкин Николай Кузьмич	1897	1929	Начальник Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР	? . 3. 1938	19. 8. 1938	—	9. 5. 1956
✓ Кутателадзе Георгий Николаевич	1888	Кандидат с 1930	Командир 9-го стрелкового корпуса	19. 4. 1937	12. 7. 1937	—	—
✓ Кучинский Дмитрий Александрович	1898	1918	Начальник Военной академии Генерального штаба РККА	—	29. 7. 1938	—	4. 8. 1956
✓ Лазаревич Владимир Саламанович	1882	Б/п	Начальник кафедры Военно-транспортной академии РККА	4. 2. 1938	20. 6. 1938	20. 6. 1938	5. 5. 1956
Лаур Жан Иванович	1893	1917	Командир 14-й стрелковой дивизии	23. 12. 1937	30. 9. 1938	—	12. 5. 1956
Лепин Андрей Генрихович	1896	1918	Начальник Управления пограничных и внутренних войск НКВД Украины	—	29. 7. 1938	29. 7. 1938	25. 8. 1956
Лопатин Всеволод Николаевич	1899	Кандидат с 1931	Заместитель командующего войсками ЛВО по авиации	14. 1. 1938	29. 7. 1938	29. 7. 1938	12. 12. 1956
Лукирский Сергей Георгиевич	1875	Б/п	Научный редактор редакции «Военной энциклопедии» (бывший комдив)	29. 1. 1938	2. 4. 1938	2. 4. 1938	29. 9. 1956
✓ Максимов Иван Федорович	1894	1918	Начальник 7-го отдела Генерального штаба РККА	15. 10. 1938	15. 4. 1939	—	30. 5. 1956
Мальцев Александр Кузьмич	1887	1928	Начальник штаба САВО	23. 8. 1938	8. 2. 1939	19. 3. 1939	19. 3. 1957
Маслов Константин Васильевич	1892	1918	Командующий ВВС СибВО	—	4. 6. 1938	—	8. 12. 1956
✓ Медников Михаил Лазаревич	1884	1917	Начальник Управления строительных частей РККА	4. 7. 1937	22. 8. 1938	—	13. 6. 1956
Мелик-Шахназаров Андрей Павлович	1887	Б/п	Командир 16-го стрелкового корпуса БВО	—	30. 10. 1937	—	29. 3. 1958
Мураин Дмитрий Константинович	1889	1919	Сотрудник Разведывательного управления РККА	23. 12. 1937	28. 8. 1938	28. 8. 1938	21. 7. 1956
Никифоров Леонид Иванович	1896	1917	Командующий ВВС ТОФ	15. 1. 1938	23. 5. 1938	—	10. 11. 1956
Никонов Александр Матвеевич	1893	1918	Заместитель начальника Разведывательного управления РККА	5. 8. 1937	26. 10. 1937	26. 10. 1937	19. 5. 1956

1	2	3	4	5	6	7	8
Ольшанский Михаил Михайлович	1895	1919	Заместитель начальника АБТУ РККА	15. 4. 1937	20. 9. 1937	20. 9. 1937	22. 2. 1956
Ольшеский Фаддей Иванович	1890	1918	Начальник отдела артбаз Артиллерийского управления РККА	17. 6. 1937	9. 12. 1937	—	6. 6. 1956
Онуфриев Иван Андреевич	1893	1917	Ответственный организатор Центрального совета Осоавиахимва СССР	1. 8. 1937	25. 4. 1938	—	6. 7. 1957
Орлов Александр Григорьевич	1898	1927	Начальник кафедры иностранных языков Военной артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского	31. 6. 1939	24. 1. 1940	25. 1. 1940	21. 5. 1955
Павлов Александр Васильевич	1880	Б/п	Помощник начальника Военной академии имени М. В. Фрунзе	5. 6. 1937	—	14. 8. 1937	2. 6. 1956
Пашковский Константин Казимирович	1894	1918	Командир 18-го стрелкового корпуса	26. 6. 1937	30. 12. 1937 («высшей двойкой»)	2. 2. 1938	3. 10. 1956
Перемылов Алексей Макарович	1888	Б/п	Начальник штаба БВО	21. 2. 1938	28. 7. 1938	28. 7. 1938	9. 6. 1956
Пога Жан Янович	1889	—	Командир тжжелого авиакорпуса	8. 9. 1937	29. 4. 1938	—	4. 10. 1960
Погребной Василий Семенович	1895	1918	Заместитель командующего войсками ХВО	11. 2. 1938	29. 7. 1938	—	27. 6. 1957

Публикация полковника в отставке О. Ф. СУВЕНИРОВА,
доктора исторических наук

(Продолжение следует)

ПОД «КОЛПАКОМ» ГЕСТАПО

Агентура специальных служб
фашистской Германии
накануне второй мировой войны

К середине 1937 года Гитлером и его окружением было принято окончательное решение о практической подготовке к развязыванию второй мировой войны в целях расширения жизненного пространства для окрепшей в военном и экономическом отношении нацистской Германии. Однако реализации этих агрессивных планов могла помешать к тому времени еще не до конца разгромленная политическая оппозиция как в самой Германии, так и в приграничных с «третьим рейхом» странах.

В связи с этим Гитлер и руководство фашистской партии дали указание специальным службам активизировать борьбу с коммунистическим и социал-демократическим движениями. Главное управление службы безопасности, выполняя данное поручение, отдало распоряжение подчиненным органам на местах шире использовать агентуру для выявления, разработки и ликвидации коммунистических, социал-демократических и антифашистских групп и ячеек.

Трофейные архивные документы, относящиеся к 1937 году, содержат теоретические установки и практические рекомендации немецкой разведки и политического сыска для борьбы с противниками режима.

Публикуемые документы до сих пор никогда не печатались.

Дюссельдорф, 6. 5. 1937 г.

Служба безопасности
западного главного участка СС
11/121

СОДЕРЖАНИЕ: О РАБОТЕ С АГЕНТУРОЙ.

1. Необходимость использования агентов.

Любая организация, обязанная изучать противника (легально или нелегально), должна использовать агентов. Использование агентов позволяет быть информированным о положении и деятельности противника. Основой этой работы является знание сотрудником самой материи. Он должен точно знать организацию, образ действий и тактику, поскольку все это обязательно для проверки данных, поступающих от агентуры.

2. Места использования агентов.

На каких местах следует использовать агентуру, вытекает в основном из обстановки и возможностей. Как правило, агента надо использовать там, где он может установить контакт с ответственными лицами из числа администрации противника. Это создает возможность еще глубже проникнуть в аппарат противника.

3. Методы приобретения и использования агентуры.

Приобретение агента представляет собой индивидуальный процесс, который неизбежно зависит от характера и предстоящих задач кандидата на вербовку.

Ниже приводятся примеры из практической работы по приобретению агентуры:

а) негласный арест лица из нелегального аппарата противника, о котором известно, что оно податливо и сможет подтвердить уже известные нам данные; после этого лицо отпускают, обещав ему свободу в том случае, если оно согласно и далее сотрудничать в такой же форме и постоянно информировать об интересующих нас организациях; можно повысить интерес такого агента путем оказания ему материальной поддержки;

б) если какой-нибудь марксист будет освобожден после отбытия наказания, то можно в первые же дни после освобождения (пока бывшие товарищи по партии еще не навестили его) направить к нему агента, предварительно ознакомив с материалами его следст-

венного дела; это мероприятие заключается в том, что направленный нами агент начнет упрекать освобожденного за его измену или же получит от него данные о поведении других лиц, обвиненных по тому же делу, или данные об истинном предателе; в первом случае целесообразно предупредить вышедшего из заключения о том, что нелегальное партийное руководство намерено исключить его за антипролетарское поведение из своей среды; спровоцированный объект сообщит в свое оправдание новые данные о прежних связях, которые он утаил от следствия; проведением этого мероприятия достигается установление контакта с объектом, и далее уже дело каждого суметь его соответствующим образом развить и использовать;

в) следующая возможность состоит в том, чтобы путем интенсивной личной обработки побудить бывшего марксиста к активному сотрудничеству с нашим государством; такой человек сам начинает работать как агент в силу выработавшегося нового убеждения;

г) имеется также возможность вновь активно использовать расшифрованных агентов, направляя их в другие города и на другие предприятия.

4. Отношение к агентуре.

Принципиально к агентам надо относиться с исключительной осторожностью. Даже если они неоднократно проявляли себя честными агентами, надо в каждом случае, если это возможно, проверять их донесения.

По этой причине целесообразно, чтобы два агента, работающие по одному делу, не знали друг друга. Этим обеспечивается возможность их проверки.

От агента следует требовать максимум возможного, но ему ничего сообщать не следует.

Взаимоотношения с агентурой нельзя ограничить какими-либо рамками. Успех в этом вопросе — дело умения каждого сотрудника.

Лейпциг, 7. 6. 1937 г.
111/121

ДОНЕСЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ: О РАБОТЕ С АГЕНТУРНЫМ АППАРАТОМ.

Вначале следует отметить, что приобретение агентов, которые могут выполнять задания по линии 121-го реферата II отдела, представляет собою для службы безопасности большие трудности, нежели для государственной полиции.

Возможности, которой располагает государственная полиция, встречаться и работать с лицами, совершавшими преступления, у службы безопасности вообще нет, поэтому неизбежно напрашивается следующий вывод: вербовке агентуры для 121-го реферата должно быть вначале предпослано тесное сотрудничество с государственной полицией (участие в акциях, допросах и т. д.).

Однако существуют и другие возможности, которые частично были успешно использованы и о которых сообщается ниже.

1. Регулярно получая из тюрем сообщения о предстоящем освобождении заключенных, можно (после ознакомления с материалами на под-

ходящих из них) посетить их незадолго до выхода на свободу, побеседовать по личным вопросам. При необходимости им можно обещать поддержку ... или получение работы. При целесообразности и согласии сотрудничать со службой безопасности следует обязательно на деле поддержать этого человека и устроить его на работу.

Помощь следует осуществлять лучше всего через ... , а если позволяют обстоятельства, также и через основанное в прошлом году «Общество тюрем». Руководители этого общества, в основном [из] прокуратуры, имеют задачу в тесном контакте с ... и Немецким трудовым фронтом оказывать помощь и поддержку освобожденным заключенным, и в первую очередь политическим. С помощью «Общества тюрем» можно не только оказывать поддержку вновь завербованным агентам, но и искать и вербовать новых.

По тактическим соображениям было бы неправильно немедленно устраивать на работу кандидатов на вербовку или же освобождать их от обязанности отмечаться в полиции. В обоих случаях обязательно должен быть выдержан срок не менее четырех недель.

2. Часто очень полезны как агенты лица, о которых известно, что они и после отбытия наказания располагают данными о нелегальной деятельности, не сообщенными ими суду. Этих лиц после отбытия ими наказания нельзя больше привлекать к суду.

Привлечь к сотрудничеству их возможно, оказав на них давление: намекнув, что их уволят с работы, что им вновь грозит концентрационный лагерь за «якобы совершенные» новые преступления, которые в особых случаях следует искусственно создать (направление в их адрес запрещенной литературы, подвод к ним других агентов и беседы с ними и т. д.).

3. Полезным оказывается также и посещение [лиц], продолжающих отбывать заключение в тюрьмах и концентрационных лагерях, которые, оказавшись под давлением окружающей обстановки, часто обещают сотрудничать со службой безопасности, как только выйдут на свободу. В этих случаях эффективным бывает соответствующее сотрудничество с начальством тюрем и концентрационных лагерей.

4. Устройство агентов на предприятия, как правило, делает необходимым сотрудничество с государственной полицией и ее поддержку, поскольку агенты смогут добиться успеха лишь в том случае, если они являются политически подозрительными лицами. Лишь в этом случае они смогут установить контакт с интересующими нас объектами. Однако в таких случаях бюро по трудоустройству и руководители предприятий отказывают этим лицам на устройство на работу, если нет согласия государственной полиции.

Агенты на предприятиях смогут быстрее всего успешно выполнить свое задание, если они работают на должностях, связанных с передвижением по заводу (лифтеры, портье, мойщики стекол, рабочие по двору и т. д.), и имеют возможность соприкасаться со всеми или многими лицами. Вначале достаточно, если агенты на предприятиях просто наблюдают за настроением

* Здесь и далее многоточием обозначен пропуск в документе.

своих бывших товарищей по партии, не проявляя себя слишком активно. Опыт показывает, что в такой ситуации действительно работающие нелегально лица сами устанавливают контакты с нашим агентом.

Много данных можно добыть и путем наблюдения за доверенным лицом рабочих, особенно выясняя, не «подталкивает» ли кто его, а если да, то кто в таких случаях побуждает старых борцов НСДАП предьявлять требования доверенному лицу. При этом старые борцы и не замечают, что их используют против руководства предприятия в марксистских интересах.

Особый опыт и тактика требуются при использовании агентов за границей. В этих случаях могут быть использованы лишь бывшие марксистские функционеры, которые в среде старых членов партии считаются надежными, поскольку рядовые члены партии не могут найти контакт с марксистами в эмиграции и при неумелом поведении, как правило, проваливаются. Необходимо также, чтобы направленные за границу агенты имели на территории рейха семейные, деловые, служебные связи, которые явились бы гарантией того, что они вообще вернуться, а не эмигрируют. Ни в коем случае нельзя использовать за границей нескольких агентов в одном и том же месте, знакомить их друг с другом и сообщать одному агенту о работе другого.

Каждый агент должен работать в одиночку и только информировать нас. Никогда нельзя информировать агента!

В случае необходимости можно, конечно, знакомить надежного агента с некоторыми данными, касающимися обстановки в среде эмиграции и о самих эмигрантах. Но сам агент, находясь за границей, никоим образом не должен вначале использовать эти сведения, ибо это постоянно вызывает подозрение со стороны эмигрантов и может явиться причиной его провала.

Целесообразно агента использовать в той стране, где он может встретить какого-либо знакомого, с которым он работал ранее легально или нелегально. День и причина посещения должны быть правильно выбраны. Работающий человек обычно подбирает для этого субботу и воскресенье. Продолжительные поездки по железной дороге вызывают подозрения. Правдоподобнее выглядит поездка на велосипеде. Вызывает также подозрение и наличие заграничного паспорта у агента, совершившего политическое преступление. Более подходящим в таких случаях будет нелегальный переход через границу или наличие у агента удостоверения для местного движения через границу.

Вызывает подозрение немедленная готовность нашего агента к нелегальной марксистской деятельности. И совершенно неправильным было бы прямое предложение со стороны агента. Лучше заставить себя убеждать и начать работать лишь ко второй или третьей встрече.

Если у агента нет за границей знакомых, которых он мог бы навестить, а он все же имеет задание установить интересующие нас связи, то он должен бывать в местах, посетителями которых являются марксисты (туристические базы в горах, народные дома, спортивные центры и т. д.). Там он при умелом поведении сможет, как правило, обзавестись интересными связями...

** Пункт 5 в тексте перевода отсутствует.

6. Лица, имеющие удостоверения для многократного местного передвижения через границу и нарушившие какое-либо правило или закон, о чем знает государственная полиция, годны при соответствующем подходе к ним для вербовки и использования в качестве агентов.

В связи с их деловой или иной деятельностью за границей они вызывают подозрение в наименьшей степени, но их следует проверять особо тщательно.

В заключение следует сказать, что, как правило, успешной работе агента должно быть предпослано следующее:

1. Сам агент должен точно знать и соблюдать правила конспирации нелегальной работы. Он должен считаться надежным в среде членов партии.

2. Агента никогда не следует информировать об уже известных фактах. Информировать должен лишь агент.

3. Встречи с агентами следует проводить таким образом, чтобы о них не узнали его товарищи по партии (кафе, пивные, оживленные улицы).

4. Агент не должен знать характера деятельности учреждения, в котором работает сотрудник контрразведки, т. е. службы безопасности.

5. Отношения с агентом следует строить с учетом его индивидуальности и черт характера. Отношения должны быть дружественными. Никогда не следует прерывать агента во время его рассказа о выполнении задания. Надо дать агенту выговориться и не показывать недоверия, пока данные этого агента не проверены.

6. В важных случаях необходимо с целью перепроверки использовать по тому же делу второго агента. Но нельзя знакомить агентов друг с другом или рассказывать им что-либо о сотрудниках, у которых они находятся на связи.

*Берлин — Грюнвальд, 4 июня 1937 г.
Служба безопасности рейхсфюрера СС
Руководитель восточного главного участка СС
Главному управлению безопасности
Берлин*

СОДЕРЖАНИЕ: ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ С АГЕНТУРОЙ.

Основание: ваша телеграмма № II/121/C-41 от 13. 5. 37.

Понимание того, что контрразведывательная деятельность 121-го реферата II отдела зависит от хорошо организованной агентурной сети, привело к тому, что филиалы отдела, участки и главные участки постоянно прилагают усилия к совершенствованию и пополнению сети агентов.

Сеть агентов, работающих на службу безопасности на предприятиях, в фирмах, учреждениях, профессиональных организациях и тому подобных местах, легче поддается совершенствованию, нежели сеть агентов, которые на основании своей бывшей принадлежности к КПГ или СДПГ все еще поддерживают или устанавливают контакты с нелегально функционирующими марксистскими кругами.

Предпосылкой для использования названной в начале письма агентуры является ее обязательная политическая надежность, Сеть такой аген-

туры создавалась и создается при содействии партийных инстанций, учреждений Немецкого трудового фронта и других органов. В этой связи следует особо упомянуть агентурный аппарат Немецкого трудового фронта, который в будущем должен быть еще более эффективно использован в интересах службы безопасности.

Учет и работа с агентурой, еще имеющей связи и контакты с нелегальными кругами, особенно важны для 121-го реферата II отдела. Непременным условием использования этих агентов является доверие к ним со стороны объектов изучения. Поэтому они не должны, по возможности, быть известны как национал-социалисты.

В процессе расследования преступлений бывших марксистов следовало бы изучить вопрос о том, не подходит ли тот или другой из них на роль агента и может ли он быть использован соответствующим образом.

Разумеется, при этом должна быть гарантия, что такие лица смогут выполнять задания службы безопасности.

Следует также изучить освобожденных из концентрационных лагерей и других мест заключения лиц с целью определения возможности их использования в качестве агентов.

п/п Руководитель службы безопасности
восточного главного участка СС
гауптштурмфюрер СС

*Метгетен под Кенигсбергом (Пруссия)
4 июня 1937 г.*

*Служба безопасности рейхсфюрера СС
Руководитель СД
северо-восточного главного участка СС
11/121
А 5374/37*

*Главному управлению службы безопасности
Берлин-68*

СОДЕРЖАНИЕ: ОПЫТ РАБОТЫ С АГЕНТУРНЫМ АППАРАТОМ.

Основание: телеграмма главного управления службы безопасности от 13. 5. 1937 г.

На ваш запрос об организации работы с агентурным аппаратом сообщаем следующее:

1. Обычные агенты.

На каждом предприятии, где постоянно занято 30-50 рабочих и служащих, для II отдела (121-й реферат) следует иметь по крайней мере одного агента. На крупных предприятиях — одного агента по возможности в каждом цехе (отделе) и каждой мастерской.

Эти агенты должны наблюдать за настроением работающих, выявлять недовольство и причины его. Кроме этого, их задача — вести особо тщательное наблюдение за лицами, которые являлись в прошлом марксистами. Полезно, чтобы к этой работе были привлечены лица, которые не особо известны как национал-социалисты, так как иначе не будет оказано нужного доверия.

Кроме этого, необходимо иметь одного агента в бюро трудоустройства для изучения настроений безработных. Поскольку едва ли можно подобрать подходящую кандидатуру среди имеющих безработных, рекомендуется привлекать к этой работе надежных служащих этих бюро.

Возможно, что они смогут иногда назвать подходящего для наших целей человека из числа безработных.

2. Специальные агенты (наблюдатели).

Каждый филиал отдела должен использовать несколько обычных агентов в качестве специальных наблюдателей. Эти наблюдатели обязаны постоянно внимательно наблюдать за проживающими в районе, оперативно обслуживаемом филиалом отдела, бывшими марксистскими и коммунистическими функционерами, обращая внимание на их поведение и связи. Число этих специальных наблюдателей зависит от численности филиала отдела и политического настроения большинства проживающих в районе жителей. Кроме этого, необходимо внедрять специальных наблюдателей в бывшие марксистские союзы или же зараженные марксизмом объединения. Речь идет в первую очередь о всевозможных спортивных союзах, хоровых союзах, обществах «друзей кремации», а также о созданных Немецким трудовым фронтом группах («Сила через радость» и «Бюро вечернего отдыха»).

Что же касается агентуры на кораблях торгового флота, то мы напоминаем о нашем письме 11-121 2104/37 от 25. 5. 1937 года (Соглашение между отделом торгового флота немецкой заграничной организации НСДАП участка Кенигсберг и руководителем службы безопасности главного северо-восточного участка СС).

3. Внедрение агентов в нелегальные марксистские или коммунистические группы.

Нашим главным северо-восточным участком СС до сих пор используются два пути в целях внедрения агентуры в существующие нелегальные группы или для их выявления. Первый путь заключается в вербовке бывших коммунистов, по возможности функционеров.

Вторая применявшаяся нами тактика заключалась в вербовке бывших видных членов СДПГ. Эти завербованные бывшие видные члены СДПГ получали задание по установлению контактов со знакомыми им бывшими функционерами КПП и о беседах с ними, в первую очередь о Народном и Едином фронте. Таким образом, возможно подобрать к нелегальным организациям КПП как в Кенигсберге, так и в Растенбурге.

Подпись: за руководителя службы
безопасности главного северо-восточного
участка СС
гауптштурмфюрер СС

Штеттин, 4 июня 1937 г.

*Служба безопасности рейхсфюрера СС
Руководитель службы безопасности северного
главного участка СС
11/121 А1*

*Главному управлению службы безопасности
II отдел, реферат 121-й
Берлин*

СОДЕРЖАНИЕ: ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ С АГЕНТУРОЙ.

Основание: ваша телеграмма 15/4
от 13. 5. 37 г.

В целях создания агентурного аппарата для

разработки левого движения до настоящего времени было проделано следующее:

1. Было установлено тесное сотрудничество с Немецким трудовым фронтом (отдел информации) таким образом, что были использованы и расширены взаимные возможности по связи с предприятиями.

2. В результате сотрудничества с Немецким трудовым фронтом и местным III отделом СД были приобретены агенты на большей части предприятий.

3. С учетом вышеупомянутой точки зрения установлена тесная связь с бюро по трудоустройству земли Померания.

4. Нам удалось также завербовать одного агента для использования его по Швеции. Этот агент имеет в Стокгольме и Южной Швеции широкий круг связей, который и в дальнейшем будет расширяться в этом направлении.

п/п Руководитель службы безопасности северного главного участка СС гауптштурмфюрер и начальник штаба

21 июня 1937 г.

Служба безопасности рейхсфюрера СС
Руководитель службы безопасности юго-восточного участка СС

Главному управлению службы безопасности
II отдел, 121-й реферат
Берлин. Гауптштурмфюреру СС Эрлингеру.
Лично.

СОДЕРЖАНИЕ: ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ АГЕНТУРНОГО АППАРАТА.

Основание: ваша телеграмма 2135
от 15. 6. 1937 г.

В соответствии с совещанием всех референтов 121-го реферата II отдела в Главном управлении службы безопасности главные участки обязаны представить сообщения об опыте работы по совершенствованию агентурной сети.

По служебным причинам такое сообщение направляется лишь сегодня.

После совещания с соответствующими референтами я сообщаю ниже свою точку зрения:

Согласно указаниям Главного управления службы безопасности нами были предприняты основные усилия по совершенствованию и увеличению численности агентурной сети местного подразделения 121-го реферата II отдела.

В соответствии с идеей этого указания, т. е. телеграммы 2135, агентами могут быть лишь полностью преданные лица, которые готовы помогать нам, исходя из своих национал-социалистских убеждений. Далее мы стремились увеличить численность своей агентуры среди связников противника.

Мы предприняли особые усилия по делам, связанным с

1) коммуной (так в тексте. — Примеч. пер.);

2) политической [деятельностью] церкви;

3) заграницей.

Полученный опыт сводится к следующему: нам удалось приобрести и внедрить ряд агентов, работающих по делам политической церкви и по делам, связанным с заграницей.

В общем, неудачей окончились наши усилия по приобретению агентуры в бывшем коммунистическом лагере. Мне кажется важным, что по делам церковей нам удалось подойти к крупному представителю бывшего папского движения графу Хенкелю фон Доннермарк [у] ауф Грамб [у], члену СС, который дал согласие сотрудничать с нами.

Агентурная сеть за границей существенно расширена. На основании своих личных связей в Чехословакии и Польше я восстановил свои старые знакомства. Я считаю этих недавно мне знакомых национал-социалистски благонадежных, истинно немецких людей своими осведомителями и поставил их как таковых на оперативный учет.

Наши попытки по приобретению агентуры среди связников политической церкви не принесли ощутимого успеха. Зато нам удалось завербовать бывшего члена коммунистической фракции ландтага, работа с которым идет неплохо и к которому уже неоднократно приезжали коммунистические курьеры из-за границы.

Рекомендованное (по сообщению унтерштурмфюрера СС Резнера) Главным управлением службы безопасности оперативное мероприятие по подходу под чужим именем к бывшим противникам режима и принуждению их к сотрудничеству, угрожая выдачей государственной полиции, здесь в Силезии успеха иметь не может, даже и в самом Бреславле. Обстановка здесь в провинции такова, что каждый видит и знает другого. В филиалах II отдела нашего главного юго-восточного участка за редким исключением работают лишь нештатные сотрудники, т. е. лица, не только уважаемые населением, но и известные всем.

Это относится также и к сотрудникам самого нашего отдела и большей части абсолютно надежных агентов. Связь недавно завербованных агентов, которые еще недостаточно изучены, с лицами, совершившими уголовные или политические преступления, вызывает у нас на сегодняшний момент сомнения в целесообразности и не может быть осуществлена. Естественно, нами будут продолжены усилия по выполнению требований Главного управления службы безопасности по вербовке новых агентов и связников противника.

О своих успехах мы будем докладывать в установленном порядке.

п/п Руководитель службы безопасности юго-восточного главного участка СС штурмбанфюрер СС

Публикацию подготовил
В. П. ЯМПОЛЬСКИЙ,
кандидат исторических наук

ПРИЗНАНИЯ БЕЗ ПОКАЯНИЯ

(Из протоколов первых допросов нацистских преступников)

КРАТКАЯ ЗАПИСЬ результатов опроса германского генерал- фельдмаршала Кейтеля Вильгельма от 17 июня 1945 года

*КЕЙТЕЛЬ Вильгельм — генерал-
фельдмаршал, 62 лет,
начальник генерального штаба
вооруженных сил Германии*

Вопрос. Являлись ли вы членом национал-социалистской партии?

Ответ. Согласно существовавшему в немецкой армии правилу военнослужащие не могли быть членами полит[ических] партий, и я не составлял исключения. Правда, в 1939 году личным указом Гитлера я был награжден золотым значком НСДАП, однако это награждение не имеет отношения к членству [в] партии. В 1939 году в Германии не были еще восстановлены военные ордена, и поэтому Гитлер, желая наградить меня после захвата Чехословакии, вручил мне этот значок.

Вопрос. Разделяли ли вы политику национал-социалистской партии?

Ответ. Я не могу сказать, что был согласен со всеми мероприятиями партии, однако поддерживал ее мероприятия по укреплению и восстановлению вооруженных сил Германии.

Вопрос. С какого времени Германия начала подготовку к войне против Советского Союза и какое участие вы принимали в этой подготовке?

Ответ. Вопрос о возможности войны с Советским Союзом впервые встал с некоторой определенностью к концу 1940 года. В период осени 1940 — зимы 1940/41 г. этот вопрос ставился только в плоскости возможности активных действий германских вооруженных сил на

Востоке с целью предупреждения нападения России на Германию. В этот период никаких конкретных мероприятий генштабом не предпринималось. В период зимы 1941 — весны 1941 г. война на Востоке считалась почти неизбежной и генштаб начал подготовительные мероприятия и разработку планов войны.

Первоначально я относился к возможности начала войны на Востоке весьма скептически, о чем может свидетельствовать мой меморандум на имя министра иностранных дел в сентябре 1940 года, в котором я считал войну с Советским Союзом маловероятной. Однако в ходе развития событий зимы 1940/41 г. это мнение подверглось значительным изменениям, в первую очередь, под влиянием разведывательных данных о сосредоточении русских войск.

Для нас было очевидно, что аналогичная подготовка ведется Советским Союзом и по дипломатической линии. Я считаю, что решающим событием в этом отношении явился визит Молотова в Берлин и его переговоры с руководителями германского правительства. После этих переговоров я был информирован, что Советский Союз якобы поставил ряд абсолютно невыполнимых условий по отношению к Румынии, Финляндии и Прибалтике. С этого времени можно считать, что вопрос о войне с СССР был решен. Под этим следует понимать, что для Германии стала ясной угроза нападения Красной Армии.

Эта опасность стала особенно ясной после шагов СССР в балканской политике. В частности, в отношениях Советского Союза с Югославией мы видели, что Сталин абсолютно недвусмысленно обещает Югославии свою военную поддержку и рассчитывает использовать ее как удобный политический плацдарм для дипломатического воздействия, а в случае необходимости и непосредственных военных действий.

Прямым выводом напрашивалась необходимость нейтрализовать эти мероприятия Совет-

ского Союза, что и было сделано путем молниеносного удара по Югославии.

Я утверждаю, что все подготовительные мероприятия, проводившиеся нами до весны 1941 года, носили характер оборонительных приготовлений на случай возможного нападения Красной Армии. Конечно, при подготовке этих мероприятий мы решили избрать более эффективный способ, а именно: предупредить нападение Советской России и неожиданным ударом разгромить ее вооруженные силы.

К весне 1941 года у меня сложилось определенное мнение, что сильное сосредоточение русских войск и их последующее нападение на Германию может поставить нас в стратегическом и экономическом отношении в исключительно критическое положение. Особо [уязвимыми] являлись две выдвинутые на Восток фланговые базы — Восточная Пруссия и Верхняя Силезия. В первые же недели нападение со стороны России поставило бы Германию в крайне невыгодные условия. Наше нападение явилось непосредственным следствием этой угрозы.

В политическом смысле было ясно, что Сталин рассчитывает на затягивание войны на Западе, которая должна была максимально истощить Германию и обеспечить возможность для СССР захватить инициативу в мировой политике в свои руки.

В настоящее время мне как человеку, лично принимавшему участие в оценке обстановки и планировании мероприятий 1941 года, очень трудно полностью составить объективное мнение о правильности наших планов. Однако генштаб, составляя военные планы, руководствовался именно теми основными положениями, на которые я указывал выше.

Вопрос. Осветите общий оперативно-стратегический замысел немецкого верховного командования в войне против Советского Союза.

Ответ. При разработке оперативно-стратегического плана войны на Востоке я исходил из следующих предпосылок:

а) исключительный размер территории России делает абсолютно невозможным ее полное завоевание;

б) для достижения победы в войне против СССР достаточно достигнуть важнейшего оперативно-стратегического рубежа, а именно: линии Ленинград-Москва-Сталинград-Кавказ, что исключит для России практическую возможность оказывать военное сопротивление, так как армия будет отрезана от своих важнейших баз, в первую очередь от нефти;

в) для разрешения этой задачи необходим быстрый разгром Красной Армии, который должен быть проведен в сроки, не допускающие возможность возникновения войны на два фронта.

Я должен подчеркнуть, что в наши расчеты не входило полное завоевание России. Мероприятия в отношении России после разгрома Красной Армии намечались только в форме создания военной администрации (так называемых рейхскомиссариатов). О том, что предполагалось сделать позже, мне неизвестно, возможно, что это планировалось по линии политического руководства. По крайней мере

я знаю, что при разработке планов войны на Западе немецкое командование и политическое руководство никогда не определяло политические формы, которые должны были быть установлены в государствах после их оккупации.

Вопрос. Какие основания у вас были рассчитывать на «молниеносный разгром» Красной Армии?

Ответ. Безусловно, мы надеялись на успех. Ни один полководец не начинает войну, если не уверен, что ее выиграет, и плох тот солдат, который не верит в победу. Другое дело, что я не мог не сознавать [сколько] значительны трудности, связанные с ведением войны на восточном фронте. Мне было ясно, что только военное поражение Красной Армии может привести к выигрышу войны. Мы рассчитывали закончить операции на Востоке до наступления зимы 1941 года. До этого времени немецкие вооруженные силы должны были уничтожить сухопутную армию Советского Союза (которую мы оценивали [в] 200-250 дивизий), его ВВС и ВМФ, выйдя на указанный раньше стратегический рубеж.

Вопрос. Какие военно-дипломатические мероприятия были приняты в ходе подготовки к войне?

Ответ. Из предполагавшихся союзников Германии в войне против Советского Союза заранее были поставлены в известность о военных мероприятиях подготовительного характера только Румыния и Финляндия. Румыния была поставлена в известность по военной линии в силу необходимости обеспечения прохода немецких войск через страну, а также усиления немецких учебных гарнизонов.

О предполагающейся войне против Советского Союза было также заявлено начальнику генштаба финской армии генералу Хейнрихсу, причем это было сделано в крайне осторожной форме. Генерал Хейнрихс ответил, что он положительно относится к намерениям Германии и доложит маршалу Маннергейму об этих намерениях и о своей положительной оценке.

С Италией никаких военных переговоров до начала войны не велось. Я не исключаю возможность извещения Италии дипломатическим путем во время переговоров Риббентропа с Муссолини. Следует указать, что военно-политические переговоры Германии с Италией не носили характера требований, а, наоборот, — сам Муссолини как в 1941, так и в 1942 гг. предлагал свои войска для помощи на восточный фронт (сначала горно-стрелковый корпус, затем 8-ю армию).

Военных переговоров с Японией не велось. Правда, мы постоянно получали от японского генштаба информацию о состоянии русской дальневосточной армии.

Вопрос. Когда вам, как начальнику генштаба, стало ясно, что война для Германии проиграна?

Ответ. Оценивая обстановку самым грубым образом, я могу сказать, что этот факт стал для меня ясным к лету 1944 года. Однако понимание этого факта не сразу пришло, а через ряд фаз... соответственно развитию положения на фронтах. Кроме того, я должен оговориться, что для меня лично это понимание

выражалось в формуле, что Германия не может выиграть войну военным путем. Вы понимаете, что начальник генштаба страны, которая продолжает вести войну, не может придерживаться мнения, что война будет проиграна. Он может предполагать, что война не может быть проиграна. С лета 1944 года я понял, что военные уже сказали свое слово.

Начиная с лета 1944 года Германия вела войну за выигрыш времени в ожидании тех событий, которые должны были случиться, но которые не случились. Большие надежды возлагались также на наступление в Арденнах, которое должно было вернуть Германию линию Зигфрида и обеспечить стабилизацию западного фронта.

Вопрос. На какие реальные военные и политические факторы рассчитывала Германия, ведя войну за выигрыш времени?

Ответ. На этот вопрос ответить очень трудно, точнее, почти невозможно. В войне, в которой с обеих сторон участвовали многие государства, различные армии, различные флоты и различные полководцы, в любое время могло возникнуть совершенно неожиданное изменение обстановки в результате комбинаций этих различных сил. Эти неожиданные события нельзя предсказать, но они могут оказать решающее влияние на всю военную обстановку. О политических расчетах фюрера я не могу ничего сказать, ибо он последнее время очень резко отделял все военное от политического.

Вопрос. В чем же заключался смысл сопротивления, которое продолжала оказывать Германия?

Ответ. Как я уже сказал, это была затяжка в ожидании политических событий и частично в ожидании улучшения в военной обстановке. Я уверен, что если бы со стороны союзников в свое время были предложены другие условия, чем требование безоговорочной капитуляции, то Германия прекратила бы сопротивление гораздо раньше. Однако других предложений не поступило, и нам оставалось как честным солдатам только биться до последней возможности. Я не считаю то положение, в котором очутилась сейчас Германия, хуже того, если бы она капитулировала раньше. Я спрашивал у фюрера, имеются ли возможности ведения дипломатических переговоров с союзниками и завязаны ли какие-либо политические связи, Гитлер либо давал резкий отрицательный ответ, либо вообще не отвечал на подобные вопросы.

Вопрос. Правильно ли будет считать, что вы от начала до конца были согласны с военно-политической линией Гитлера и поддерживали ее до момента капитуляции?

Ответ. Я не всегда и не по всем вопросам соглашался с фюрером, но он почти никогда не учитывал моего мнения при принятии решения по основному вопросу. Внутренне я также часто не соглашался с ним, но я — солдат, и мое дело выполнять, что мне приказывают. Мы имели право высказывать свое мнение, но никогда не оказывали влияния на решения.

Я должен указать, что с момента, когда Браухич был смещен с поста главнокомандующего сухопутной армией и передан эту должность Гитлеру, фюрер дал мне понять, что я не должен становиться между ним и армией. С этого

времени я был почти исключен из сферы вопросов восточного фронта и занимался остальными театрами военных действий, а также вопросами координации действий армии, ВВС и флота. Основным советчиком фюрера по вопросам восточного фронта стал начальник генштаба сухопутной армии. С этих пор и начало возникать разделение функций между верховным командованием вооруженных сил (ОКВ) и генштабом сухопутной армии (ОКХ). Первое занималось западным фронтом, Италией, Норвегией; второе — только восточным фронтом. Поэтому мне было трудно оказывать какое-либо влияние на решения, принимаемые на советско-германском фронте.

Вопрос. Чем вы объясняете, что Гитлер постепенно отстранял вас от руководства важнейшими областями государственного управления?

Ответ. Я объясняю это следующими причинами:

а) тем, что фюрер взял на себя лично непосредственное командование сухопутной армией. Он вообще не терпел возражений себе, тем более он не мог перенести, чтобы я противопоставлял ему свой авторитет. Мне было официально указано, что мое несогласие с фюрером я могу высказывать только ему с глазу на глаз, но ни в коем случае не в присутствии других лиц;

б) у меня сложилось впечатление, что фюрер не доверял мне и моим взглядам. Я чувствовал это интуитивно.

В последнее время он очень приблизил к себе оперативный штаб ставки верховного главнокомандования под руководством генерал-полковника Йодля, исключив меня из круга своих ближайших советников. Возможно, я не оправдал надежд фюрера как стратег и полководец. Это понятно, ибо полководцами не становятся, а рождаются. Я себя не считаю полководцем, так как мне не пришлось провести самостоятельно ни одной битвы и ни одной операции. Я оставался начальником штаба, выполняющим волю полководца.

Вопрос. Как вы оцениваете военные способности Гитлера?

Ответ. Он умел находить правильные решения в оперативно-стратегических вопросах. Совершенно интуитивно он ориентировался в самой запутанной обстановке, находя правильный выход из нее. Несмотря на это, ему не хватало практических знаний в вопросах непосредственного осуществления операций. Прямым следствием являлось то, что он, как правило, слишком поздно принимал все решения, ибо никогда не мог правильно оценить время, разделяющее принятие оперативного решения от его воплощения в жизнь.

Вопрос. Считаете ли вы себя ответственным за то положение, в котором очутилась сейчас Германия?

Ответ. Я не могу отрицать факта, что Германия и германский народ очутились в катастрофическом положении. Если о всякой политике судят по ее результатам, то можно сказать, что военная политика Гитлера оказалась неправильной, однако я не считаю себя ответственным за катастрофу Германии, ибо я ни в коей мере не принимал решений ни воен-

ного, ни политического характера, я только выполнял приказы фюрера, который сознательно взял на себя не только государственную, но и военную ответственность перед народом.

Вопрос. До какого времени вы находились с Гитлером?

Ответ. 23 апреля 1945 года ночью я выехал из Берлина на фронт, в штаб 12-й армии генерала Венка, имея задачу осуществить соединение 12-й и 9-й армий. 24 апреля я попытался вернуться в город, но не мог осуществить посадку и был вынужден остаться вне Берлина.

22 апреля мне показалось, что моральные силы оставили фюрера и его душевное сопротивление было сломлено. Он приказал мне немедленно уезжать в Берхтесгаген, причем разговор был исключительно резок и окончился тем, что фюрер просто выгнал меня из комнаты. Выходя, я сказал Йодлю: «Это крах».

Вопрос. Какие меры принимались для выезда Гитлера и других руководящих деятелей правительства и партии из Берлина?

Ответ. Как я указал выше, Гитлер самым решительным образом отказался выехать из Берлина. Единственно, что я могу сообщить, что 28 апреля мною во время нахождения в Рейнсфельде была получена радиограмма из Берлина с требованием выделить 40-50 самолетов типа «Физелер-Шторх» или других учебных самолетов, которые должны были совершить посадку в Берлине. Для руководства этой операцией из Берлина ко мне прибыл на самолете генерал-фельдмаршал Риттер фон Грейм. Самолеты были выделены, часть из них имела назначение — остров Пфауэн-Инзель на р. Хавель. Результаты операции мне неизвестны, ибо я выехал из КП.

Я не думаю, чтобы в последние дни Гитлер мог бы вылететь из Берлина. Единственной посадочной площадкой оставался отрезок Шарлоттенбургершоссе, между колонной Победы и Бранденбургскими воротами. Я запрашивал разрешения у Берлина вылететь на доклад фюреру с посадкой на указанной площадке, на что последовало запрещение, ибо площадка полностью простреливалась русской артиллерией.

О судьбе прочих лиц, находившихся вместе с Гитлером в Берлине, мне ничего неизвестно.

Вопрос. Как вы оценивали оперативно-стратегическую обстановку на восточном фронте и каково было ваше мнение о военных перспективах Германии на различных этапах войны?

Ответ. Сосредоточение немецкой армии в районах, граничащих с областью государственных интересов СССР, предпринято нами непосредственно после окончания французской кампании, ибо к этому времени в восточных районах у нас было только 5-7 дивизий. Основными районами сосредоточения явились Восточная Пруссия и Верхняя Силезия. Это сосредоточение усиливалось по мере подтягивания русскими войск в приграничные районы.

Нельзя сказать точно, что именно к лету 1941 года немецкая армия была полностью готова к войне. В известной мере армия всегда готова к войне и также всегда не готова к войне. Например, к ведению полноценной подводной войны Германия стала готовой только к 1945 году.

План кампании 1941 года состоял примерно в следующем: три группы армий, усиленные мощными танковыми соединениями, наносят одновременный удар по Красной Армии, постепенно сосредоточивая свои усилия на флангах группировки, имея главной целью на Севере — Ленинград и на Юге — Донбасс и ворота к Кавказу. Предполагалось, что силы Центральной группы армий будут использованы для последующего наращивания ударов на флангах. После сражения на границе и прорыва всей линии обороны Красной Армии немецкие войска должны были окружить и полностью уничтожить главные силы Красной Армии в Белоруссии и на Украине, не допустив их отхода на Москву. Как я указывал выше, кампания 1941 года должна была закончиться к началу зимы 1941 года, ибо мы себе прекрасно представляли все затруднения, связанные с осенней распутицей и зимними морозами России. Если оценивать силы трех групп армий, имевшихся в нашем распоряжении к началу войны, то я могу сказать, что они не были слишком велики, однако, по нашей оценке, имели достаточную возможность для достижения решающего успеха. Количество дивизий я называть затрудняюсь.

Я первоначально разделял общее мнение, что главная битва, которая может решить военно-экономическую судьбу России, должна разыграться на полях Донбасса, однако впоследствии это мнение подверглось изменениям и в первую очередь под влиянием успешного завершения сражений под Брянском и Вязьмой.

По докладу наших разведывательных органов, а также по общей оценке всех командующих и руководящих лиц генштаба, положение Красной Армии к октябрю 1941 года представлялось следующим образом:

- а) в сражении на границах Советского Союза были разбиты главные силы Красной Армии;
- б) в осенних сражениях в Белоруссии и [на] Украине немецкие войска разгромили и уничтожили основные резервы Красной Армии;
- в) Красная Армия более не располагает оперативными и стратегическими резервами, которые могли бы оказать серьезное сопротивление дальнейшему наступлению всех трех групп армий.

Положение своих войск сводилось к следующему: Южная группа армий после проведенных боев была значительно истощена и не обладала достаточной силой, чтобы полностью овладеть Донбассом. Все более усиливается возникшее после форсирования Днепра стремление перенести удары в центр.

В отношении дальнейшего наступления Центральной группы армий на Москву создавались следующие разногласия:

- а) командование Центральной группы армий и руководство генштаба сухопутной армии (Браухич, Гальдер) требовали сосредоточить наиболее сильный кулак в центре, продолжать наступление на Москву, обходя ее, главным образом, с севера и этим наступлением решить исход войны;
- б) я и первое время фюрер придерживались мнения, что необходимо стабилизировать центральный участок на наиболее выгодных пози-

циях и за его счет усилить фланги для решения основных военных задач и более широкого и глубокого обхода центральной группировки Красной Армии.

Руководство генштаба сухопутной армии, учитывая блестящий успех окружения под Брянском и Вязьмой, убеждало фюрера, что операция под Москвой имеет стопроцентную перспективу на успех. Фюрер поддался их аргументам и согласился на наступление на Москву.

Дальнейшее развитие событий показало ошибочность этого решения. Следствием провала под Москвой и отхода немецких войск явилось снятие Браухича с поста главнокомандующего сухопутной армией. Насколько я сейчас могу вспомнить, снятие Браухича объяснялось следующим:

а) фюрер решительно запротестовал против того, что(бы) Браухич после контрудара Красной Армии предпринял планомерный отход, заранее запланировав его по рубежам. Боясь отрыва Центральной группы армий от Северной группы, он слишком поспешно начал отводить 9-ю армию.

Фюрер считал, что Браухич нарушил принципиальное требование — не отходить ни шагу назад с завоеванной территории, так как он знал, что значит отдать обратно противнику первоначально захваченные районы. Гитлер особо резко восстал против иллюзий «тыловых рубежей», которые создавались при планировании отхода;

б) фюрер, а также и я считали, что Браухич недооценил силу немецких войск. 4-я армия и 3-я танковая группа вообще не были разбиты, а 2-я танковая группа полностью сохранила свою мощь. Поспешный отход не вызывался необходимостью;

в) кроме того, Гитлер учитывал как приводящие обстоятельства — болезнь Браухича и его возраст.

В отставке Браухича не играли никакой роли политические причины. Также необоснованным мнения, что Браухич якобы был против наступления на Москву и дальнейшего продвижения в глубь России.

В результате кампании 1941 года стало ясно, что возникает момент известного равновесия сил между немецкими и советскими войсками. Русское контр наступление, бывшее для верховного командования полностью неожиданным, показало, что мы грубо просчитались в оценке резервов Красной Армии. Тем более было ясно, что Красная Армия максимально использует зимнюю стабилизацию фронта для дальнейшего усиления, пополнения и подготовки новых резервов. Молниеносно выиграть войну не удалось. Однако это ни в коем случае не отнимало у нас надежды новым наступлением достигнуть новой победы.

При составлении плана кампании 1942 года мы руководствовались следующими установками:

а) войска восточного фронта более не в силах наступать на всем протяжении фронта, как это было в 1941 году;

б) наступление должно ограничиться одним участком фронта, а именно: южным;

в) цель наступления: полностью исключить

Донбасс из военно-экономического баланса России, отрезать подвоз нефти по Волге и захватить главные базы нефтяного снабжения, которые, по нашей оценке, находились в Майкопе и Грозном.

Выход на Волгу не планировался сразу на широком участке, предполагалось выйти в одном из мест, чтобы в дальнейшем захватить стратегически важный центр — Сталинград. В дальнейшем предполагалось в случае успеха и изоляции Москвы от Юга предпринять поворот крупными силами к Северу (при том условии, что наши союзники взяли бы на себя р. Дон). Я затрудняюсь назвать какие-либо сроки для проведения этой операции. Вся операция на южном участке должна была закончиться крупным окружением всей юго-западной и южной групп Красной Армии, которые охватывались нашими группами армий «А» и «Б». Необходимо указать, что в самый последний момент перед наступлением на Воронеж генерального штаба, vezший оперативные директивы на фронт, пропал без вести и, видимо, попал в руки русским. Кроме того, в одной из английских газет проскользнула заметка о планах немецкого командования, в которой упоминались точные выражения оперативной директивы генштаба. Мы ожидали контрмер со стороны русских и впоследствии были очень удивлены, что наступление на Воронеж сравнительно быстро увенчалось успехом.

После прорыва линии обороны Красной Армией группа «Б», не имея задачи обязательно овладеть Воронежем, должна была резко повернуть на Юг и вдоль Дона стремительно продвигаться к Сталинграду. Эта операция полностью удалась, и после прорыва складывалось впечатление, что перед нами почти совсем не осталось противника. Моим личным заключением было — Красная Армия уходит на юго-восток, уводя главные силы.

Некоторые из военных руководителей, в частности командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал Вейхс, предлагали немедленно форсировать Дон и поворачивать на север, не доходя до Сталинграда.

Это мнение не встретило одобрения фюрера, так как оно отвлекало нас от разрешения главной цели — отрезать Москву от Кавказа — и, кроме того, требовало сил, которыми мы не располагали.

Вслед за этим началась битва за Сталинград. На этом участке базировались главные стратегические расчеты обеих сторон. Этим и объясняется, что мы связали в городе слишком много сил и, надо признаться, что Красной Армии блестяще удалось достигнуть разрешения этой важной для нее задачи.

Здесь еще раз надо признать, что мы недооценили силу Красной Армии под Сталинградом — иначе мы не втаскивали бы в город одну дивизию за другой, ослабляя фронт по Дону. Вдобавок ко всем затруднениям Антонеску потребовал выделения самостоятельного участка для румынской армии, что затем привело к катастрофическим результатам.

Сейчас можно сказать, что немецкое командование не рассчитало ни сил, ни времени, ни ударных способностей войск. Однако в то вре-

мя Сталинград был настолько соблазнительной целью, что казалось невозможным отказаться от него. Думали, что если бросить еще одну дивизию, еще один арtpолк РКК, еще один саперный батальон, еще один минометный дивизион, еще одну артбатарею, то вот-вот город будет в наших руках. В соединении с недооценкой и незнанием противника все это привело к сталинградскому окружению.

Если бы решение судьбы 6-й армии было в моих руках, то я бы ушел из Сталинграда.

Предложения об уходе из Сталинграда были самым решительным образом отклонены фюрером. Первоначально очень большие надежды возлагались на контрнаступление Манштейна и помощь ВВС. Но после неудачи Манштейна все были едины во мнении, что необходимо максимально быстро вывести войска с Кавказа, что и удалось. Из кампании 1942 года и битвы под Сталинградом я сделал следующие выводы:

а) потеря 6-й армии исключительно тяжело отозвечается на состоянии всего восточного фронта;

б) однако войну на восточном фронте нельзя считать проигранной, даже если она не будет в скором времени увенчана военной победой;

в) нельзя возлагать никаких военных надежд на союзные государства (Румынию, Венгрию, Италию и др.).

Тем не менее к моменту начала планирования операций на восточном фронте на лето 1943 года войскам восточного фронта удалось полностью пополниться, обеспечить свое снабжение. Правда, очень резко ощущался недостаток опытных военных кадров.

План 1943 года предусматривал:

а) уничтожение Курской выступа и спрямление фронта на этом участке;

б) в случае особого успеха возможно продвигаться на северо-восток для того, чтобы перерезать железные дороги, ведущие от Москвы на Юг (должен оговориться, что это предположение высказывалось самым неопределенным образом);

в) в дальнейшем предпринять аналогичную наступательную операцию ограниченного характера под Ленинградом.

Командование Центральной группы армий (генерал-фельдмаршал Клюге) и руководство генерального штаба сухопутной армии (генерал Цейтцлер) особо настаивали на проведении Курской операции, не проявляя ни малейшего сомнения в ее успехе.

В отношении себя я должен сказать, что в это время не принимал участия в разработке планов и непосредственном руководстве восточным фронтом, и поэтому моя осведомленность в вопросах советско-германского фронта в период 1943-1944 гг. недостаточна.

Фюрер чувствовал себя неуверенным в необходимости операции и ее успехе. Однако он поддался заверениям генштаба сухопутной армии. Было ясно, что для Красной Армии не составляет тайны наше намерение ликвидировать курскую группировку и что она готовится к нашему удару. Поэтому фюрер предлагал кроме ударов с севера и юга нанести дополнительный удар в строго восточном направлении

на Курск. Цейтцлер решительно протестовал, считая невозможным так расчленять силы по различным направлениям, и ему опять удалось убедить фюрера.

Колебания и неуверенность самого Гитлера впоследствии сказались на проведении операции, в которой Манштейну и Моделю не хватило ни сил, ни решительности для достижения успеха.

Кроме того, мы ни в коем случае не ожидали, что Красная Армия не только готова к отражению нашего удара, но и сама обладает достаточными резервами, чтобы перейти в мощное контрнаступление. Следствием этого явился отход на всем центральном участке восточного фронта.

Подводя итоги боев 1943 года, я должен сказать, что они явились вторым серьезным предупреждением для немецкой армии. Я оценил их так: война для Германии ни в коем случае не проиграна. Однако мы больше не можем вести наступательных операций большого масштаба на Востоке и должны перейти к обороне. Необходимо выиграть время для восполнения потерь, понесенных армией.

О планах кампании 1944 года на восточном фронте я не могу дать точных сведений, ибо не принимал участия в их разработке. Сам ход боев ознаменовался для меня тремя решительными событиями — поражением в Центральной Белоруссии, поражением в Румынии и вторжением союзников на Западе, что и привело меня к выводу о том, что Германия военным способом не может добиться победы в этой войне. Не подлежало сомнению, что если бы на Западе мы не держали 12 танковых и 16 пехотных дивизий, то развитие событий на восточном фронте было бы иным. Кроме того, я сделал для себя вывод, что на восточном фронте не только не могут устойчиво обороняться, но даже не могут приостановить развитие наступления.

Вторжение союзников в Нормандию поставило нас перед фактом войны на два фронта (итальянскую кампанию англо-американских войск я не считал за второй фронт). Мы ожидали вторжения на Бретань или в районе Шербурга, так как там находилась наиболее выгодные базы для высадки. Союзники застали нас врасплох, высадившись на побережье Нормандии, где мы их совершенно не ожидали. Однако мое личное мнение — успех союзников объясняется исключительно их превосходством в воздухе, которое полностью нарушило наши пути подвоза. В иных условиях немецкие войска сумели бы сбросить англо-американские части в Ламанш.

Итог 1944 года для меня — войну может выиграть только политика. Военного выигрыша достигнуть нельзя.

В ходе операции 1945 года я могу указать несколько попыток верховного командования достигнуть перелома в боях:

а) самая серьезная попытка — зимнее наступление в Арденнах, которое имело своей целью форсирование р. Маас между Лютихом и Намюром и в случае успеха — дальнейшее продвижение до Антверпена. Мы самым серьезным образом рассчитывали на успех, ибо знали, что у союзников во Франции 80-86

дивизий, а на участке предполагаемого прорыва всего лишь три американские дивизии. Поражение в этом наступлении было одновременно сопряжено с истощением наших людских ресурсов;

б) в феврале-марте 1945 года предполагалось провести контроперацию против войск, наступавших на Берлин, используя для этого померанский плацдарм. Планировалось, что, прикрывшись в районе Грауденца, войска группы армий «Висла» прорвут русский фронт и, выйдя в долину р. Нетце и Варта, с тыла выйдут на Кюстрин. Одновременно должен был производиться дополнительный удар из района Штеттина. Этот план остался невыполненным, ибо нигде было найти войска, а их переброска требовала долгого времени. Известное значение имело и то, что группой армий «Висла» тогда командовал Гиммлер, не имевший ни малейшего представления о том, как следует командовать войсками;

в) следующая попытка — контра наступление 6-й танковой армии под Будапештом. Следует указать, что эта идея лично принадлежит фюреру, который считал, [что] в настоящих условиях решающее значение имеет 70 тыс. т нефти в Нафканижа и обеспечение Вены и Австрии. Он указал, что можно скорее пойти на сдачу Берлина, чем на потерю венгерской нефти и Австрии. Исходя из этих соображений, Гитлер приказал произвести переброску 6-й танковой армии с западного фронта в район Будапешта. Эта переброска продолжалась 7-8 недель, ибо была затруднена полным разрушением транспортной сети в Германии.

После неудачи, после всех этих попыток поражение Германии стало абсолютно ясным. Только солдатский долг повиновения человеку, которому принесена присяга, заставлял меня и всех нас продолжать сражаться до последнего.

Вопрос. Почему немецкое командование продолжало оставлять войска в Курляндии и Италии, не перебрасывая их на активные участки восточного фронта?

Ответ. Вопрос о Курляндии и Италии являлся предметом неоднократного рассмотрения и значительных разногласий в руководящих сферах.

Что касается курляндской группы войск, то фюрер считал, что она постоянно привлекает к себе от 50 до 60 русских дивизий. Если вести войска, то на каждую немецкую дивизию уйдет по 3-4 русских, что будет очень нежелательно.

Генерал-полковник Гудериан придерживался мнения, что необходимо постепенно выводить войска из Курляндии — одну дивизию за другой.

Командующий курляндской группой армий генерал-полковник Рендулин предлагал абсолютно фантастический план — прорваться в Восточную Пруссию.

Необходимо учитывать, что мы испытывали крупные затруднения с морским транспортом. На перевозку дивизии из Либавы в Германию требовалось минимум 12 дней, а для полного оборота кораблей — три недели. По грубому расчету, на вывоз всей группы армий требовалось не менее полугода, если еще учитывать

воздействие со стороны противника, который, безусловно, усилил бы воздушные атаки, заметив массовый вывоз войск.

Поэтому фюрер решил продолжать вывоз техники, материальной части, конского состава и небольшого количества войск, оставляя главные силы для сковывания русских.

Что же касается Италии, мы считали необходимым оставлять войска в Северной ее части по следующим соображениям:

а) Северная Италия — богатый сельскохозяйственный и промышленный район (орудийные, автомобильные заводы и т. д.). Для использования местной рабочей силы мы не должны были ее вывозить в Германию и тратить средства на ее размещение и питание;

б) пока наши войска находились в Северной Италии, союзники базировались на аэродромах в районе Рима. Уход из Италии повлек бы резкое приближение союзных баз и усиление воздушных налетов на Германию;

в) если бы мы ушли на горные границы с Францией, Италией и на старую австрийскую границу, то это не освободило бы много войск, потребовав 16 дивизий.

Решающим соображением в вопросе сохранения Северной Италии явилось наличие наших войск в Югославии. Покуда немецкие войска продолжали оставаться в Югославии или находиться в движении из Югославии на северо-запад, мы не могли уйти из Италии, ибо тем самым обрекли бы их на гибель.

Принципиально вопрос об оставлении Италии ставился уже к осени 1943 года. По отрогам Альп была готова оборонительная позиция, на которую могли отойти войска. Группе войск в Югославии был отдан приказ, но на Балканах замедлили это движение и соответственно сделали невозможным уход из Италии.

Вопрос. Расскажите о вашей миссии в Финляндию в 1944 году.

Ответ. К осени 1944 года перед нами стала определенная угроза возможного выхода Финляндии из войны, что совершенно обнажило бы наш северный фланг. С целью предупредить события в Финляндию выехал Риббентроп, который достиг в ходе переговоров с Рюти соглашения о том, что Финляндия не выйдет из войны без предварительного контакта с Германией. Финляндии было обещано подкрепление в составе одной дивизии и двух дивизионов штурмовых орудий, которые перебрасывались через Ревель.

Мой визит в Финляндию имел целью переговоры с начальником генерального штаба финской армии и одновременно с Маннергеймом. Во время совещания по военным вопросам я сообщил Хейнрихсу об обстановке в районе Северной группы армий и заверил его, что будут приняты все меры, чтобы удержать рубеж по р. Нарва.

Во время личных переговоров Маннергейм заявил мне, что настроение в Финляндии упало, народ хочет мира и стремится возможно скорее закончить войну. Он дал мне понять, что договор с Рюти не был ратифицирован парламентом, а он как президент несет ответственность перед народом и поэтому не связан обязательствами, которые принял Рюти. Да-

лее Маннергейм заявил, что он связан с судьбой своего народа и в решающий момент будет зависеть от него. Я заверил, что Финляндия может быть уверена в нашей поддержке, ибо мы имеем в Финляндии интересы, не только связанные с Финляндией, но, главным образом, свои собственные интересы. Маннергейм не дал мне никаких обещаний.

Вернувшись в Германию, я немедленно доложил Фюреру о заявлении Маннергейма, на что он ответил: «Я этого ожидал. Когда солдаты начинают делать политику, ничего хорошего из этого не получается. Маннергейм превосходный солдат, но плохой политик».

Я со своей стороны сказал, что полагаю, что финны пойдут при малейшей возможности на возобновление переговоров с Советским Союзом. С этим мнением Гитлер согласился.

Прямым следствием этого визита явилось то, что мы были вынуждены отдать командующему немецкими войсками в Финляндии генерал-полковнику Рендуличу приказание немедленно начать планирование ухода из страны.

Вопрос. Какими разведывательными данными о Советском Союзе вы располагали до войны и в ходе ее и из каких источников эти данные получали?

Ответ. До войны мы имели очень скудные сведения о Советском Союзе и Красной Армии, получаемые от нашего военного атташе. В ходе войны данные от нашей агентуры касались только тактической зоны. Мы ни разу не получили данных, которые оказали бы серьезное воздействие на развитие военных действий. Например, нам так и не удалось уяснить, насколько потеря Донбасса повлияла на общий баланс военного хозяйства СССР.

Вопрос. Что вам известно о так называемой армии Власова и какую роль предназначало германское командование для самого Власова?

Ответ. Насколько мне известно, генерал Власов был взят в плен в районе 18-й армии. Армейская рота пропаганды начала распространять листовки за его подписью, откуда и происходит вся история с власовскими войсками. Я точно не помню, но мне кажется, что первоначально Власова заметило министерство иностранных дел, затем передало Розенбергу, который в свою очередь передал его Гиммлеру. Первоначально серьезное внимание Власову уделил весной 1943 года генеральный штаб сухопутной армии, который предложил сформировать и вооружить русские части под командованием генерала Власова. Секретарь имперской канцелярии министр Ламмерс специальным письмом обратил внимание фюрера на эту попытку. Гитлер самым решительным образом запретил все мероприятия по формированию вооруженных русских частей и отдал мне приказание проследить за выполнением его директивы. После этого Власов был взят мною под домашний арест и содержался в районе Берлина. Гиммлер также выступал против формирования русских частей под эгидой генштаба сухопутной армии.

В октябре-ноябре 1944 года Гиммлер изменил свое отношение к Власову. Он специально

посетил меня, чтобы узнать, где находится Власов, и получить возможность переговорить с ним. Затем совместно с генерал-инспектором добровольческих соединений генштаба сухопутной армии генералом Кестрингом он предложил мне доложить фюреру о необходимости формирования русских частей и широкого использования генерала Власова. Я от этого решительно отказался.

В дальнейшем Гиммлеру удалось получить разрешение фюрера на создание русской дивизии, которая, насколько я знаю, была брошена в бой в апреле 1945 года в районе южнее Франкфурта-на-Одере.

Верховное главнокомандование никогда не имело никаких серьезных расчетов на использование власовских войск. Фюрер также самым резким образом отверг мысль о формировании армии Власова и решительно отказался принять его. Покровительство Власову оказывали только Гиммлер и СС.

Вопрос. Каково ваше мнение о бесчисленных зверствах по отношению к гражданскому населению со стороны немецких войск на территории Советского Союза?

Ответ. Еще когда война велась в Польше, то против немецких офицеров совершались невиданные зверства, во Франции происходило то же самое.

Я не могу отрицать, что в отдельных местах некоторые немецкие солдаты совершали зверские поступки по отношению к гражданскому населению и военнопленным. Однако я утверждаю, что верховное командование не только не давало таких приказов, но, наоборот, сурово наказывало всех виновников, в этом вы можете убедиться, просмотрев дела в военных трибуналах.

Вопрос. Принимал ли кто-либо из лиц вашего окружения участие в заговоре 20 июля и как вы относились к заговору?

Ответ. Никто из лиц моего окружения не принимал участия в заговоре 20 июля, за исключением одного офицера, который краткое время служил в генштабе под моим руководством.

Заговор 20 июля я считаю самым тяжелым преступлением, которое только может совершить солдат, а именно: преступление против человека, которому он присягал.

Вопрос. Какую роль вы играли в период захвата власти Гитлером?

Ответ. В это время я был начальником организационного отдела штаба рейхсвера, а с начала ноября 1932 года по январь 1933 года я болел. Все события произошли во время моей болезни. В тот период я вообще не принимал никакого участия в политической жизни. Назначением на должность начальника генерального штаба я обязан генерал-полковнику Бломбергу, который очень хорошо ко мне относился.

Вопрос. Что вам известно о судьбе Геббельса?

Ответ. Насколько я знаю, Геббельс до последнего времени находился в Берлине, я его неоднократно видел в бункере Гитлера. Он сам жил не в имперской канцелярии, а в своем доме у Бранденбургских ворот. О судьбе Геббельса точных сведений я не имею.

Вопрос. Что вам известно о судьбе Гиммлера?

Ответ. Я встречался с Гиммлером в апреле 1945 года, когда был вынужден уходить от русских войск в северо-западном направлении и искал подходящее место для своего КП. Примерно 29 апреля я прибыл в имение Добин, в районе Варена, так как мой начальник связи подобрал это место, как располагавшее проводкой и радиосвязью. В Добине я встретил Гиммлера, который собирался выезжать в район Любека. Гиммлер сказал мне, что он собирается в случае безвыходного положения сдать в плен союзникам.

Вопрос. Известны ли вам отношения между Гитлером и Евой Браун?

Ответ. Я знаю только, что в доме фюрера постоянно находилась одна женщина, возможно, это была Ева Браун. За последние годы я встречал ее мельком пять или шесть раз. Это была тонкая, изящная женщина. В последний раз я ее видел в бункере Гитлера в апреле 1945 года.

Вопрос. Где находятся в настоящее время государственные и военные архивы Германии?

Ответ. Местонахождение государственных архивов мне неизвестно. Военный архив располагался ранее в Потсдаме.

В феврале-марте 1945 года я отдал приказание о вывозе архива в Тюрингию, в район Ордруфа. Были ли они вывезены куда-нибудь дальше, мне неизвестно.

Допросил: начальник 5-го отдела
3-го управления НКГБ СССР
полковник госбезопасности ПОТАШЕВ.

В допросе принимали участие:
пом. нач. разведуправления ВМФ
полковник ФРУМКИН,
начальник отделения разведотдела штаба
1-го Белорусского фронта
полковник СМЫСЛОВ.
Переводили и вели запись:
майор госбезопасности ФРЕНКИНА,
капитан БЕЗЫМЕНСКИЙ.

*Публикацию подготовил
В. А. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат исторических наук*

(Продолжение следует)

«ПУЛЬС»
ЖУРНАЛ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Молодежный журнал «Пульс» — одно из наиболее популярных и любимых изданий на территории СНГ. Встречи с интересными людьми, новый взгляд на историю и политику, разнообразные конкурсы, комиксы и фантастика, бестселлеры, эксклюзивное право на публикацию которых в России предоставлено только «Пульсу», интереснейшая информация о современной музыке, классные цветные плакаты-постеры, любопытные факты из жизни звезд (кстати, музыкальный редактор журнала — известнейший певец и композитор Андрей Державин), проблемы жизни и смерти, вечные вопросы любви и ненависти, астрология и магия — все это журнал «Пульс». Именно поэтому «Пульс» с удовольствием читают и молодые, и те, кто молод душой. Индекс журнала — 70442. Учитывая тяжелое финансовое положение библиотек, редакция журнала установила для них льготную подписную цену и соответственно специальный индекс — 71146.

*Адрес: 125015, Москва, Новодмитровская, 5а
Телефон для справок: 285-07-41, телетайп: 114167
«Эссе» (Пульс), телекс: 411261 «Факел» (пульс),
телефакс: 972-05-82 (Пульс).*

«Пульс» — это ваш журнал!

БУДЕМ ВЕРНЫ ДРУГ ДРУГУ

Дорогие друзья! Перед вами очередной номер нашего журнала. Каким он получился, судить вам. Хочется верить, что мы и на этот раз оправдали ваши надежды — номер получился интересным, насыщенным разнообразными военно-историческими материалами. Во всяком случае, именно на это мы и настраиваемся в своей повседневной работе, к этому постоянно стремимся. Убеждены, что вы заметили наше старание. Об этом свидетельствуют ваши письма, телефонные звонки. Мы дорожим обратной связью с вами. Благодаря этим важным и нужным диалогам часто корректируем свои творческие планы, организуем поисковую работу, расширяем круг авторов и героев публикаций, знакомим с новыми страницами во-

енной истории Российского государства, нашего недалекого прошлого.

Нас радует, что, несмотря на развал СССР, на разъединение в прошлом единого информационного пространства, «Военно-исторический журнал» читают в самых отдаленных уголках братских государств так называемого ближнего зарубежья. Спасибо вам за верность, за то, что мы по-прежнему остаемся вместе. Собственно, мы и не представляем себя без вас, наших друзей и единомышленников. Мы ведь и работаем для вас. Наши подписчики — это участники Великой Отечественной войны, бывшие солдаты и офицеры, к сожалению, уже тоже бывшей легендарной Советской Армии, действующие офицеры Вооруженных Сил Рос-

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ НА ЖУРНАЛ **70137**
 (индекс издания)
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ | Количество комплектов |

на 1994 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда | _____
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

доставочная карточка
 НА ЖУРНАЛ **70137**
 (индекс издания)

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Стоимость	подписка	_____ руб. _____ коп.	Количество комплектов
	переводом	_____ руб. _____ коп.	

на 1994 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда | _____
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

сии, учителя школ и преподаватели вузов, рабочие и студенты. Мы всегда помним о вас и дорожим вашим мнением.

Вы уже, наверное, заметили, что «Военно-исторический журнал» продолжает оставаться верным традициям объективности, научности и профессионализма. Главное условие нашей работы — правдивость, показ прошлого без прикрас. Мы рассказываем о том, как все было, не угождая при этом каким-либо идейно-политическим течениям и общественным движениям. О наших творческих планах на первую половину 1994 года мы уже рассказывали. Хочется еще раз подчеркнуть, что в редакционном портфеле немало интереснейших материалов, документов, которые можно прочесть только в нашем журнале. К примеру, будут опубликованы недоступные ранее читателям мемуары трех сталинских маршалов о тяжелейших испытаниях, выпавших на долю советского народа в годы Великой Отечественной войны. На страницах нашего журнала впервые в отечественной прессе будет рассказано об участии советских людей в вооруженных конфликтах после второй мировой войны. Пожалуй, никто и никогда открыто не печатал матери-

алов о становлении и развитии Ракетных войск стратегического назначения. Это сделает в ближайших номерах только «Военно-исторический журнал».

Подписка на «Военно-исторический журнал» принимается во всех без исключения отделениях связи на территории СНГ. Индекс 70137. Цена одного номера по каталогу — 400 руб. Плата за прием подписки и доставку назначается почтой.

К столь стремительному и беспрецедентному взлету цен на подписку редакция непричастна. Все расчеты производились издательством исходя из общей экономической ситуации в стране. Мы понимаем, что не каждый пенсионер, к примеру, сумеет найти возможность подписаться на полугодие. А значит, в будущем году ряды наших читателей могут поредеть. И все же верим, что большинство наших друзей останется с нами. Они не пожалуют об этом. Мы сделаем все, чтобы оправдать их надежды. Как бы ни было трудно, будем сохранять верность друг другу. Это так важно — быть вместе, тем более во имя преданности нашему Отечеству.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами разборчиво, без сокращений в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?

Совещание военных историков
и задачи военно-исторической науки

Совещание военных историков, состоявшееся в Институте военной истории Министерства обороны Российской Федерации, явилось долгожданным событием не только для узкого круга ученых-специалистов, но и для всех тех, кому близка и дорога военная история нашего Отечества. Его необходимость назрела уже давно. Подобные мероприятия не проводились в Вооруженных Силах почти десять лет.

Сегодня прежняя идеологическая система оказалась разрушенной, а новая пока еще не создана. Преданы забвению духовные ценности и традиции многовековой российской истории, на которых воспитывалось несколько поколений наших граждан. Богатейшая история нашей страны и ее Вооруженных Сил несет в себе громадный воспитательный потенциал, который до настоящего времени должным образом не используется. В Вооруженных Силах нет единой системы военно-исторических органов, и поэтому доводить до личного состава военно-исторические знания пока что некому. В создавшихся условиях определить и главную цель совещания: рассмотреть нынешнее состояние военно-исторической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации, наметить пути и методы ее совершенствования, обобщить полученный опыт.

Совещание проводилось по указанию начальника Генерального штаба. В его работе приняли участие заместители начальников главных и центральных управлений Министерства обороны, заместители начальников штабов видов Вооруженных Сил, родов войск и округов, заместители начальников военных академий по научной работе, со-

трудники Историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба и Института военной истории, начальники и преподаватели кафедр истории войн и военного искусства военных академий, главные редакторы и редакторы военных газет и журналов, начальники военных архивов и музеев, представители ветеранских организаций, ведущие ученые-историки Российской академии наук (РАН).

С докладом о состоянии военно-исторической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации и ее задачах выступил заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник А. Н. Клейменов. В прениях по докладу выступили: заместитель академика-секретаря отделения истории РАН, член-корреспондент В. А. Куманев; доктор исторических и военных наук генерал армии М. А. Гареев; начальник управления подготовки кадров и учебных заведений Министерства обороны генерал-лейтенант Г. А. Родионов; заместитель начальника Главного управления по работе с личным составом генерал-майор А. Е. Зюскевич; начальник Института военной истории генерал-майор В. А. Золотарев; начальники кафедр истории войн и военного искусства военных академий (Генерального штаба — генерал-лейтенант В. Т. Иминов, имени М. В. Фрунзе — полковник А. Н. Синицын, бронетанковых войск — полковник И. Н. Харлов); главный редактор «Военно-исторического журнала» полковник В. С. Ещенко; начальник Центрального архива Министерства обороны полковник Н. П. Брилев; заместитель главного редактора Воениздата капитан 1 ранга Н. П. Си-

ницын; председатель исторической секции Военно-научного общества при Центральном доме Российской армии полковник в отставке Г. А. Воскобойников; начальник Центрального военно-морского архива капитан 1 ранга Ю. И. Резников.

В докладе генерал-полковника А. Н. Клейменова, в выступлении участников совещания было высказано немало критических замечаний. Отмечались слабое знание личным составом армии и флота военной истории России, низкое качество военно-исторических исследований и их недостаточная практическая ценность, формализм в преподавании военно-исторических дисциплин.

В целом все выступавшие указывали на необходимость повышения роли и значения военной истории в повседневной жизни Российских Вооруженных Сил. И это не случайно. Ведь хорошо известно, что многие великие полководцы считали глубокие знания в области военной истории одним из главных идейно-теоретических источников своих побед. Они в деталях помнили походы, бои и сражения прошлых войн. Так, великий русский полководец А. В. Суворов, который уже к двадцати годам самостоятельно изучил походы Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря, Тюренна, Кондэ и других полководцев, говорил: «Без светильника истории тактика — потемки». А Наполеон Бонапарт, говоря о формировании искусства полководца, подчеркивал, что познание высшей стороны войны приобретает только опытом и изучением истории войн.

Издавна военно-исторической подготовке будущих военачальников отводилась в русской армии весьма существенная роль. В конце XIX века в военных училищах на изучение военной истории выделялось 144 часа, что при двухгодичном сроке обучения составляло 4,8 проц. общего объема учебного времени. В начале XX века в связи с переходом на трехгодичную систему обучения доля учебного времени, отводимого на этот предмет, снизилась до 3,3 проц., но в абсолютном выражении его объем возрос до 216 часов. В Николаевской академии Генерального штаба курс военной истории колебался от 400 до 600 часов в год и включал собственно военную историю, историю последних войн (например, Крымской или Турецкой) и военную географию.

В нынешних же условиях на преподавание военной истории времени отводится значительно меньше. Для наглядности обратимся к таблице, из которой видно, что самого высокого подъема военно-историческая наука достигла в первые послевоенные годы. Объясняется это тем, что после Великой Отечественной войны необходимо было по свежим следам описать важнейшие

ее события, проанализировать ход, оценить положительный и отрицательный опыт, сделать соответствующие выводы. В военных училищах на изучение военной истории отводилось до 150 часов, а в академиях — до 366, что составляло соответственно 3,5 и 8,5 проц. общего объема учебного времени. В последующем бурный рост технического прогресса потребовал от офицерских кадров более глубоких знаний математики, физики, химии, и курс военной истории сократили в три раза, доведя его до 2-4 проц. учебного времени в академиях и до 1 проц. в училищах.

Нет сомнения, что современному офицеру без знания точных наук не обойтись, но не менее важное значение имеет и боевой опыт, а его, не участвуя в боях, можно приобрести, лишь изучая примеры истории. Учитывая важность приобретения исторических знаний, в 1992 году министр обороны Российской Федерации приказом № 53 существенно расширил курс военной истории, однако в центре и на местах в настоящее время вновь поднимается вопрос о его сокращении и совмещении с курсом истории Отечества. Выступавшие на совещании историки подчеркивали, что читаемые в училищах и академиях военно-исторические дисциплины являются оперативнотактическими, и ни в коем случае нельзя их смешивать с гуманитарной подготовкой. Конечно же, никто не говорит, что военная история должна занимать у нас 20 проц. учебного времени, как это делается в Китае, но практика военно-учебных заведений ведущих западных государств показывает, что на изучение этой дисциплины отводится от 5 проц. (ФРГ) до 10-15 проц. (США).

Ратуя за расширение курса военной истории, многие выступавшие отмечали и имеющиеся в ее преподавании недостатки. Порой она превращается в сухую академическую дисциплину и не вызывает у курсантов и слушателей должного интереса. Выход из этого положения видится прежде всего в скорейшем создании новых учебников. Руководители кафедр истории войн и военного искусства сошлись во мнении, что новые учебники должны учитывать специфику различных видов и родов войск: Так, в училищах связи необходимо изучать историю возникновения и развития войск связи, в авиационных училищах — историю ВВС, в военно-морских — историю ВМФ и т. п. Поэтому помимо единого учебника было бы целесообразно подготовить к нему дополнения, учитывающие особенности того или иного вида Вооруженных Сил или рода войск.

Вполне своевременным представляется и пересмотр имеющихся учебных программ. Сегодня у военных историков появилась

Бюджет учебного времени, выделяемого в соответствии с общей программой ВУЗа на историю военного искусства (военную историю) в период с 1945 по 1995 год (в часах)

Военно-учебные заведения	1945 — 1970 гг	Процент от общего времени программы, м.к. ВУЗа	1950 — 1955 гг	Процент	1955 — 1960 гг	Процент	1960 — 1965 гг	Процент	1965 — 1970 гг	Процент	1970 — 1975 гг	Процент	1975 — 1980 гг	Процент	1980 — 1985 гг	Процент	1985 — 1990 гг	Процент	1990 — 1995 гг	Процент
Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил России	300	6,8*	316	7,6*	160	3,8*	182	4,9*	154	4,2*	182	5,0*	152	6,0	123	5,1	123	5,1	95	3,9
Военная академия имени М. В. Фрунзе	366	8,58	360	8,4	240	5,6	180	4,2	172	4	164	3,9	160	3,79	156	4,06	150	3,8	150	3,99
Бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского	240	3,9	240	3,9	230	5	190	4,56	190	4,5	160	3,8	160	3,8	160	4,14	160	4,05	140	3,72
Военная артиллерийская академия имени М. И. Калинина	148	5	350	10	80	1,74	80	1,7	80	1,6	90	1,8	90	2,5	90	2,3	90	2,38	90	2,45
Военно-морская академия имени Н. Г. Кузнецова	310	9,4	270	8,2	200	6,4	150	4,54	90	2,7	66	2,87	66	2,87	58	2,5	56	2,43	90	2,73
Военная академия имени Ф. Э. Дзержинского	148	5	350	10	30	1	30	1	50	1,5	50	1,5	80	2,5	80	2,5	100	2,9	100	2,9
II. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ																				
Общевойсковые (пехотные) училища							70	1,69	40	0,71	40	0,74	60	1,16	60	1,15	60	1,08	50	1,02
Танковые командные училища							70	1,69	40	0,71	40	0,74	60	1,16	60	1,15	60	1,08	50	1,02
Артиллерийские училища					80	1,9	80	1,9	60	1,15	60	1,15	60	1,09	60	1,14	60	1,16	60	1,16
Военно-морские училища	154	4,8	120	2,8	0	0	100	2,0	100	2,0	90	1,8	90	1,8	86	1,7	86	1,7	86	1,7

* Данные с учетом времени, отведенного на самостоятельную подготовку.

возможность более детально анализировать события гражданской войны, межвоенного периода и начального периода Великой Отечественной войны. Настала пора осветить участие советских людей в боевых действиях в Корее, Вьетнаме, Египте, Анголе, Мозамбике, Камбодже и Никарагуа. Особый интерес представляет для нас многолетний боевой опыт участия советских войск в гражданской войне в Афганистане. Важную роль в постижении законов военного искусства играют локальные войны последних лет, в том числе войны между Великобританией и Аргентиной за Фолклендские (Мальвинские) острова, Ираном и Ираком, война в Персидском заливе в 1990-1991 гг.

Значительное внимание было уделено на совещании вопросу подготовки военно-исторических трудов. В свое время военно-исторические органы именно для того и создавались, чтобы оперативно, без задержки готовить научные описания выдающихся битв и сражений. Впервые такое подразделение было создано в 1860 году при прусском Большом генеральном штабе Х. Мольке (старшим) для описания войны 1859 года. В России стали регулярно писать военно-исторические труды с 1867 года, когда возник Военно-ученый архив Генерального штаба. Позже для описания войн в России с успехом использовалась практика создания специальных военно-исторических комиссий. В 1879 году была создана Военно-историческая комиссия по описанию русско-турецкой войны 1877-1878 гг., в 1906-м — Военно-историческая комиссия по описанию русско-японской войны 1904-1905 гг., в 1908-м — Историческая комиссия для описания действий русского флота в русско-японскую войну 1904-1905 гг.

После Октябрьской революции 13 августа 1918 года при военно-исторической части (позже — военно-историческом отделе) Всероссийского главного штаба была учреждена Военно-историческая комиссия по описанию первой мировой войны 1914-1918 гг., позже также создавались различные комиссии, отделы, управления, самостоятельно готовившие военно-исторические труды.

В настоящее время ведущим центром военно-исторических исследований является Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, в стенах которого трудятся высококвалифицированные специалисты, способные проводить исторические исследования на высоком научном уровне. Однако начальник института генерал-майор В. А. Золотарев отметил, что созданные труды не всегда доходят до читателя, поскольку в последнее время институт испытывает существенные труд-

ности с изданием подготовленных работ. Объясняя причины уменьшения выпуска исторической литературы, представитель Воениздата капитан 1 ранга Н. П. Сеницын отметил, что в стране нарушена существовавшая ранее система распространения печатных изданий. Из-за этого интересные книги не доходят до читателя, и издательство терпит убытки. Сказываются и финансовые трудности. Выпуск одной книги обходится ныне в миллионы рублей, и Министерство обороны вынуждено пересматривать существовавшие ранее планы публикации научно-исследовательских работ.

В ходе совещания отмечались и другие трудности в работе военных историков, в том числе в подготовке кадров. Говорили о слабой технической оснащенности военно-исторических учреждений, редакций, недостатке средств, выделяемых военным журналам; отсутствии в войсковых библиотеках подписки на исторические журналы и недостатке в них популярных исторических трудов.

Проблем много, но, как подчеркнул в своем заключительном слове генерал-полковник А. Н. Клейменов, в их решении необходимо проявлять больше инициативы и самостоятельности, которые всегда приветствовались в русской армии. Не следует забывать, что многие сложные военно-исторические проблемы решались в России силами исторических организаций, создававшихся на добровольных началах. К их числу можно отнести Общество ревнителей военных знаний, Общество любителей военной старины, Русское военно-историческое общество, Общество отставных офицеров и т. д. Большие потенциальные возможности имеют подобные организации и сегодня. Определенным шагом в этом направлении стало создание нештатного Научно-методического совета Вооруженных Сил Российской Федерации по военно-исторической работе, в состав которого вошли ведущие военные историки страны и на который возлагаются задачи определения концептуальных направлений развития военно-исторической работы в войсках и подготовки предложений для руководящего состава армии и флота по ее совершенствованию. В ближайшие планы совета входит работа по реализации предложений, выказанных в ходе совещания. Хочется надеяться, что работа будет успешной и в конце концов в Вооруженных Силах Российской Федерации удастся создать стройную систему военно-исторических органов, способных успешно работать во всех армейских звеньях и структурах.

**Подполковник С. Н. РУБАН,
кандидат исторических наук**

НА ГРАНИЦЕ С АФГАНИСТАНОМ

Генерал-майор
А. В. Шишляников,
министр обороны
Республики Таджикистан.

Как идет становление армии Республики Таджикистан?

В сложных экономических условиях планы создания структур Министерства обороны выполняются. Решаются вопросы призыва молодежи на военную службу, комплектования офицерским составом, хотя в последнем вопросе имеются определенные трудности. Части и подразделения родов войск и служб уже получают необходимую технику и вооружение. Этот процесс набирает силу. Мы стремимся к тому, чтобы армия Республики Таджикистан стала хорошо оснащенной и обученной, мобильной, обладающей высокой боевой мощью, то есть отвечающей требованиям сегодняшнего дня. Главной же задачей в настоящее время является отражение попыток отрядов исламской оппозиции и поддерживающих ее афганских моджахедов нарушить территориальную целостность Республики Таджикистан, низложить законное руководство страны, а народ Таджикистана ввергнуть в хаос гражданской войны.

Какова ситуация в республике, особенно в приграничных с Афганистаном районах,

Генерал-майор А. В. Шишляников окончил Ташкентское высшее танковое командное училище в 1971 году, занимал командные и штабные должности, выпускник 1981 года Военной академии бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. Большая часть службы прошла в ТуркВО. Службу в Вооруженных Силах Республики Таджикистан считает своим патристическим долгом. О том, какие проблемы приходится ему решать в одной из «горячих» точек бывшего Советского Союза, и рассказывает он в беседе с полковником С. А. Багдасаровым.

и роль армии в стабилизации обстановки?

В данный момент обстановка в Таджикистане стабилизируется, но продолжает оставаться сложной в районах, приграничных с сопредельным Афганистаном, на территории которого сосредоточено несколько тысяч боевиков Исламской партии возрождения и афганских моджахедов. Сторонники ИПВ организуют различного рода провокации на государственной границе. Напряжение нарастает.

Подразделения молодой армии Республики Таджикистан совместно с пограничными войсками Российской Федерации и подразделениями 201-й мотострелковой дивизии принимают участие в предотвращении развития конфликтных ситуаций, выполняя главное и единственное свое предназначение — обеспечение суверенитета Родины и мирного труда ее граждан.

Формируются новые подразделения таджикской армии, которые направляются в приграничные зоны. На сегодняшний день мы располагаем всем необходимым для отпора внешней агрессии. В то же время, как известно, существует Договор о коллективной безопасности государств СНГ. Мы надеемся, что в случае крайней необходимости он будет выполнен полностью.

Что делается в правовом отношении для создания молодой армии?

Большая работа по формированию Вооруженных Сил

республики выполнена благодаря усилиям руководства Таджикистана.

На сегодняшний день разработаны законы Республики Таджикистан: «О Вооруженных Силах Республики Таджикистан», «Об обороне», «О всеобщей воинской обязанности и военной службе», «О статусе, гарантиях, социальной и правовой защите военнослужащих и членов их семей».

Внедряется контрактная система.

Что по-вашему уже сейчас может войти в историю армии Таджикистана, какие боевые эпизоды?

Операция в Рамитском ущелье, боевые действия в Гармской долине, обеспечение прикрытия государственной границы и ведение совместных боевых действий нашими войсками и российскими пограничниками на участках Московского и Пянджского погранотрядов — вот небольшие, но яркие эпизоды из жизни нашей армии. Вместе с тем должен отметить, что наши вооруженные силы способны, если понадобится, вести и широкомасштабные действия во взаимодействии с частями и соединениями МВД, КГБ и пограничных войск РФ. При этом хочу отметить, что Вооруженные Силы Республики Таджикистан имеют опыт действий против отрядов Исламской партии возрождения и афганских моджахедов. Многие офицеры и солдаты получили боевой опыт, особенно в ходе ликвидации противника в Рамитском ущелье.

«ВЫСОЧАЙШИМ
ПРИКАЗОМ
НАГРАЖДАЕТСЯ...»

Так уж сложилось, что армия нового государства Российского в настоящее время переживает процесс обновления. Поэтому старинное выражение «не осмыслив старого, не построишь нового» представляется как никогда актуальным. Тем более что на протяжении нескольких десятилетий славные вековые традиции Российской армии были или забыты, или умышленно подвергнуты огульной критике. В таких условиях было практически невозможно понять, что же это за армия, что составляло ее законодательную основу, как строились взаимоотношения между офицерами, начальствующими нижними чинами и рядовыми, какой существовал порядок награждения или продвижения по службе, как осуществлялась дисциплинарная практика и др. Вместе с тем это был здоровый и боеспособный организм с четкой и ясной системой взаимоотношений. Нравственную основу армии составляли честь и личное достоинство офицерского состава.

К сожалению, не все знают историю старой русской армии и ее традиции. С помощью архивных документов проиллюстрируем порядок прохождения службы, награждения на примере одного офицера — генерал-майора танковых войск М. П. Сафира, прошедшего длинный и трудный путь служения Родине в двух армиях и внесшего личный вклад в повышение боеспособности наших войск.

Шесть боевых орденов он получил в дооктябрьский период и столько же в советский. Однако отношение к нашему персоналу в этих армиях было далеко не одинаковым, тем более что в Красной Армии боевому комбату начинать пришлось практически сначала.

«За веру, царя и Отечество»

6 ноября 1895 года в Петрограде в семье дворянина советника чиновника Министерства почт Павла Николаевича Сафира (VII класс, применительно к армии — подполковник) и крестьянки из деревни Новые Клевцы Новгородской губернии Марфы Кузьминичны Королевой родился первенец, которого назвали

Прапорщик М. П. Сафир.
1915 г.

Михаил. Из-за ограниченного бюджета семьи (пенсия 32 рубля) курс реального училища 16-летний юноша вынужден был закончить заочно. В дальнейшем знания, если не считать 3-ю Петроградскую школу для ускоренной подготовки офицеров, учебно-пулеметные курсы при штабе 10-й армии и Военную академию имени М. В. Фрунзе в 1934 году, получил путем целеустремленного самообразования — освоил высшую математику, физику, электротехнику, что позволило ему в последующем сделать ряд изобретений и работ, принятых для широкого использования в РККА и Советской Армии.

До 1923 года был введен порядок — в служебном списке подробно указывать прохождение службы в царской армии. 7 сентября 1923 года командир роты 8-х Симферопольских пехотных командных курсов Михаил Сафир отчитался за прошлую службу по 21 пункту, указав в том числе шесть наград: ордена Владимира IV степени, Анны II, III и IV степени, Станислава II и III степени.

Зная, что отец служил в 227-м пехотном Елифанском полку, решил проверить, что имеется

о нем в военно-историческом архиве (РГВИА)¹. Нашел послужной список школы прапорщиков, знаменующий начало службы в офицерском звании (поступил в школу в апреле 1915 г. из 2-го пехотного запасного батальона):

«Утверждение высочайшим приказом производства в прапорщики 3-й Петроградской школы по приказу 6-й армии от 15 августа 1915 г. № 328

Послужной список
3-й Петроградской школы
для ускоренной подготовки офицеров
Сафир[а] Михаила Павловича

Генерал-майор танковых войск М. П. Сафир.

Звание или сословие и общество, к которому принадлежит	Сын надворного советника г. Петрограда
Год, месяц и число рождения	6 ноября 1895 г.
Вероисповедание	Православное
К какому разряду принадлежит по образованию, с обозначением...	К 2-му разряду, аттестат от 29 мая 1912 г. за № 193...
Кем диплом, аттестат или свидетельство выданы	Инспектором Старорусского 4-клас[сного] городского училища
Если принятый не имеет документа об образовании, то не знает ли грамоту...	—

Начальник школы
полковник (подпись)
Делопроизводитель
зауряд. воен. чиновник (подпись)

Появление пункта «не знает ли грамоту» вызвано тем, что к 1915 году царская армия уже понесла тяжелые потери в боях и ни о каком «конкурсе на место» не могло быть и речи. «Зауряд. воен. чиновник» в подписи — это вольнонаемный доброволец. Но такого добровольца, по рассказам отца, даже командир полка не мог заставить вымыть пол в канцелярии, так как сделать это ему было неположено.

После окончания школы прапорщик Сафир 21 августа прибыл в распоряжение дежурного генерала 10-й армии Минута, а 5 сентября вместе с 13 товарищами — в 227-й пехотный Епифанский полк.

¹Далее следуют вопросы о походах и делах против неприятеля, о нахождении в плену у неприятеля, ранениях, знаках отличия, наказаниях. На все вопросы даны отрицательные ответы.

«ПРИКАЗ
по 227-му пехотному Епифанскому полку
№ 287
7 сентября 1915 г. Бивак при д[ер]. Урцишки

2

По строевой части
Гг. офицеров, поименованных в списке, прибывших на службу во вверенный мне полк, зачислить в списки полка с 5 сего сентября:

прапорщик	Хинриксон,	прапорщик	Андрезен,
—	Шульц,	—	Макаров,
—	Сауселг,	—	Кубасов,
—	Шапиевский,	—	Сафир,
—	Калачев,	—	Назаров,
—	Дюбин,	—	Алексеев,
—	Титов,	—	Строглов.

3

Вновь прибывшие в полк гг. офицеры для несения службы назначаются младшими офицерами...прапорщик Сафир в 7-ю роту.

Командир полка
полковник Поклевский-Козелл²

Что же такое пехотный полк? Структурно — четыре батальона, шестнадцать рот (к примеру, 7-я рота в составе 2-го батальона). Каждый пехотный полк имел порядковый номер и название населенного пункта (например, 226-й Землянский). Пехотные полки, а их было на начало 1-й мировой войны 773, составляли основу сухопутных войск старой русской армии.

В состав входили также:

- стрелковые полки — 210 (в том числе лейб-гвардии — 4, сибирские — 88, стрелковые — 32, кавказские — 17, латышские — 8, польские — 4, туркестанские — 26, финляндские — 20 и другие);
- гвардии пехотные полки — 123;
- кавалерийские — 76 (в том числе лейб-

**Семья надворного советника П. Н. Сафира.
(На руках у матери — Михаил Сафир.)
1896 г.**

гвардии — 10⁴, гусарские — 18⁵, драгунские — 20⁶, уланские — 17⁷, конные — 11⁸; а также бригады: пехотные — 7⁹, стрелковые — 4¹⁰, конные — 3¹¹). Кроме названных были казачьи части (1-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк), инородческие (Черкесский конный полк) и др.

В 1915 году 227-й полк входил в состав 57-й пехотной дивизии (начальник генерал-лейтенант барон Бодэ) 44-го армейского корпуса (командующий генерал-лейтенант Бржозовский) 10-й армии (командующие генерал от кавалерии Цуриков, в последующем генерал от инфантерии Родкевич).

Итак, началась двухлетняя напряженная боевая служба 19-летнего молодого прапорщика — штыковые атаки, ночные разведки боем, артолеты, газовые атаки. Хотя в полковых приказах боевые действия, как правило, не отмечались, но мне повезло.

Из приказа № 49 — 13. 2. 1916, штаб полка — дер. Теребейно

«В ночь с 9 на 10 сего февраля разведчиками 7-й роты вновь была совершена молодецкая разведка перед фронтом участка роты. Разведчики этой роты под непосредственным руководством вр[еменно] командующего ротой прапорщика Сафира и младшего офицера роты прапорщика Чистилина проникли в расположение противника и, забросав гранатами немецкий полевой караул, принудили его к бегству. Выяснив точное расположение противника и силу частей, занимающих передовые окопы, разведчики захватили значительные трофеи в виде пяти немецких щитов, двух перископов и др. Выполнен поставленную задачу, разведчики под огнем противника благополучно вернулись в свои окопы.

Вновь могу подтвердить отличную работу на боевом участке как молодцов разведчиков 7-й роты, так и всех чинов роты.

От лица службы объявляю благодарность вр[еменно] командующему 7-й ротой прапорщику Сафиру и младшему офицеру этой роты прап[орщику] Чистилину. Молодцам, лихим

разведчикам объявляю мое «СПАСИБО». Уверен, что доблестные подвиги разведчиков 7-й роты послужат примером для всех рот полка и тем самым сделают производство столь ценных разведок явлением обычным. Необходимость разведки, добывание сведений о противнике и особенно захват его пленных должны быть очевидны каждому солдату, и совместными усилиями начальников и подчиненных им нижних чинов необходимо поставить ее на должную высоту, не оставляя без наград молодцов разведчиков.

**Командир полка
полковник Поклевский — Козелл»**

Сведения о противнике оказались, видимо, достаточно ценными, поэтому участники боя были отмечены еще раз даже не дивизионным начальством, а корпусным.

**Из приказа № 53 — 16. 2. 1916,
квартиро-бивак — дер. Теребейно**

«... 2. 1. Приказом по 44-му армейскому корпусу от 12 сего февраля за № 41 при сем для сведения объявляю:

Разведчики 227-го пехотного Елифанского полка в ночь на 10 февраля прорезали проволочное ограждение, ручными гранатами выбили противника из окопа и заняли таковой. Хотя под напором резервов противника разведчики и отошли назад, но при этом взяли 5 щитов, 2 перископа, 1 чугунную печь, 2 ведра и образцы колючей проволоки.

Молодецкое дело, достойных представить к наградам. Начальника разведки (прапорщика Сафира) сердечно благодарю и ставлю его в пример, достойный подражания, ибо, если мы так доблестно будем тревожить противника, то сей почувствует нашу действительную силу и дрогнет духом.

**Подписал командующий корпусом
генерал-лейтенант Бржозовский
Командир полка
полковник Поклевский-Козелл»**

Больше описаний боевых эпизодов в приказах полка не встречалось. Должен отметить, что почти в каждом третьем приказе были большие списки награжденных Георгиевскими медалями и крестами нижних чинов и солдат. За своевременным представлением к наградам командир полка следил очень строго.

Просматривая списки погибших и раненых (исключение из списков полка, отправка в госпиталь и т. д.), убедился, сколь напряженные были бои и велики потери.

Из приказа № 180 — 2. 6. 1916, штаб полка — дер. Бартешиха

«... 4. Прапорщик Сафир на позиции у дер. Доржени ранен (сквозное пулевое ранение правого предплечья и поверхностное ранение правой половины груди. Пуля застряла под кожей в верхней части груди). Означенное ранение внести в послужной список указанного обер-офицера.

Справка: свидетельство о ранении, выданное старшим врачом, за № 30».

Из приказа № 202 — 21. 6. 1916, штаб полка — дер. Россолишки

«... 2. Раненного 29 мая сего года и отправлен-

ного на излечение в госпиталь прапорщика Сафир[а] числится эвакуированным с означенного выше числа.

Справка: приказ по полку с/г № 180 § 4.»

Кроме этого, М. Сафир попал под газовую атаку и был дважды контужен.

В царской армии был установлен порядок ношения особых отличий за ранения. Оформлялся он следующим образом.

Из приказа № 144 — 28. 4. 1917, штаб полка — дер. Пиотрово

«... 5. При сем объявляю список офицеров полка, коим на основании приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего от 5 декабря 1916 года за № 1700 предоставить право на ношение особых отличий за полученные в течение настоящей кампании ранения:

Чин и фамилия	Когда ранен	Сколько предстоит отличий
Подполковник Покровский	1 августа 1915 г.	1
...		
Поручик Рейнберг	27 июля 1915 г. 16 октября 1915 г.	2
Поручик Сафир	28 мая 1916 г.	1
...		

Означенные отличия внести в послужные списки упомянутых офицеров.

Командир полка полковник Кухин»

Теперь о награждении орденами. Приведу основные его положения (в военное время):

1. Награждали от имени императора («по высочайше представленной мне власти...») командующие армиями орденами Георгия и Владимира IV степени, всеми степенями (кроме первой) орденов Анны и Станислава.

2. Произведенные награждения в последующем утверждались высочайшим (царским) приказом. Это был чисто формальный акт и происходил практически через год, а при Временном правительстве оформления (особенно во второй половине 1917 г.) вообще задерживались на неопределенное время — военное министерство быстро потеряло управление разваливающейся армией.

3. Награждения Георгиевским крестом или оружием производились только высочайшим приказом (с обязательным кратким описанием подвига).

4. За участие в боевых действиях награждались орденами с мечами (все) и бантом (ордена на грудной колодке — III и IV степени).

Из Приказа № 36 — 1. 2. 1916,

штаб полка — дер. Барсуки

«... 2. Приказ командующего 10-й армией 12 сего января за № 60 о награждении орденами офицеров полка объявляю:

«По высочайше представленной мне власти награждаются:

ОРДЕНАМИ:

За отличные дела против германцев: св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»...

227-го пех. Епифанского полка...

и прапорщики ... Михаил Сафир...»

Командующий армией

генерал от инфантерии Родкевич

Означенные награды внести в послужные списки упомянутых обер-офицеров.

Вр[еменно] командующий полком подполковник Трампедах¹²»

«Его императорское величество в присутствии своем в Царской Ставке января 2-го дня 1917 года

Соизволили отдать следующий

П Р И К А З :

утверждается пожалование командующим 10-ю армией:

За отличия в делах против неприятеля:

ОРДЕНОВ

...Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»...

ПОРУЧИКАМ:

...Числящимся по армейской пехоте, состоящим в пехотных полках:

...227-м Епифанском: Андрею Алексееву, Михаилу Сафиру, Николаю Смирнову, Николаю Чистякову, Сергею Шапиевскому, Эдуарду Шульцу и Константину Хинриксону...

Подписал: военный министр генерал от инфантерии Шуваев»

Если сравнить даты, то видно — прошел год. За это время подпоручик Сафир получил звание поручика. И еще следует отметить, что в старой русской армии во всех приказах — высочайших, армейских, полковых и других генералы, офицеры и солдаты именовались только по фамилии и имени.

Образец «Георгиевского» награждения:

«Деревня Махала. Румыния, 1917. Офицеры 2-го батальона и командир полка».

Фото и подпись М. П. Сафира

Предположительно командир полка — Поклевский-Козелл.

Из приказа его импер[аторского] величества
3. 11. 1916

«... Утверждается пожалование командующим 2-ю армиею, за отличия в делах против неприятеля, по удостоению местной Думы из лиц, именуемых Георгиевское Оружие:

ГЕОРГИЕВСКОГО ОРУЖИЯ:
полковникам:

Командирам пехотных полков:

... 227-го Елифанского, Владимиру Поклевскому-Козелл[у] за то, что 27 июля 1915 года в бою у дер[.] Щепанково искусно прикрывал со своим полком левый фланг правого участка 7-й пехотной дивизии...

Лично вывел две роты полкового резерва во фланг обходящему противнику и ударом в штыки опрокинул его и остановил наступление.

Подписал: военный министр
генерал от инфантерии Шуваев»

Посмертные награждения заканчивались фразами:

«Запечатлев свой подвиг смертью героя»,
«был смертельно ранен пулей и смертью своей запечатлел содеянный им подвиг».

Присвоение воинских званий офицерскому составу производилось только высочайшим приказом с указанием старшинства (очередность присвоения звания в царской армии строго соблюдалась).

Из приказа № 412 — 19. 12. 1916,
штаб полка — ст. Осиповичи

«... 2. Высочайшим приказом от 27 ноября сего года подпоручику вверенного мне полка Сафир и Скачко на основании приказа по в[оенному] в[едомству] 1915 года № 363, ст. 11

произведены в поручики со старшинством: первый — с 5 мая, а второй — с 10 сентября 1916 года, что внести в их послужные списки.

С п р а в к а : «Русский Инвалид» сего года, № 338.

Командир полка
полковник Поклевский-Козелл»

Из приказа его Имп[ераторского] Вел[ичества]
3. 12. 1916

«Даруется
старшинство в настоящих чинах на основании прик[аза]

по воен[ному] вед[омству] 1915 г. № 563,
ст. 4 и 8

ПО ПЕХОТЕ:

Полковникам, командирам полков:
ПЕХОТНЫХ

227-го Елифанского,
Поклевскому-Козелл[у],
с 6 декабря 1906 года

Подписал: военный министр
генерал от инфантерии Шуваев»

Редкий случай, что за отличную службу 13. 12. 1916 г. устанавливается (даруется) старшинство с 6. 12. 1906 г. со всеми положенными привилегиями.

Приказы, кроме «Георгиевских», не содержат сведений, за какие заслуги произведены награждения. Эта информация учитывалась в «Записках о наградах», которые заводились на каждого офицера. К сожалению, в делах 227-го полка такие записки оказались только по состоянию на март 1916 года.

«Записка

о наградах прапорщика
227-го пехотного Елифанского полка
Сафир[а]

1. Фамилия 2. Имя, отчество 3. Старшинство в последний чин 4. Вероисповедание	Перечень имеющихся наград с указанием: а) каким приказом пожалованы б) за какие отличия (место и время)	Перечень наград, к которым представлен с указанием: кому, когда, каким № представление послано
	Орден св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». Приказ командующего 10-й армией от 12. 1. 16 за № 160. За мужество и храбрость, проявленные в период боев с 5 сентября по 5 октября 1915 г. у дер. Бахшты и на реке Березина.	К чину подпоручик со старшинством с 5 января 1916 г. На основании приказа по военному ведомству 1915 г. за № 563. Начальнику 57-й пех[отной] дивизии 6 января 1916 г. за №152 в Главный штаб 11 января 1916 г. к ордену св. Станислава III степени с мечами и бантом за мужество и храбрость, проявленные при разведке неприятельского расположения на позициях при дер. Жибрачихи и на р. Березина с 9 на 10 февраля 1916 г. Начальнику 57-й пех. дивизии 20 февраля 1916 г. за № 1804...»

После ранения М. Сафира последовали следующие перемещения по службе: заведующий командой пеших разведчиков (1. 9. 1916 г.), начальник учебной команды (5. 10. 1916 г.) и, наконец, командующий ротой.

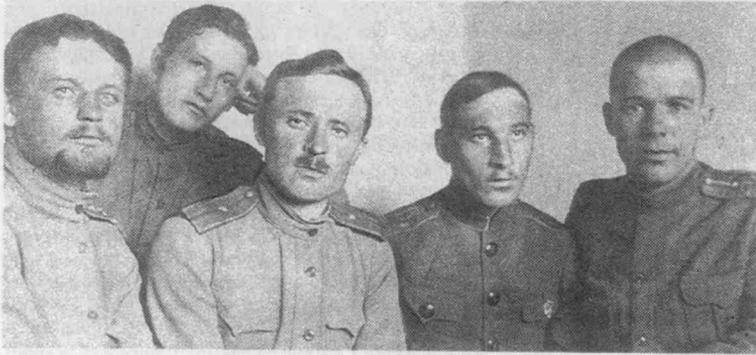
«Из приказа № 373 — 16. 11. 1916, штаб
п[ол]ка
дер. Раевщина

«...Капитан Жарков назначается начальником учебной команды, а подпоручик Сафир — ко-

мандующим 7-й ротой на законном основании. Приказываю капитану Жаркову сдать 7-ю роту подпоручику Сафир[у], подпоручику Сафир[у] сдать капитану Жаркову учебную команду.

О приеме и сдаче роты и команды мне донести.
Командир полка
полковник Поклевский-Козелл»

А вот несколько необычный для нашего времени образец оформления документа.

Офицеры 7-й роты. Румыния. 1917 г. (В первом ряду слева поручик Ярошевич).

Фото М. П. Сафира

Из приказа №75 — 4. 3. 1917,
штаб п[ол]ка
дер. Виндерей

«...Дежурный генерал 4-й армии телеграммой сообщил, что на должность командира 227-го пехотного Епифанского полка вместо полковника Поклевского-Козелла назначен полковник 50-го Белостокского полка Кухин. Полковника Кухина полагают в ожидании.

Начальник дивизии генерал-лейтенант барон Бодэ.

Во исполнение сего означенного штаб-офицера зачислить в списки полка, а впредь до прибытия полагать в ожидании.

За командира полка
капитан Жарков»

У читателей может возникнуть вопрос, а была ли в старой русской армии проблема с дисциплиной? Мой отец вспоминал:

«Такой проблемы в армии не было. Все четко знали, что можно делать и чего нельзя. Наиболее действенным было наказание — два часа «с полной выкладкой под ружье». Обычно минут через 50 провинившийся падал без чувств. Желющих испытать на себе вторично это наказание, как правило, не находилось. Обстановка была спокойная, так как в условиях непрерывных боевых действий одним не могло прийти в голову допускать какие-то злоупотребления в дисциплинарной практике, другим — эти нарушения совершать. В офицерской среде это считалось признаком плохого тона. Да и я сам, как только «упустил» действия одного из своих взводов, тут же без всяких колебаний был наказан командиром полка, хотя к тому времени, как говорят, вся грудь была в крестах. Если бы не было обстановки взаимного доверия, никто меня, раненого, теряющего сознание, с поля боя бы не вытащил. А ведь это сделал истекающий кровью солдат именно моей, 7-й роты, сам имевший в тот момент тяжелейшее лицевое ранение. Но так было только до того времени, когда стали создаваться полковые комитеты».

Из приказа № 27 — 25. 1. 1917,
штаб п[ол]ка,
дер. Фундянул

«... 13. Ряд[овых] 7-й роты: Константина Усольцева, Ивана Третьякова (и еще 8 человек. — Прим. авт.) за то, что вопреки приказу по полку от 21 сего января за № 21 §2 приобрели

вино и оказались в нетрезвом состоянии, подвергнуть наказанию розгами по 25 ударов каждому; отделенного командира 1-го отделения 1-го взвода той же роты ефрейтора Карпа Пугачева за то, что допустил употребление вина в своем отделении и напился сам, разжаловать в рядовые и подвергнуть наказанию розгами — 25 ударов. Взводного командира 1-го взвода 7-й роты ... Семена Павлова за допущение употребления вина н/чинами в его взводе смещая на должность отделенного к[оманди]ра с переименованием в младшие унтер-офицеры.

Командиру 7-й роты поручику Сафир[у] за допущение употребления вина н[ижними] чинами его роты объявляю выговор.

С п р а в к а : полевая записка к[оманди]ра 4-го б[атальо]на с. г. № 10.

Командир полка
полковник Поклевский-Козелл»

Это отделение находилось, видимо, на каких-то работах вне роты, поэтому доложил о происшествии командир не своего 2-го батальона, а 4-го. Да, дисциплина поддерживалась жестокими методами. При этом не было исключений и для Георгиевских кавалеров.

Из приказа № 32 — 29. 1. 1917,
штаб полка
дер. Фундянул

«... 12. Фельдфебель 7-й роты Иван Хорольский за подачу не по команде прошения начальнику штаба 10-й армии о заведении справки о награждении его Георгиевским крестом III ст[епени] арестовывается мною на 30 суток простым арестом. О приведении ареста в исполнение к[оманди]ру роты мне донести.

С п р а в к а : надпись н[ачальни]ка штаба 57-й пех[отной] див[изии] от 14 сего января за № 35.

Командир полка
полковник Поклевский-Козелл»

Следует отметить, что, просмотрев около 80 дел с приказами по полку (1915-1917 гг.), упоминание о телесном наказании встретил только один раз (нижние чины наказывались арестом или нарядом вне очереди, в основном за несвоевременное возвращение из отпуска). Офицеры получали взыскания крайне редко, потому что служили исправно. Так, когда 57 пд вступила в Румынию, комдив отдал приказ обратить особое внимание на то, что «у местного

населения имеется большое количество вина» (объявлено приказом по полку). Учивался фактор трехлетнего вынужденного отказа от спиртного. Одновременно с объявлением войны в России был провозглашен «сухой закон» с запретом продажи казенной водки, кроме ритуальной чарки к престольному празднику.

В приказах по полку раз в месяц (реже два) в разделе 3. «Хозяйственная часть» объявлялись очень объемные и подробные итоги проверки продовольственного и вещевого обеспечения личного состава с указанием восполнения до копейки недосдачи «по чайному довольствию». Были и другие вопросы повседневной жизни полка, например, «... прапорщику Николаю Васильевичу Смирнову именоваться Смирновым 3-м», или «Постановлением Департамента окладных сборов от 22 февраля с. г. рядовому 1-й роты Якову Федоровичу Босяку разрешено именоваться Соловьевым, что внести в послужной список означенного солдата...» и др.

Бескомпромиссно и непримиримо велась борьба в действующей армии с мародерством. В разделе 4. «Судная часть» объявлялись решения корпусного и армейского судов. (Абсолютное большинство приговоров приводилось в исполнении).

В феврале 1917 года пользовавшийся большим авторитетом и всеобщим уважением командир полка уходил с повышением на должность комбрига 190 сд (сработало правило «старшинства»). По оценке отца, именно Поклевскому-Козеллу принадлежала личная заслуга в формировании необходимых морально-боевых качеств молодых фронтовых офицеров.

Прощаясь, командир обратился к полку со следующими словами.

Из приказа № 62 — 23. 2. 1917,
штаб полка —
дер. Виндерей

«... 2. Помощником августейшего главкомандующего Румынским фронтом я избран на должность командира бригады, формирующейся при 30-м армейском корпусе пехотной дивизии.

Дорогие моему сердцу Епифанцы! В продолжение более двух с половиной лет я имел честь стоять во главе вас, во главе доблестного полка. Епифанский полк народился в первый день мобилизации, 18 июля 1914 г. из кадра, выделенного 11-м пехотным Псковским полком, который носит имя великого русского полководца фельдмаршала Кутузова-Смоленского... Я счастлив, что славные боевые традиции героев-кутузовцев прочно внедрились в вас, доказательством чему служит ваша 2 1/2-летняя незапятнанная боевая работа... С великой гордостью вспоминаю я те бои, которые стяжали вам, Епифанцам, боевую славу: у всех у вас бои эти должны быть в памяти...

За все два с половиной года... полк получал одни только благодарности и ни разу не было сказано ни одного упрека по нашему адресу. Вся ваша боевая отличная служба, полная красивых подвигов, убеждает меня в том, что заработанное вами звание, как акт высочайшего к вам доверия, вы увенчаете Георгиевским крестом... и я страшно грущу, что не привел Господь Бог мне вести вас и дальше туда, где вас, доблестные Епифанцы, ждет новая Слава... Вы, господа офицеры, несли свой тяжелый и кропотливый труд... в высокой степени честно и добросовестно и, что особенно ценно, каждый из вас, от старшего

штаб-офицера до молодого прапорщика, нес этот труд без всяких нажимов, без всяких понуканий, работал действительно не за страх, а за совесть. Вы убедили меня, что вам нужно только дать возможность работать, и вы всегда оправдаете оказанное вам доверие... Земно вам кланяюсь, господа офицеры, и прошу принять мою глубокую и сердечную благодарность — всех, без различия чинов и должностей, за вашу самоотверженную работу. Полковому священику отцу Виктору Договскому приношу мою искреннюю признательность. Не суровыми обличениями, не холодным требованием исполнения обрядности, а добрыми пастырскими поучениями и строгим исполнением обязанностей внушали вы своей пастве правила истинной христианской жизни... Приношу также мою искреннюю благодарность вам, гг. полковцы, мое сердечное русское спасибо вам за вашу верную и честную службу... вспоминайте с гордостью, что вы имели великую честь носить мундир родного полка.

Особое мое спасибо начальствующим нижним чинам, всегда и везде усердным и надежным помощникам гг. офицеров. Помните, что вы стоите ближе к рядовому и что ваш пример и ваше добросовестное отношение к службе и к ее обязанностям имеет очень большое значение в деле воинского воспитания нижних чинов. Теперь я расстаюсь с вами, родные мои Епифанцы. Дай вам Бог счастья и успехов в вашей дальнейшей боевой службе... Меня с вами тогда не будет, но душой я буду всегда с вами, ваши успехи и радости будут радовать и меня.

За вашими подвигами я буду следить и гордиться ими.

Прощайте, товарищи! Да храни вас Бог!

Командир полка
полковник Поклевский-Козелл»

Обратим внимание, как точно сумел командир полка оценить роль «начальствующих нижних чинов» в деле воспитания солдат. Именно этого в полной мере не поняли в последующие годы, когда армии навязали надуманные порядки, в том числе соцсоревнование и другие мероприятия, породившие показуху, очковитирательство и развал дисциплины, так как поступки, «снижающие показатели», прятались, «болезнь» загонялась внутрь. Все это и породило так называемую «дедовщину».

Полковнику Поклевскому-Козеллу, наверное, даже в страшном сне не являлись генералы барон Бодэ или Родкевич с вопросом, «а почему у вас столько взысканий?»

Итак, ушел Поклевский-Козелл, пришел Кухин — достаточно опытный командир. Но пришла весна 1917-го. Армия революционизировалась.

«Приказ
АРМИИ И ФЛОТУ
о военных чинах Сухопутного ведомства
(4 марта 1917 г.)

Ввиду последовавшего отречения от престола императора Николая II приказываю:

1. Всем войсковым частям, шефами коих стояли как отрекшийся император, так и прочие здравствующие чины дома Романовых, — именоваться впредь без упоминания титулов и имен означенных шефов, например, 2-му лейб-драгунскому Псковскому Ее Величества Госу-

дарыни Императрицы Марии Федоровны полку именоваться 2-м лейб-драгунским Псковским полком...

Подписал: военный министр
А. Гучков»

В частях стали создаваться выборные полковые комитеты.

Из приказа № 120 — 9. 4. 1917,
штаб полка
дер. Васлауц

«... 6. При сем объявляю состав полкового комитета:

От офицеров (всего 10. — Прим. авт.): капитан Аникеев... поручики Лапин, Сафир... от солдат (всего 20. — Прим. авт.): фельдфебель Алексей Аникушин...»

Из приказа № 269 — 12. 8. 1917,
штаб п[ол]ка — сев[ернее] дер. Подлесье
«... 2. Объявляю, что капитаны: Детишев... штабс-капитаны: Фролов, Дельцев... и поручик Сафир избраны в состав местного комитета Отделения Союза офицеров Армии и Флота.

Командир полка
полковник Кухин»

Теперь в приказы включаются протоколы заседаний полковых комитетов с обсуждением (и опротестованием) почти всех указаний командира полка. Это была уже не армия... Большевики приступили к осуществлению лозунга — «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую». Еще недавно сплоченный и боеспособный армейский организм стал разваливаться на глазах.

И вот предлагаю последний архивный документ, который не требует комментариев.

«Приложение к приказу по полку № 267, §18
ПРИКАЗ АРМИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО
ФРОНТА,
18 июля 1917, № 794

6 сего июля 607-й Млыновский и 608-й Олыкский полки 6-й Гренадерской дивизии, не оказав противнику сопротивления, не исполнили свой долг перед Родиной, согласованно и предательски оставили занимаемую ими позицию и тем способствовали прорыву наших позиций противником. 4 июля солдатами 21-го Суворовского Гренадерского полка той же дивизии был убит командующий этим полком подполковник Рыков, уговаривавший полк ис-

полнить боевой приказ — сменить другой полк своей дивизии на позиции.

Изложенные факты ярко свидетельствуют о полном разложении дивизии, забывшей свой долг перед свободной Родиной...

П р и к а з ы в а ю :

1. Выделить виновных в убийстве подполковника Рыкова, в подстрекательстве к этому убийству агитаторов... предать их революц[ионно-] полев[ому] суду...

2. Дивизию расформировать немедленно...

Подписал: генерал от инфантерии
Корнилов

Верно: за полкового адъютанта
поручик Певцов»

На этом рассказ о старой русской армии можно закончить. Армии не стало.

Ну, а как складывались дела у поручика Сафира?

Получив в августе 1917-го 2-й батальон и не дождавшись затерявшихся документов о присвоении звания штабс-капитана, в октябре он был переведен в 77-й Западный полк (г. Тула), где 1 марта 1918 года демобилизовался.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В статье использованы документы РГВИА: ф. 409, д. 27, оп. 1; ф. 2840, д. 270, оп. 1, дд. 280, 282, 296-299, 301, 306, 356; ф. 10/В-93.

² Из послужного списка поручика 137-го пехотного Нежинского се императорского высочества великой княгини Марии Павловны полка Поклевского-Козелла (по состоянию на 1895 г.): батальонный адъютант 4-го батальона; родился в 1868 г.; из потомственных дворян Виленской губернии; сын отставного майора; вероисповедание римско-католическое; кончил полный курс 1-го военного Павловского училища по 1-му разряду; выбран хозяином Собрания бригады 35 пд. Содержание: жалования — 312 р., столовых — 183 р., квартирных — 150 р.

³ Например, лейб-гвардии Волянский.

⁴ Гродненский гусарский.

⁵ 1-й Сумский.

⁶ 1-й лейб-драгунский Псковский.

⁷ 1-й С.-Петербургский.

⁸ Ингушский.

⁹ Витебский.

¹⁰ 1-я Закавказская.

¹¹ Закавказская русская отдельная.

¹² Высочайшим приказом от 23. 4. 1917 г. назначен (в звании полковник) командиром 767-го Осовецкого полка.

*Полковник в отставке
В. М. САФИР*

В нашем журнале (№ 10 за 1991 год) в статье В. А. Золотарева «Военная история на новых путях» упоминается теория самостоятельной воздушной войны, выдвинутая итальянским генералом Д. Дуэ. Читатели просят рассказать о ней и ее авторе подробнее. Предлагаем вашему вниманию статью маршала авиации И. И. Пстыго, представляющую авторскую точку зрения на данную проблему.

Устарела ли теория Дуэ?

Научные открытия, изобретения и идеи не имеют ни географических границ, ни политических препятствий и принадлежат всему человечеству. В конечном итоге рано или поздно все они становятся его достоянием.

Однако и по сей день мы редко вспоминаем итальянского генерала Дуэ¹. Много лет нам внушалось, что теория Дуэ — «доктрина воздушной войны» — реакционна по своей сути, ошибочна и не подтверждается боевой практикой. Тщательно проанализировав опыт мировых и локальных войн и будучи беспристрастным, я лично убедился в том, что она не утратила своей актуальности и от события к событию, от войны к войне все более подтверждается. Конечно, одна авиация не может разбить наземного врага и занять его территорию. Но в перспективе дело идет к этому, о чем свидетельствуют действия американских ВВС в Персидском заливе.

Представим себе, что авиация подавила

наземного противника. Высадился большой десант (тоже наполовину авиационный) и оккупировал территорию противника. Но это только схема, а по схемам не живут и не воюют. Попробуем глубже разобраться в данном вопросе.

Чем нагоняли страх на урбанизированную Европу Гитлер и Геринг в 1939-1940 гг.? Массированным применением авиации, колоссальными разрушениями и потерями, которые вызывали панику и парализовывали сопротивление. Мы знаем, как свирепствовали фашистские летчики в Польше и Франции. А с чего началась Великая Отечественная война? С массированного применения авиации. А наша недооценка ее привела к тому, что мы большую и лучшую часть самолетов потеряли на приграничных аэродромах в первый же день войны.

Вспоминается, как в 1941 году двум нашим полкам, вооруженным машинами Су-2, поручили разгромить румынский кавалерийский корпус. Мы и сами не ожидали такого эффекта — за два дня вражеское соединение перестало существовать как боевая единица. Зато вскоре мне пришлось насмотреться, как «мессершмитты» парами беспрепятственно расстреливали и наши отступающие войска, и беженцев, запрудивших все дороги.

Это все факты отдельные. Возьмем события покрупнее, так сказать, в оперативном масштабе. Немецко-фашистская авиация в

¹ Дуэ Джулио (1869-1930) — итальянский военный теоретик, генерал-лейтенант. По образованию артиллерийский офицер. В 1912-1915 гг. служил в ВВС. За критику командования уволен из армии в 1915 г. Вернулся в армию в 1921 г. До 1930 г. был начальником ВВС Италии. В 1910 г. выдвинул идею о ведущей роли авиации в будущей войне. В трудах «Господство в воздухе» (1921 г., русский перевод 1935 г.) и «Война 19... года» (1930 г., русский перевод 1936 г.) развивал теорию «независимых ВВС», способных решать исход войны. По мнению Дуэ, авиация, завоевав господство в воздухе, может ударами по государственным и экономическим центрам противника одна добиться победы в войне. Армии и флоту отводилась вспомогательная роль.

1941 году прокладывала дорогу танкам Гудериана, а за ними шла пехота. Кажется, тогда у нас появился в широком обиходе в войсках термин «господство в воздухе». Так ведь добиваться его в первую очередь и требует теория Дуэ. Характерным примером, подтверждающим правильность ее элементов, является разгром в Перл-Харборе крупнейшей военно-морской и военно-воздушной базы США, на которой сосредоточивались основные силы американских ВМС. Авианосцы — главная ударная сила ВМС Японии скрытно подошли на боевую позицию и утром 7 декабря 1941 года в течение двух часов самолеты двумя волнами нанесли сокрушительный удар по этой базе. В результате уничтожено восемь линкоров, шесть крейсеров, один эсминец, много вспомогательных кораблей, сожжено 272 самолета, убито и ранено 3400 американских солдат и офицеров. Японцы же потеряли всего 29 самолетов². За два часа Япония завоевала господство на море и в воздухе в районе Гавайских островов Тихого океана. После такого удара можно было высаживать любой (сухопутный, морской или воздушный) десант и полностью оккупировать вражескую территорию.

Немцы до 1943 года в основном удерживали господство в воздухе, тем самым во многом затрудняя нашу оборону. Авиация противника контролировала все: и войска, и авиацию, и дороги, и тыл, и связь. А что делалось на переправах! Иначе как кошмаром это не назовешь.

Под Москвой осенью и в начале зимы 1941 года сложилась очень тяжелая обстановка. Но нам удалось ненадолго завоевать оперативное господство в воздухе в зоне оборонных столиц. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков позже отмечал, что авиация систематически поддерживала наши наземные войска, наносила удары по артиллерийским позициям, танковым частям, командным пунктам. Когда же немецко-фашистские армии начали отход, наши самолеты непрерывно штурмовали и бомбили отходящие колонны войск.

В результате боевых действий на Курской дуге наша авиация завоевала стратегическое господство в воздухе. Наши войска, захватив стратегическую инициативу, перешли в наступление. Мы погнали врага на запад. В 1944 году в Белоруссии, когда у нас было абсолютное господство в воздухе, на земле воевали блестяще. Не

могу не вспомнить, как здорово помогала авиация в боях за Берлин и Прагу.

Очень хочется, чтобы командиры наземных войск меня правильно поняли. Я не преувеличиваю значения авиации — сама боевая жизнь все расставила по своим местам. И нас, авиаторов, особенно штурмовиков и истребителей, после 1943 года «полюбили» и приглашали не только на рекогносцировку.

Но вновь и вновь возвращаешься к мысли, что многие изобретения и открытия в конечном итоге обращаются не на благо человечества, а против него же. Особенно это прослеживается в истории авиации. Еще не научились возить грузы, пассажиров, но уже научились воевать на самолетах. А начали с воздушной разведки, выполнявшейся в интересах командования. Затем последовали хотя и примитивные, но сбрасывание бомб, стрельба из приспособленного на самолетах пулемета «максим» (ПВ-1). Боевые средства, их поражающая сила со временем все возрастают. Появились бомбы всех калибров — от 2,5 кг до 10 т, всех назначений: фугасные, осколочные, зажигательные, бронебойные, бетонобойные и др. Затем стали устанавливать на самолеты скорострельные пулеметы ШКАС (1800 выстрелов в минуту), крупнокалиберный пулемет Березина и, наконец, 20, 23, 30, 37, 40 и 76-мм пушки. Появились реактивные снаряды РС и РБС, такие же, что и у «катюш». В 1943 году появились кумулятивные противотанковые бомбы ПТАБ-2,5-1,5, которые пробивали броню любой толщины.

После второй мировой войны в ходе многочисленных локальных войн и других вооруженных конфликтов авиация применяется во все более широких масштабах, к примеру в Корее, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке или в Персидском заливе. Без преувеличения можно сказать, что израильтяне так «жалеют» своих солдат, что войну с арабами ведут в основном летчики.

На самолетах, действующих в любых погодных условиях, сейчас установлены сверхточные прицелы для бомбометания, стрельбы и пуска ракет класса «воздух — поверхность», «воздух — воздух», радиодальномеры, радиолокационные и лазерные прицелы и т. д.

Но вернемся к теории Дуэ. Не надо в ней все хвалить и брать на вооружение. Каждый вид вооруженных сил и каждый род войск имеет свое предназначение, соответствующую технику и вооружение. Решающая

² Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983. С. 551.

роль в разгроме наземных сил или группировок врага, занятии его территории принадлежит и в обозримом будущем, очевидно, будет принадлежать наземным войскам. Но нельзя отвергать эту теорию с ходу, не вникнув в нее глубоко, не сравнив с практикой современных войн. Положения теории Дуэ мы должны глубоко изучать, искать в них рациональные зерна. Мы на своем опыте в этом убедились. И аксиомой стало то, что современный общевойсковой бой и операция немислимы без взаимодействия с авиацией. Главная роль последней — завоевание господства в воздухе.

Под господством в воздухе подразумевается решающее превосходство авиации одной из воюющих сторон в воздушном пространстве на театре военных действий (ТВД) или на решающем направлении, в районе боевых действий. Оно позволяет сухопутным войскам, ВМФ, ВВС и тылу успешно выполнять свои задачи без существенного противодействия со стороны средств воздушного нападения противника. По масштабам господство в воздухе может быть стратегическим, оперативным и тактическим. Последнее может быть непродолжительно — для решения тактической задачи, например при ударе и разгроме авиации и сооружений на аэродромах, расположенных в определенном районе, или над переправами войск через большие реки. Такое господство обеспечивает тактический успех.

Оперативное господство в воздухе обеспечивает проведение операции сухопутных войск фронта, ряда фронтов для решения оперативных задач — разгрома крупной оперативной группировки противника, форсирования на широком фронте большой реки и т. д. Оперативное господство в воздухе мы сумели завоевать в Московской битве в 1941 году.

Под стратегическим господством в воздухе понимается абсолютное превосходство авиации на все время проведения крупной стратегической операции (например, Белорусская операция «Багратион», кампания 1944 года в целом, завершающий период войны). Стратегическое господство в воздухе мы завоевали в ходе битвы на Курской дуге и владели им до конца войны. Однако при любом масштабе господства в воздухе

вовсе не исключаются действия авиации противника, ее отдельных групп, но решающего воздействия на ход операции или кампании они не окажут.

Термин «господство в воздухе» появился в годы первой мировой войны. К сожалению, наше неприятие теории Дуэ сдерживало перед Великой Отечественной войной разработку теории завоевания господства в воздухе и внедрение ее в практику. Мы пришли к признанию ее спустя годы, скорее даже практика обошла теорию (воздушная битва над Кубанью). Во всяком случае, можно твердо сказать, что в этом вопросе наша практика не подкреплялась теорией. Да и сил до 1943 года у нас не хватало. Но больше не хватало умения обобщать и овладевать боевым опытом.

В ряде стран (США, Англия) наш термин «господство в воздухе» именуется «превосходством в воздухе». Но неважно, чей термин точнее, главное — обеспечить свободу боевых действий наземных войск и своей авиации.

Надо иметь в виду, что понятие «господство в воздухе» тоже не является догмой, чем-то раз и навсегда данным. Оно меняется, вернее дополняется, с ростом поражающих свойств оружия, особенно ядерного и термоядерного, когда прорвавшаяся небольшая группа самолетов может причинить большой, а иногда и непоправимый вред войскам.

Когда мы говорим о господстве в воздухе, мы подразумеваем один из элементов теории Дуэ. Итальянский генерал предусматривал завоевание территории тотальным бомбардированием и уничтожением всего и вся на территории противника. С этим безоговорок согласиться нельзя. Однако война в Персидском заливе, когда авиационные удары наносились практически непрерывно, днем и ночью, в течение 28 суток (сухопутные войска действовали только четверо суток), доказывает справедливость многих положений теории Дуэ. И нам необходимо этот опыт изучать. Теория Дуэ в целом и многие ее положения, как, впрочем, и все в мире, претерпевают изменения, а некоторые элементы, детали и совсем утрачивают значение.

*Маршал авиации И. И. ПСТЫГО,
Герой Советского Союза*

«СЕКРЕТЫ» РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

(Организация
изучения истории русско-
японской войны
1904–1905 гг.
Генеральным штабом России)

Русско-японская война 1904–1905 гг. выявила серьезные недостатки в военной системе самодержавия, внесла много нового в военное искусство. В правящих кругах России хорошо понимали, что из этой войны необходимо извлечь уроки.

Еще в ходе войны, после поражения под Мукденом, Главный штаб поднял вопрос о необходимости «организовать теперь же сбор и вывоз из армии важнейших документов исторического значения за первый год войны»¹. Часть документов действующей армии предполагалось отправить фельдъегерями в Петербург в Военно-ученый архив, а остальные собрать во временном архивохранилище в ближайшем тылу². Предложения Главного штаба были одобрены военным министром А. Ф. Редигером и начальником Генерального штаба Ф. Ф. Палицыным. Задачу по сбору и хранению документов возложили на ротмистра К. К. Агафонова. Выбор был не случаен. Агафонов около года в качестве корреспондента газеты «Русский инвалид» работал в Маньчжурии, а ранее в течение 13 лет принимал активное участие в деятельности Военно-исторической комиссии по описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг.³ В августе 1905 года он был командирован на Дальний Восток. По приказу Главнокомандующего русскими войсками на Дальнем Востоке генерала Н. П. Линевича в Харбине было образовано Временное хранилище дел Маньчжурских армий во главе с К. К. Агафоновым. В течение нескольких месяцев продолжался сбор документов в воинских частях. Работа длилась с 19 октября 1905 года по 15 февраля 1906 года, и наконец четыре вагона документов, собранных Временным хранилищем дел Маньчжурских армий, были отправлены в Россию. После долгого пути 9 апреля 1906 года они прибыли в Петербург⁴.

В истории русской армии уже был опыт организации изучения и написания фундаментального военно-исторического труда,

посвященного истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Труд этот разрабатывался более 20 лет, но так и не был завершен в отведенный срок. Написанный текст неоднократно перерабатывался, так как в нем обнаруживалась критика еще живых командующих, в том числе и представителей императорской фамилии. Интересный эпизод, связанный с работой комиссии, рассказывал А. И. Деникин, в ту пору слушатель академии Генерального штаба: «В 1897 году по желанию государя поручено было лектору академии (Николаевской академии Генерального штаба. — В. А.) подполковнику Е. И. Мартынову по материалам комиссии прочесть стратегический очерк кампании в присутствии старейшего генералитета с целью выяснения: «возможно ли появление в печати истории войны при жизни видных ее участников». Деникин писал: «Слушателям академии разрешено было присутствовать на этих сообщениях, состоявшихся в одной из наших аудиторий. На меня произвели они большое впечатление ярким изображением из рук вон плохого подчас управления войсками. Должно быть, сильно задета высокосановная часть аудитории (присутствовал и бывший командующий на Кавказском театре войны великий князь Михаил Николаевич), так как перед одним из докладов Мартынов счел необходимым обратиться к присутствовавшим с такими словами:

— Мне сообщили, что многие из начальников, участников минувшей кампании, выражают крайнее неудовольствие по поводу моих сообщений. Я покорнейше прошу этих лиц высказаться. Каждое слово свое я готов подтвердить документами, зачастую собственноручными, тех лиц, которые выражали претензию»⁵.

Не отозвался никто. А выпуск подготовленной истории был опять отложен. К этому остается добавить, что подполковник Е. И. Мартынов за свою смелость был из-

гнан из академии. Однако спустя девять лет, когда в военном ведомстве обсуждался вопрос составления официальной истории войны с Японией, имя его, уже генерала, снова появляется в поле зрения высшего военного руководства.

В сентябре 1905 года Мартынов обращается к начальнику Генерального штаба Ф. Ф. Палицыну с письмом, содержащим план организации работ по изучению русско-японской войны 1904-1905 гг. Суть последнего заключалась в том, чтобы собрать и систематизировать все официальные источники и возможно большее число частных материалов, относящихся к войне, а затем предложить всем желающим на основании собранных материалов разработать отдельные сюжеты и проблемы войны. Появившиеся многочисленные и самые разнообразные монографии несомненно вызвали бы возражения и критику. Автор плана считал, что только после этого можно будет «составить беспристрастную и точную официальную историю войны»⁶.

Письмо Е. И. Мартынова к Ф. Ф. Палицыну не осталось незамеченным. В Генеральном штабе, конечно, понимали, что опыт войны на Дальнем Востоке внес много нового «в теорию военных операций и действий» и поэтому «было бы весьма желательно этим опытом своевременно воспользоваться»⁷. Если при работе над историей русско-турецкой войны 1877-1878 гг. комиссия еще могла позволить себе некоторый критический элемент, так как война все-таки была победоносной для русской армии, то теперь положение было иное. Позорно проигранная война с Японией вовсе не располагала к особой откровенности. Допустить глубокую критику военной системы самодержавия правящие круги не могли. Однако предложения Мартынова были конструктивными.

По указанию Ф. Ф. Палицына была образована специальная подготовительная комиссия под председательством генерала Н. С. Ермолова⁸ с целью рассмотреть поднятый вопрос. В эту комиссию и было передано письмо Е. И. Мартынова.

Спустя менее чем месяц подготовительная комиссия представила в Генеральный штаб свои соображения в виде специальной записки. В ней предлагалось для рассмотрения «всех вопросов, связанных с составлением истории русско-японской войны, как подготовительных в настоящее время, так и возникающих уже при исполнении означенной работы», создать особую распорядительную комиссию при Главном управлении Генерального штаба под председательством начальника последнего⁹, в которую целесообразно было ввести генерал-квартирмейстера Генерального штаба, начальника Военно-исторического отделения, а также других членов по выбору начальника Генерального штаба. Не-

посредственную разработку истории войны рекомендовалось возложить на нескольких офицеров — в качестве редакторов и составителей истории¹⁰.

По мнению Н. С. Ермолова и его коллег, во-первых, необходимо было собрать разнообразные материалы по русско-японской войне, в том числе приобрести «все печатные русские и иностранные сочинения по этой войне» и вернуть документальные материалы, «захваченные японцами во время военных действий». Во-вторых, отмечалось, что Генеральный штаб должен содействовать «изданию отдельными лицами очерков о войне». Выдвигалось предложение работы, заслуживающие внимания, печатать за казенный счет, а за лучшие из них выдавать премии.

Относительно работы по изучению и составлению истории русско-японской войны давался совет ограничиться кратким очерком войны с тем расчетом, чтобы издание его было осуществлено за два-три года. Его намечалось писать «по особо выработанной программе, последовательно отдельными выпусками», которые по мере готовности выходили бы в свет отдельными книжками или же помещались в «Военном сборнике».

В заключение генерал-майор Н. С. Ермолов в записке отмечал: «Составление все-сторонней и подробной истории войны должно последовать по окончании краткого очерка войны и материалов»¹¹.

Ознакомившись с результатами работы подготовительной комиссии, начальник Генерального штаба приказал 22 ноября 1905 года представить специальный доклад на основании заключения комиссии Н. С. Ермолова.

30 января 1906 года Ф. Ф. Палицын обратился с письмом к военному министру А. Ф. Редигеру, где высказал основные предложения для внесения в Военный совет. В письме, в частности, говорилось: «Желание своевременно обратиться в пользование данных опыта минувшей войны с Японией побуждает теперь же приступить к составлению истории этой войны, обусловив дело так, чтобы в возможно непродолжительное время история была бы напечатана и притом в достаточно обстоятельном и подробном виде»¹². Довольно скоро было получено принципиальное согласие военного министра на организацию «составления истории минувшей войны с Японией»¹³. Заручившись поддержкой военного министра, Ф. Ф. Палицын 9 марта обратился в Военный совет с представлением об образовании исторической комиссии для описания русско-японской войны.

Учитывая опыт работы над описанием русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Палицын четко определял задачи. Он планировал «сразу назначить в комиссию... достаточное число работников; задать со-

ставлением полного, но не слишком много-томного описания кампании и категорично, вперед, установить срок, в который работа должна быть закончена»¹⁴. По своей структуре будущий труд должен был состоять из восьми частей, а каждая часть соответствовать определенному периоду войны.

Ф. Ф. Палицын предложил образовать Военно-историческую комиссию в составе председателя, девяти членов-составителей, заведующего архивом и делопроизводством комиссии, заведующего картографической частью и печатанием ее трудов, а также топографа и двух писарей¹⁵. Такой состав представлялся ему оптимальным.

1 июня 1906 года Военный совет одобрил предложения начальника Генерального штаба, и Ф. Ф. Палицын обратился к Николаю II с докладом о необходимости приступить к практическим мероприятиям по образованию Военно-исторической комиссии. На пост председателя он рекомендовал командира 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии генерал-майора В. И. Ромейко-Гурко (сына героя русско-турецкой войны 1877-1878 гг. генерал-фельдмаршала И. В. Гурко). 18 июля 1906 года царь утвердил эту кандидатуру¹⁶. Других членов комиссии ее председатель должен был подобрать сам.

Все лето между Военно-историческим отделением ГУГШ и возможными кандидатами в официальные историографы шла интенсивная переписка. Наконец 3 сентября 1906 года Николай II одобрил представление Ф. Ф. Палицына, а 16 сентября 1906 года приказом по военному ведомству № 579 при ГУГШ была образована комиссия для описания русско-японской войны. Как и планировал Ф. Ф. Палицын, в нее вошли 12 офицеров, один военный топограф и два нижних чина. Среди них прикомандированные к ГУГШ полковники Ф. П. Рерберг, С. П. Илинский, В. Н. Минут, начальник штаба 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии полковник А. М. Хвостов, прикомандированный к Главному штабу полковник К. М. Адариди, командир 2-го гренадерского Ростовского полка полковник П. Н. Симанский¹⁷, командир 11-го пехотного Псковского полка полковник М. В. Грулев. Последние трое назначались в комиссию с переводом в Генеральный штаб¹⁸.

Ответственным за архив и делопроизводство комиссии был назначен ротмистр К. К. Агафонов, картографической частью заведовал полковник барон Н. А. Корф. Чуть позже в нее вошли полковник Н. Н. Сиверс и инженер-подполковник барон А. В. Шварц.

Подбор членов-составителей официальной истории русско-японской войны был не случаен. Почти все они окончили Николаевскую академию Генерального штаба, которая давала своим выпускникам хорошую

военно-историческую подготовку. Все члены комиссии, за исключением П. Н. Симанского, принимали участие в войне. Некоторые имели опыт практической военно-исторической работы. Например, полковник С. П. Илинский принимал участие в разработке монографии «Описание боевых действий Маньчжурских армий под Мукденом с 4 февраля по 4 марта 1905 года», а затем в составлении всеподданнейшего отчета о русско-японской войне. Полковник Н. Н. Сиверс принимал участие в сборе материалов для четвертого тома отчета А. Н. Куропаткина «Итоги войны».

Для работы комиссии были созданы хорошие условия. Всем членам сохранялось денежное содержание по последней должности, давались квартирные деньги по окладу для Петербурга и, кроме того, назначались суточные из расчета 4 рубля. Вместе с тем перед членами комиссии было выдвинуто жесткое требование «посвятить все рабочее время исключительно трудам, связанным с порученным им делом, а равно и не принимать иных должностей, хотя бы и с повышением по службе, до окончания порученного им труда»¹⁹.

Первое заседание Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны 1904-1905 гг. состоялось 9 октября 1906 года на квартире В. И. Гурко²⁰. Председатель ознакомил личный состав с характером предстоящей работы, особо подчеркнул недопустимость «субъективной критики» и необходимость при разработке труда группировать факты и материалы таким образом, чтобы «читатель сам мог вывести известное заключение»²¹.

Непосредственно научно-исследовательская работа велась по плану, разработанному на первом заседании комиссии. В соответствии с определенными периодами войны работа делилась на несколько частей. Каждому члену-составителю поручалось разработать конкретный период. Так, П. Н. Симанский должен был освещать военно-политическую подготовку к войне России и Японии, начальную период войны поручался С. П. Илинскому, Ляоянская операция — Ф. П. Рербергу, сражение при Шахэ и Сандепу — М. В. Грулеву, Мукденское сражение — К. М. Адариди, Сыпингайский период — Н. Н. Сиверсу. Только раздел об обороне Порт-Артура разрабатывали два автора — А. М. Хвостов и А. В. Шварц. По мере готовности отдельные главы планировалось представлять для прочтения и редактирования председателю комиссии.

С самого начала работа Военно-исторической комиссии находилась под жестким контролем со стороны военного ведомства. Для проверки исполненных работ и общего руководства ее деятельностью была создана особая Распорядительная комиссия во главе с начальником Генерального штаба

Ф. Ф. Палицыным, в состав которой вошли генерал-квартирмейстер Генерального штаба генерал-лейтенант Н. В. Дубасов, профессор Николаевской академии Генерального штаба полковник А. К. Баиов и начальник Архивно-исторического отделения ГУГШ полковник И. И. Вивьен де Шатобрен. Каждые четыре месяца председатель Военно-исторической комиссии должен был отчитываться о проделанной работе перед Распорядительной комиссией, а фактически перед начальником Генерального штаба. О ходе работ информировали и Николая II.

Первоначально члены Военно-исторической комиссии, исходя из указаний Ф. Ф. Палицына, полагали, что объем всего издания составит 1,5 — 2,5 тыс. страниц. По мере готовности разделов их решено было «выпускать особыми выпусками не более 60 страниц в выпуске»²². В. И. Гурко рассчитывал издать первый выпуск уже в 1909 году и в этом же году закончить печатание всего труда. Примерный тираж определялся в 3000 экземпляров.

9 ноября 1906 года на первом заседании Распорядительной комиссии Ф. Ф. Палицын в целом одобрил план работы над будущим описанием войны. В то же время он подчеркнул, что исследование должно быть «не критикою минувших военных событий, но правдивым изложением бесспорных фактов»²³.

12 ноября 1906 года Военно-историческая комиссия в полном составе была представлена царю. Николай II выразил желание составителям, чтобы в будущей работе был «возможно полно и ясно изложен ход событий минувшей войны» и что «главное достоинство работы должно будет заключаться в полной правдивости и беспристрастности»²⁴. Сроком окончания всех работ и выхода в свет труда комиссии было назначено 1 января 1910 года.

На протяжении всей работы Военно-исторической комиссии самое пристальное внимание уделялось всеобъемлющему сбору документов и материалов. На этом особенно настаивал начальник Генерального штаба. «Желательно, чтобы все было использовано для составления истории», — подчеркивал он в ноябре 1906 года²⁵. Такая установка побуждала авторов — составителей описания и особенно К. К. Агафонова вести энергичную поисковую работу.

Исходной источниковой базой разрабатываемого труда послужили документы из Временного хранилища дел Маньчжурских армий, доставленные с Дальнего Востока. Для приведения их в порядок при Общем архиве Главного штаба было создано особое делопроизводство, которое затем передавало материалы в архив Военно-исторической комиссии. Однако отдельные войсковые части не сдали свои дела. Потребовался специальный приказ по Военному

министерству и приказ начальника Генерального штаба об обязательной сдаче в архив Главного штаба всех дел, относящихся к военным действиям в Маньчжурии²⁶. Несмотря на принятые меры, какая-то часть материалов была недоступна. Через газету «Русский инвалид» Военно-историческая комиссия обратилась ко всем участникам войны с просьбой предоставить в ее пользование сохранившиеся у них дневники, воспоминания, письма и иные подлинные записи²⁷. Откликнулись только 12 человек.

Больше года велась подготовительная работа — подбор документов, снятие копий и т. п. Она оказалась настолько сложной и трудоемкой, что пришлось прикомандировать к каждому члену комиссии составителю строевого офицера.

Комиссия собрала архив, насчитывавший свыше 40 тыс. дел. В нем были сосредоточены важнейшие материалы оперативного характера, дела Временного и Полевого штабов наместника на Дальнем Востоке, дела штаба Квантунской области, Порт-Артурского гарнизона, переданные из следственной комиссии о сдаче крепости. Сотрудникам комиссии была предоставлена возможность пользоваться материалами всех главных управлений Военного министерства. Кроме того, для них были открыты архивы Министерства иностранных дел и Министерства финансов, в том числе и секретные материалы. Надо сказать, что для обеспечения комиссии необходимыми источниками много сделал сам начальник Генерального штаба. Благодаря ему в распоряжении исследователей оказались такие ценные документы, как материалы Собственной канцелярии Николая II по Дальнему Востоку.

Через несколько месяцев работы выяснилось, что первоначально задуманная программа описания русско-японской войны слишком объемна. Начальник Генерального штаба потребовал ограничить исследование 2200 страницами. Речь уже не шла о серьезных фиксированных выводах из опыта войны. Ф. Ф. Палицын подчеркивал, что «официальное историческое описание русско-японской войны, заканчиваемое в определенный срок, не может быть последним словом об этой войне». Будущий труд рассматривался им теперь как «толчок дальнейшим исследованиям по русско-японской войне», как основание этим исследованиям²⁸.

Под постоянным контролем начальника Генерального штаба находился вопрос о недопустимости критики русского командования в Маньчжурии. Так, на одном из заседаний Распорядительной комиссии В. И. Гурко на вопрос Ф. Ф. Палицына, намечены ли выводы из описываемых действий, ответил, что «опасается сделать или поручать делать критические выводы»²⁹.

В ходе работы Военно-исторической комиссии изменились и первоначальные планы издания труда. Теперь вместо отдельных выпусков предполагалось издать сразу все описание русско-японской войны в нескольких томах. Отдельно намечалось подготовить к печати и издать документы русско-японской войны. Эта работа, которой ведало Военно-историческое отделение ГУГШ, так и не была осуществлена.

Одновременно с составлением описания войны собирался и классифицировался картографический материал. В декабре 1907 года первые разработанные главы были представлены начальнику Генерального штаба, а к весне 1909 года работа над первыми томами описания практически завершена.

При подготовке трудов к публикации возникали трудности. Наибольший интерес вызывает история первой главы первого тома, разработанной П. Н. Симанским, о дипломатической и военной подготовке к войне России и Японии. Работая в архивах Министерства иностранных дел, П. Н. Симанский в результате упорных изысканий выявил «интереснейший и никем еще не тронутый материал». По его словам, перед ним «раскрылись широкие горизонты мировой политики»³⁰. Вследствие этого глава по объему и характеру исследований вышла за рамки первоначальной программы. Переданная министру иностранных дел А. П. Извольскому для ознакомления, она была признана последним неприемлемой для печати. В своем отзыве 27 января 1909 года министр отмечал, что события, о которых повествуется в главе, «до такой степени еще свежи в памяти современников и касаются столь тревожного и невыясненного еще периода нашей политической истории, что печатание этой главы, хотя бы даже в самом ограниченном количестве экземпляров», безусловно, несвоевременно и нежелательно³¹. Кроме того, в Министерстве иностранных дел привлекли к чтению этой главы бывшего наместника на Дальнем Востоке генерал-адъютанта Е. И. Алексеева³², лицо явно заинтересованное. Он также выразил недовольство критикой своей персоны, содержащейся в этой работе. Весьма вероятно, что именно последнее обстоятельство послужило дополнительным основанием для столь отрицательного отзыва министра иностранных дел³³.

Учитывая, что в таком виде главу вряд ли будет возможно включить в общее издание трудов комиссии, В. И. Гурко предложил составить вместо нее «беглый очерк событий», предшествовавших войне. В то же время, хорошо понимая большую историческую ценность собранного Симанским материала, председатель комиссии предложил все-таки напечатать главу «на правах рукописи в самом ограниченном числе экземпляров»³⁴. «Пришлось, дабы не погуб

весь труд, перенести его на страницы самостоятельного издания»³⁵, — вспоминал впоследствии автор.

Надо сказать, судя по служебной переписке Военно-исторической комиссии, выбранное Симанским направление работы над внешнеполитической главой было заранее санкционировано царем. Николай II разрешил с самого начала работы пользоваться секретными документами различных министерств и учреждений.

Вступительная глава вновь была переработана Симанским и после снятия всех ссылок на подлинные документы отправлена в Министерство иностранных дел. Последовавший ответ, как и в первый раз, был отрицательным.

Что же вызвало такую реакцию со стороны А. П. Извольского? В целом министр весьма высоко оценил труд П. Н. Симанского, подчеркнув, что «благодаря собранному в нем обширному материалу он весьма живо характеризует эпоху, предшествовавшую войне, и тогдашних деятелей». Однако работа проливала нежелательный свет на некоторые стороны внешней политики самодержавия, показывала несостоятельность феодально-бюрократического государственного аппарата России, вполне проявившуюся в русско-японской войне. Извольский заметил, что «при чтении этой главы вырисовывается яркая картина отрицательных сторон нашей государственной жизни: междуведомственной розни, отсутствия общего плана в достижении намеченных задач — и вместе с тем откровенно разоблачаются некоторые замыслы, окончившиеся неудачей, взаимная вражда России и Японии, а равно и недоброжелательство других держав, в том числе и Англии»³⁶. Между тем в то время намечалось сближение России с Англией. В 1907 году было подписано англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния, поэтому глава русского МИДа не хотел компрометировать результаты проделанной его ведомством работы.

В Военном министерстве имели свой взгляд на освещение предыстории войны. Поэтому А. П. Извольскому довольно решительно возражал уже новый начальник Генерального штаба В. А. Сухомлинов. В докладе на имя государя он высказался за публикацию вступительной главы в том виде, в каком ее написал Симанский, подчеркивая, что если и обнажатся некоторые отрицательные стороны нашей государственной жизни, то «с достаточной яркостью выкажется, до какой степени лишь неизбежным ходом исторических событий мы были вовлечены сначала в политическую борьбу, а затем и в вооруженное столкновение с Японией»³⁷. Многострадалная рукопись была направлена государю. Прочитав ее, царь подписал в углу титульного листа: «Прекрасно написано. Нико-

лай»³⁸. В итоге первый том был напечатан без каких-либо существенных изменений.

Но вернемся к первому варианту рукописи первой главы первого тома. Свое расширенное исследование П. Н. Симанский в значительной степени дополнил материалами архивов других министерств и ведомств. Из трех глав получился объемистый том — свыше 400 страниц убогистого текста. Он был отпечатан в секретном отделе военной типографии в количестве семи экземпляров под названием «События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891-1903 гг.)»³⁹. По словам автора, Николай II сказал, что возьмет эту работу с собой, «когда поедет в шхеры, где только и удастся ему читать без постоянных помех и перерывов»⁴⁰. Прочел ли император исследование и какие выводы сделал, мы не знаем, но рассекречено оно было только в наши дни.

К началу 1910 года работа Военно-исторической комиссии была завершена. Итогом ее стал труд «Русско-японская война 1904-1905 гг.» в девяти томах. Общий объем издания составил 600 печатных листов. Отдельно в 9 альбомах был выпущен атлас, включавший 525 карт и планов. Тираж издания составил 4050 экземпляров, часть его бесплатно рассылалась в войска.

15 декабря 1910 года Военно-историческую комиссию по описанию русско-японской войны расформировали. Архив и делопроизводство были сданы в Военно-ученый архив Главного управления Генерального штаба. Всем бывшим членам комиссии 11 января 1911 года объявлено «высочайшее благоволение... за особые труды» по составлению описания русско-японской войны 1904-1905 гг.

Созданный русскими офицерами труд не имел аналогов в мировой военной историографии того времени. За четыре года небольшая группа людей изучила 12 тыс. документов, обобщила огромную массу материалов. В результате удалось создать описание войны, по своей длительности, числу вовлеченных в нее сил и размаху превосходившей все войны предыдущего столетия.

Появление официального описания русско-японской войны, особенно в столь короткий после ее окончания срок, было большим событием в научной и общественной жизни России. Так, газета «Биржевые ведомости» писала: «...нельзя не порадоваться быстроте работы комиссии... Успех огромный, особенно если вспомнить о другой комиссии по описанию русско-турецкой кампании — даже к 30-летию юбилею войны не удосужившейся закончить ее историю»⁴¹. Этому факту нельзя не удивляться и сегодня, когда спустя 48 лет после окончания Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. так и не появилось фундаментального труда о ней.

К работе русских военных историков сразу был проявлен большой интерес со стороны французских, немецких и итальянских издателей, которые обратились с просьбой о разрешении перевода труда Военно-исторической комиссии. Такое разрешение было дано, и вскоре появились французский, немецкий, итальянский, а затем и японский переводы описания русско-японской войны. Впоследствии русский опыт был использован немцами, французскими и австрийскими военными историками при разработке истории первой мировой войны 1914-1918 гг.

Эпиграфом к своему труду члены Военно-исторической комиссии взяли слова из Лаврентьевской летописи: «И ныне, господа отцы и братья, оже ся где буду описал, или переписал, или не дописал, чтите исправливая Бога для, а не кляните». Рамки жанра «официального описания» войны соблюдены. В труде преобладает беспристрастная фиксация с той или иной полнотой конкретных событий. Вместе с тем подробно рассматриваются обстановка на Дальнем Востоке накануне войны, подготовка русских вооруженных сил, излагается административное устройство центральных органов и работа тыловых учреждений. Несмотря на крайнюю осторожность в собственных выводах и суждениях, авторы признают, что «к боевому столкновению с Японией Россия оказалась не подготовленной ни в политическом, ни в военном отношении»⁴². Глубокого анализа причин этой неподготовленности, неудач русских войск и оценки действий русского командования они не дают, считая, что время для критики еще не пришло. Да этого, если бы они даже захотели, им бы никто не позволил сделать. Главы, разработанные П. Н. Симанским, пример тому. И, конечно, трудно при изначальной установке — «не делать критических замечаний и выводов», при жестких сроках разработки труда ожидать от авторского коллектива должной глубины анализа огромного исторического материала.

Итог работы комиссии по описанию русско-японской войны свидетельствует о том, что руководство русского Генерального штаба весьма серьезно отнеслось к изучению боевого опыта русско-японской войны. Следует признать, что в условиях сложной внутриполитической обстановки, не позволявшей, с точки зрения правящих кругов, касаться всех аспектов войны, тогдашний начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын взял единственно верный курс — выбрал жанр не «истории», а «описания», справедливо полагая, «что официальное описание войны не может быть последним словом об этой войне; оно будет, может, канвой для будущих исторических исследований»⁴³.

Труд Военно-исторической комиссии от-

личается богатством фактического материала, снабжен подробными примечаниями, каждый его том имеет обширные приложения, представляющие собой подборку документов. Появление в открытой печати основных документов, раскрывающих ход войны, показывающих механизм выработки тех или иных решений русского командования, было, несомненно, положительным явлением. Это делало доступной для массы офицеров общую картину войны. Разосланный в войска труд Военно-исторической комиссии широко использовался непосредственно в военных округах для изучения опыта русско-японской войны. Например, будущий Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, используя этот труд, подготовил и прочитал в Ташкентском окружном офицерском собрании два доклада: «Операция 2-й русской армии под Сандепу» и «Поход к полю сражения и усиленная разведка на основании Бородино и Вафангоу»⁴⁴. И в наше время кто бы ни взялся за изучение русско-японской войны, он обращается и будет обращаться к труду русских офицеров Генерального штаба, созданному в начале столетия, сразу же по горячим следам событий.

В. А. АВДЕЕВ,
кандидат исторических наук

¹ РГВИА, ф. 400, оп. 21, д. 3505, л. 3.

² Непосредственным поводом для принятия мер по сохранению документов русских армий в Маньчжурии послужила утрата части документов штаба Главнокомандующего во время отступления из Мукдена. РГВИА, ф. 202, оп. 1, д. 31, л. 1.

³ О работе Военно-исторической комиссии по описанию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. см.: *Золотарев В. А.* Россия и Турция: Война 1877-1878 гг.: Основные проблемы войны в русском историко-культурном и историографии. М., 1983. С. 143.

⁴ Более подробно об этом см.: *Австратов А. В.* Тайна архива с Мандаринской дороги // *Воен.-истор. журнал.* 1991. № 11. С. 91-96.

⁵ *Деникин А. И.* Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С. 88.

⁶ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1172, л. 319-319 об.

⁷ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 69089, л. 1.

⁸ Ермолов Николай Сергеевич (1853-?) — генерал-лейтенант. Окончил академию Генерального штаба и Петербургский университет. В описываемый период генерал был поручен при начальнике Генерального штаба. В годы первой мировой войны русский военный агент (атташе. — В. А.) в Англии.

⁹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1172, л. 321.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 322.

¹² Там же, ф. 400, оп. 21, д. 3647, л. 19.

¹³ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 1172, л. 1.

¹⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 69089, л. 1.

¹⁵ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 1172, л. 8.

¹⁶ Там же, л. 49-49 об.

¹⁷ П. Н. Симанский был известен среди офицеров Генерального штаба своими военно-историческими трудами, и поэтому его участие в работе комиссии представлялось весьма желательным. Однако с его назначением возникли сложности, так как он являлся командиром того самого 2-го Ростовского полка, который в декабрьские дни 1905 г. отказался стрелять в восставших рабочих Москвы. В связи с этим 8 сентября 1906 г. он был отдан под суд и приговорен к заключению на 8 месяцев в крепости, замененному Николаем II месяцем гауптвахты. По настоянию начальника Генерального штаба Ф. Ф. Палицына 14 февраля 1907 г. П. Н. Симанский был назначен в комиссию.

¹⁸ Об институте офицеров Генерального штаба см.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе республике Советов 1917-1920 гг. М., 1988. С. 181-184.

¹⁹ РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 69089, л. 32 об.

²⁰ Систематическая работа комиссии началась 15 октября 1906 г., после того как Азиатский отдел Главного штаба выделил помещение в доме № 32 по Английской набережной.

²¹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1626, л. 15.

²² Там же, д. 1632, л. 1 об.

²³ Там же, л. 1.

²⁴ Там же, д. 1626, л. 176.

²⁵ Там же, д. 1632, л. 1.

²⁶ Приказ по военному ведомству № 674 от 16 ноября 1906 г.

²⁷ См.: *Русский инвалид.* 1906. № 231. Это обращение было перепечатано рядом других газет.

²⁸ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1632, лл. 4 об., 5.

²⁹ Там же, лл. 6-7.

³⁰ *Симанский П.* Дневник генерала Куропаткина (Из моих воспоминаний) // *На чужой стороне.* 1925. № 11. С. 64.

³¹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1656, л. 1.

³² Алексеев Евгений Иванович (1843-1909) — адмирал. Внебрачный сын Александра II. Окончил морской кадетский корпус. Член Государственного совета. Будучи наместником на Дальнем Востоке, способствовал развязыванию войны с Японией.

³³ См.: *Симанский П.* Дневник генерала Куропаткина... С. 66.

³⁴ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1656, л. 6.

³⁵ *Симанский П.* Дневник генерала Куропаткина... С. 64.

³⁶ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1656, л. 15-15 об.

³⁷ Там же, л. 18 об.

³⁸ *Симанский П.* Дневник генерала Куропаткина... С. 67.

³⁹ *Симанский П. Н.* События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891-1903 гг.). СПб., 1910. См.: РГВИА, ф. ВУА, оп. 6, д. 1. Местонахождение этого труда любезно указано автору А. В. Австратовым. Распределение этих семи экземпляров было следующим. Экземпляр № 1 представлен царю, № 2 — в секретный отдел Военно-ученого архива, № 3 — в Министерство иностранных дел, № 4 — в русское посольство в Токио, № 5 — в русское посольство в Пекине. По экземпляру досталось автору и председателю Военно-исторической комиссии В. И. Гурко.

⁴⁰ *Симанский П.* Дневник генерала Куропаткина... С. 67.

⁴¹ Биржевые ведомости. 1909. 28 нояб. № 1430. Для сравнения: история франко-прусской войны 1870 г. разрабатывалась германским генеральным штабом девять лет.

⁴² Русско-японская война 1904-1905 гг.: Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 1. С. 750.

⁴³ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1634, л. 4 об.

⁴⁴ *Шапошников Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1984. С. 168.

**В ближайших номерах читайте отрывки из секретного тома
«События на Дальнем Востоке, предшествовавшие
русско-японской войне (1891-1903 гг.)», подготовленного
Генерального штаба генерал-майором П. Н. Симанским.**

МЕТКИМ УДАРОМ

Уборочная кампания на Украине.

Рис. Б. Ефимова

Сентябрь. 1943 год

«Неудержимой лавиной шли на штурм Днепра войска Воронежского фронта... они развернули наступление сначала на полтавско-кременчугском, а затем киевском направлении. Преодолевая упорное сопротивление противника, войска фронта освободили Сумы, Ромны, Прилуки и к 22 сентября вышли к Днепру в районе Киева...

Войска Степного фронта взламывали оборону врага на полтавско-кременчугском направлении...

К концу сентября соединения Юго-Западного фронта, освободив северные районы Донбасса, вышли к Днепру в полосе от Днепропетровска почти до Запорожья...

В сентябре 1943 г. «Восточный вал» гитлеровцев рухнул».

Великая
Отечественная
народная.

М., 1985. С. 138-142.

ИЗ КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ПЕЧАТИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Самообслуживание

— Зачем ты выкопал себе могилу, Фриц? Ведь красные еще далеко.

— У меня правило: никогда не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

«Боевой натиск»

Такие дела

— Хорошо бы, Карл, изобрести панцири на грудь, непроницаемые для русских пуль...

— Зачем же на грудь при теперешних наших делах? Уж лучше на спину!

«Вперед»

Уроки немецкого языка
Задумав свой поход, вначале
Фашисты яростно кричали.
Теперь немецкая печать
Рекомендует им молчать.

«За Родину»

Туда и обратно

— Рядовой Штриппке, почему вы так медленно двигаетесь вперед?

— Русские мешают, господин фельдфебель...

— Рядовой Штриппке, почему вы так быстро двигаетесь назад?

— Русские помогают, господин фельдфебель...

«Тревога»

Мороз в жару

У постели больного Гитлера.

Врач. Как вы себя чувствуете, герр

фюрер?

Гитлер. Бр... Бр... Бр-р...

Врач. Вас лихорадит? На что жалуетесь?

Гитлер. Брр... Бр-ря... Бр-рянское направление.

«Большевицкий натиск»

Тотальная мобилизация

— Ого! Такой худой и такой тяжелый!

— Не извольте удивляться, герр доктор: у меня нога из нержавеющей стали.

«Фронтовая правда»

Знаток

— Скажите, пленный Шульц, знаете ли вы Генриха Гейне?

— Как же! Это наш немецкий писатель. Я сжег немало его книг.

«Патриот Родины»

Виды на пополнение

— Когда я посмотрел на новое пополнение, Ганс, у меня опустились руки.

— А мне, наоборот, захотелось поднять руки вверх.

«Патриот Родины»

ПОСЛЕ БОЯ

— Пойти навестить шестую роту, что ли? А то ему одному, бедному, скучно.

Рис. А. Каневского

АНЕКДОТЫ, РАСКАЗАННЫЕ НЕМЕЦКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ

В ожидании чуда

В Германии знаменитой киноактрисой считается Цара Левандер. Популярная песня в одном из ее кинофильмов начинается словами: «Я верю, что еще может произойти чудо».

Гитлер пригласил актрису в ставку.

— Отныне, — сказал он, — вместо оперативных сводок вы будете ежедневно петь.

— Что? — спросила певица.

— «Я верю, что еще может произойти чудо».

Сплошное свинство

Известный немецкий комик однажды вывел на арену цирка трех свиней и начал представлять их публике.

— Первую свиню назовем Эльзой, вторую — Мартой, а третью, самую жирную, по достоинству можно назвать Герингом.

Комик был посажен в концлагерь на полгода. Выйдя из концлагеря, он снова появился в цирке, но на этот раз с двумя свинями.

— Итак, первую свиню зовут Эльзой, вторую — Мартой...

— А где же Геринг? — спрашивают из публики.

УКРАИНОВЕД

— Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!..

Рис. Б. Ефимова

— Из-за этой свиньи я не хочу снова сидеть в концлагере, — ответил комик.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Стокгольм. Недавно в Берлине распространился слух, что Геббельс сошел с ума. Германское информационное бюро поспешило разъяснить: Геббельс действительно сошел с ума, но не министр пропаганды, а его брат Ганс — директор страхового общества. Психиатры единодушно признали Ганса Геббельса помешанным, когда он в последнее время начал упорно заявлять, что его брат говорит правду.

Осло. Встревоженные друзья Квислинга обратились к нему с вопросом по поводу слов квислинговца Херейда: «Все мы висим на волоске!». Квислинг разъяснил, что тревожиться нечего: «Если оборвется волосок, всех нас повесят на крепкой веревке».

Стокгольм. Как известно, после оставления немцами Таганрога германское командование объявило, что «немецкие солдаты на фронте сохраняют полное спокойствие». Как и следовало ожидать, такое же «полное спокойствие» охватило немцев на конотопском направлении, на смоленском, на брянском, западное и

ТЫ СИДИШЬ У КАМИНА...

— Брр!.. Холодно!.. Подкинь угля в камин.

— К сожалению, могу подкинуть только вот эту бумагу.

Рис. Кукрыников

юго-западнее Харькова, в Донбассе. В связи с тем что эти сообщения вызвали в Германии большое беспокойство, германское командование разъяснило: оно имело в виду не живых, а мертвых немецких солдат, которые, глубоко закопавшись в землю, прочно удерживают заранее подготовленные позиции.

Берлин. В германских военных кругах с удовлетворением отмечают, что в последнее время немецкие солдаты и офицеры на разных направлениях русского фронта получают ранения только в одном направлении — в затылок, спину и прочие тыловые части.

Стокгольм. Берлинский радиогенерал Дитмар в своем очередном обзоре призвал немцев радоваться тяжелым потерям германских войск в России, ибо «таким путем мы вынуждаем русских расходовать большое количество снарядов и других огневых средств».

Берлин. Из осведомленных источников сообщается, что русские вынуждены мобилизовать население целых городов. Так, например, за последнее время на фронте появились Харьковские, Таганрогские, Сумские, Мариупольские, Конотопские, Бахмачские и другие дивизии.

ОДНО ИЗ ДВУХ

— Как быть с фюрером: повесить или поставить к стенке?

Рис. Ю. Ганфа

*Публикацию подготовил
А.Е. ВИХРЕВ,
заслуженный работник культуры РФ*

Публикуемые документы относятся к периоду подготовки и начала второй мировой войны. Полученный оперативным путем материал беседы доктора Клейста дает наглядное представление о завоевательской политике Гитлера и планах агрессии на Западе и Востоке. «За беспощадным очищением Востока последует «западный этап», который должен будет окончиться поражением Франции и Англии, будь то военным или политическим путем. Лишь после этого можно будет рассчитывать на осуществимость разгрома Советского Союза». Вот так! А нам рассказывают сказки о превентивной войне, которую якобы готовил Советский Союз против Германии.

В докладе заместителю народного комиссара обороны СССР — начальнику Главного разведывательного управления РККА комдиву И.И. Проскурову сообщается о том, что германский военный атташе генерал Кестринг проинформировал начальника отдела внешних сношений НКО полковника Осетрова об ультимативных требованиях Германии к Польше. Эта информация поражает откровенным цинизмом. На рассвете 31 августа переодетые в польскую форму немецкие солдаты совершили нападение на радиостанцию в немецком городе Глейвице, создав тем самым предлог к агрессии против Польши и развязыванию второй мировой войны.

В то время, когда война уже полыхала в полную силу, Кестринг как ни в чем не бывало информировал советского союзника лишь о предполагаемой расправе над Польшей.

Лицемерие и коварство немецкой стороны наглядно демонстрирует и документ, подписанный 4-м оберквартирмейстером. Не пройдет и двух лет, как «добрые воинские отношения с солдатами Советского Союза» обернутся для миллионов из них трагедией.

Пока же, как говорится в документе, подписанном начальником разведки 19-го армейского корпуса Нерингом, впечатление от русских

ПОД ЛОЗУНГОМ «ПАЗАРИТЫ У ВЛАСТИ!»

Гитлер начал готовить войну против Европы задолго до 1 сентября 1939 года

★ КОМИССАРНАТ
ОБОРОНЫ
МИН. ОБЩЕСТВЕННЫХ
СВЯЗЕЙ

ОТДЕЛ ВНЕШНИХ
СНОШЕНИЙ
сентябрь 1939

50454/9

Московский пер., д. № 23.
М. 2-61-00.

СЕКРЕТАРИАТ
5-е УПРАВЛЕНИЕ РККА
Вх. № 6382.

114 111

СЕКРЕТНО

э.к. № 7

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР
НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ РККА
ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КОМДИВУ И. И. ПРОСКУРОВУ

1-го сентября с.г. посетил Отдел Внешних Сношений германский военный атташе, генерал КЕСТРИНГ и дал следующую информацию:

Воздушное сообщение Стокгольм-Берлин прекращено. Для наших пяти командиров, которые полетят на самолете в Стокгольм будет выслан самолет из Берлина в Стокгольм после нашего сообщения о времени вылета этих командиров из Москвы.

2) Немецкое правительство сообщило, через Англию, что оно готово немедленно начать переговоры с Польшей, выставив следующие требования:

- а) Польша должна передать Германии г. Данциг и корридор, ограниченный линией "Бломберг".
- б) Во избежание инцидентов, войска обеих сторон должны быть отведены.
- в) Население, проживающее за линией "Бломберг" определяет себе отношение к той или другой стороне путем голосования.
- г) Немцы согласны сохранить за Польшей порт Гдиня и обеспечить территориальную связь этого порта с польской территорией.
- д) Данциг и Гдиня не должны иметь укреплений и вооружений.

В заключение КЕСТРИНГ заявил — "Мы принимаем все меры, чтобы избежать кровопролитной бойни, но если поляки не согласятся с нашими предложениями, то наши войска в четыре недели перевернут всю Польшу."

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ВНЕШНИХ
СНОШЕНИЙ НКО — ПОЛКОВНИК
/ОСЕТРОВ/

офицеров и войск благоприятное. Самое же главное состоит в том, что «в основном русские офицеры высказывали удовлетворение решением германо-русского вопроса и признание успехов германской армии». Оказываются, русские офицеры не были вне политики. Так же,

как не были они вне политики все последующие десятилетия. Правда, они всегда являлись слепыми проводниками политики, которую выработывали без их ведома. Наиболее яркий пример — их участие в гражданской войне в Афганистане. Не оказаться бы нам в ситуации 1939 года снова!

Дальнейшие планы агрессии германского фашизма в оценке сотрудника германского министерства иностранных дел Клейста

2. 5. [19]39 г. д[окто]р Клейст, ближайший сотрудник германского имперского министра иностранных дел и член бюро Риббентропа, остановился в Варшаве. В одной из своих бесед Клейст нарисовал следующую картину политической обстановки:

«По собственному высказыванию Гитлера, сделанному им в разговоре с Риббентропом, Германия переживает в настоящий момент этап своего абсолютного военного закрепления на Востоке, которое, невзирая на идеологические соображения, должно быть достигнуто какими угодно средствами. За беспощадным очищением Востока следует «западный этап», который должен будет окончиться поражением Франции и Англии, будь то военным или политическим путем. Лишь после этого можно будет рассчитывать на осуществимость разгрома Советского Союза...

В настоящее время мы еще находимся в стадии военного закрепления Востока. На очереди стоит Польша. Уже мартовские мероприятия Германии — создание протектората в Богемии и Моравии, образование Словацкого государства, присоединение Мемельской области — были направлены против Польши. Примерно в феврале м[еся]це Гитлер заявил, что прежним путем договоренности Польшу нельзя завоевать на свою сторону. Он решил, таким образом, что необходимо силой поставить Польшу на колени.

Узкому кругу доверенных лиц Гитлера было известно, что последнее германское предложение будет отвергнуто Польшей. Гитлер и Риббентроп были убеждены, что по соображениям внутренней и внешней политики польское правительство не сможет принять германские требования.

Только по этой причине Германия могла вставить в свое предложение пункт о гарантии неприкосновенности границ на 25 лет. Германские расчеты оказались правильными. В силу отказа Польши мы получили по отношению к ней свободу рук.

Если Польша не согласится с германскими предложениями и не капитулирует в ближайшие недели, что вряд ли можно предположить, то в июле-августе она будет подвергнута военному нападению. Польский генеральный штаб рассчитывает, что военные действия могут начаться осенью, после снятия урожая. Путем внезапности

мы надеемся смять Польшу и достичь быстрого успеха. Большое стратегическое сопротивление польской армии должно быть сломлено в 8-14 дней. Нападение на Польшу должно вестись одновременно: с германской восточной границы, из Словакии, Карпатской Украины и В[осточной] Пруссии. Наступление должно вестись самым яростным образом и, как мыслят в германском генеральном штабе, должно привести к ошеломляющему успеху. Оставшиеся очаги сопротивления, которые, без сомнения, будут еще по всей стране и не в малом количестве, должны подавляться самым беспощадным образом, но уже в малой войне, не имеющей серьезного значения...

Подготовка [выступления] Германии против Польши отложена на июль-август. Военные мероприятия будут предприняты лишь незадолго до выступления. Они должны быть осуществлены основательно и полно, при строжайшем соблюдении маскировки. Политико-пропагандистская подготовка еще только начинает разворачиваться. В настоящее время составляется материал для пропагандистской атаки против Польши. На переднем плане стоят следующие темы. Под лозунгом «Польша — второе мозаичное государство» надо будет заклеить террористическую и опасную национальную политику Польши; под лозунгом «Польша — государство реакции и упадка» надо будет вскрыть нищету польского крестьянства, культурную отсталость страны, феодальный способ ведения хозяйства и голодное существование польского населения; под лозунгом «Паразиты у власти!» необходимо будет изобразить разложение господствующей верхушки Польши, продажность польских руководителей, их декадентство и классовую оторванность от широких масс населения. Разрабатываются и другие, подобные этим, темы, которые должны быть составлены в тезисах и в надлежащее время опубликованы в прессе. Цель этой кампании — воздействие на мировое общественное мнение и на польское население. Надо будет добиться раскола внутри польской нации и недовольства польским руководством со стороны населения, используя для этого классовые противоречия. Кто будет играть польскую роль Бенеша, пока еще не ясно. Рыдзы-Смыглы, пожалуй, не подойдет для этой роли.

Подготовка выступления против Польши

путем пропаганды займет около двух месяцев.

Идеальным было бы, если бы конфликт с Польшей был вызван не со стороны Германии. В настоящее время мы в Берлине обсуждаем вопрос вовлечения в это дело [Западной] Украины. С Волошиным и Ревай условлено относительно узаконения широкой автономии Карпатской Украины в рамках венгерского государства. Этим самым мы снова завоевали бы доверие украинских масс в Восточной Галиции и укрепили бы потрепанную боевую мощь украинцев. Специальной обработки украинских руководящих кругов не требуется, ибо последние события ни в коей мере не поколебали их преданности Берлину. Осуществив такого рода подготовку, мы сможем затем дать Западной Украине сигнал к восстанию. Из Словакии и Карпатской Украины мы смогли бы тогда направить туда большие партии оружия и боеприпасов, а также хорошо подготовленные организации сичевиков. Между Берлином и Львовом установлен такой тесный контакт, что относительно массового восстания [на] Украине не может быть сомнения. Созданный таким образом очаг беспокойства на Украине дает Германии повод для военного вмешательства в крупных размерах. Весь этот проект вызывает в Германии только одно опасение — возможное реагирование Советского Союза. В случае конфликта мы хотим при любых обстоятельствах добиться нейтралитета СССР. Но мне кажется, что создание независимой Украины в Восточной Галиции повлечет за собой вмешательство Советского Союза. Если в ближайшее время мы убедимся в обратном, то украинский фактор будет нами введен в действие...

Мы придерживаемся мнения, что конфликт с Польшей можно локализовать. Англия и Франция по-прежнему не готовы к выступлению на стороне Польши. Если мы в короткий срок слошим главное сопротивление Польши, то Англия продемонстрирует своим флотом, Франция побряцает оружием за своей линией Мажино. На этом дело и кончится. Если же вопреки ожиданиям европейская война в связи с выступлением против Польши окажется вероятным фактом, то тогда мы будем знать, что германский удар по Польше послужит для западных государств лишь поводом к войне против Германии, что превентивная война против Германии — дело решенное. В таком случае Гитлер готов отжаться на большую дискуссию. Во всяком случае мы

не дадим спровоцировать себя в невыгодное для нас время. Выбор момента действия мы оставили за собой. В настоящее время мы не решились бы ввязываться в европейскую войну вследствие нашей недостаточной подготовленности и маловыгодной для нас международной обстановки; однако за три-четыре месяца мы сможем быть полностью готовыми. Германское командование убеждено в своей победе, решающий момент которой будет за нашей авиацией. По расчетам германских военных специалистов, все английские порты могут быть разрушены в течение шести часов. Опустошающее действие германской авиации до сего времени было продемонстрировано лишь один раз: в испанской гражданской войне под Герникой. Успех был потрясающий. Город сровнялся с землей. В этом свете покорение Франции и Англии представляется не слишком трудным делом. Америка со своим вмешательством не успеет вовремя, а Советский Союз окажется нейтральным.

Для нанесения удара по Польше в Берлине в настоящее время снова начали интенсивно заниматься Южным Востоком. Мы должны ближе подойти к Румынии. Гафенку рассыпался в Берлине хорошими фразами, а в Лондоне и Париже занимался антигерманской политикой. Следовательно, таким способом мы не добьемся нашей цели. Требуется непосредственное давление на Бухарест. С этой целью мы хотим ликвидировать самостоятельную Словакию, присоединив ее к Венгрии. Словакия и без того является нежизнеспособной, ее руководство неспособным, а словацкий народ в высшей степени неуверенным. Отдав Венгрии Словакию, мы установим над Венгрией германский протекторат и таким образом сможем выдвинуть свои войска к румынской границе. Румыния капитулирует...

В Прибалтийских государствах мы считываем достичь этой же цели иным путем. Здесь не потребуются применения силы или угрозы. Мы будем вести хозяйственные переговоры с Литвой, соблюдая лояльность и любезность. Таким способом мы достигнем нейтралитета Прибалтийских государств, т[о] е[сть] их решительного отхода от Советского Союза. Нейтралитет прибалтов в случае войны для нас так же важен, как нейтралитет Бельгии или Голландии. Когда-нибудь позднее, когда у нас будет подходящий для этого момент, мы сможем нарушить его, но в силу заключенных нами ранее пактов о ненападении мы избежим автоматического вмешательства Советского Союза.

Итак, выступление против Польши намечается на июль или август. Если же поляки спровоцируют превентивную войну ранее этого срока, то дело будет обстоять иначе. Ответим ли мы на эту провокацию решительным выступлением, будет зависеть от решения фюрера и его оценки международной обстановки. Во всяком случае для нас будет неприятно, если поляки вынудят нас к войне в настоящий момент, когда международная обстановка не благоприятствует нам и наша подготовка к войне еще не закончена».

Верно: вр[еменно исполняющий обязанности] зам[естителя] начальника 1-го отдела 5-го управления РККА военный инженер 1 ранга Панфилов
РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1237, лл. 269-274.

Телеграфная станция 537-го полка связи
Принято 2. 9. 1939 г. 18. 52.
От ОКВ
Для ГА «Север», Польшин.

Главное командование вермахта сообщает:
Во второй половине дня 1. 9 германские войска успешно развивали наступление на всех фронтах. Сегодня утром передвижение войск везде продолжалось. Яблунковский перевал был быстро захвачен.

В ходе действий авиации на подвергшихся ударам и разрушенным польских аэродромах было уничтожено большое количество самолетов противника.

Отдел пропаганды ОКВ
Подписал фон Ведель

Телеграфная станция ГА «Север»
Принято: 17. 9. 1939 г. 20. 30.

От 4-го обер-квартирмейстера.
Для ГА «Север», ГА «Юг».

Объявить в войсках:

Сегодня утром войска Советского Союза перешли польскую границу в западном направлении. Вскоре германские и советские войска встретятся на демаркационной линии.

Везде, где произойдет встреча, направить от батальона и выше к русским войскам германского офицера для передачи в письменной или устной форме следующего заявления на русском языке:

«Германская армия приветствует советские войска. Мы, солдаты, желаем установить добрые воинские отношения с солдатами Советского Союза. Мы всегда уважали русских солдат. Так должно быть и в будущем».

В остальном следует, сохраняя полную вежливость, ограничить отношения германских и советских войск на демаркационной линии лишь служебной необходимостью.

4-й оберквартирмейстер

Штаб 19 АК
Начальник разведки

Бишофштайн, 26. 9. 1939 г.

Содержание: впечатление от русских офицеров и войск.
Для штаб[а] 4 А, отдел[а] разведки/иностранные армии Востока

Арис

В связи с переговорами о передаче Бреста и выводе войск с оккупированной территории до демаркационной линии в штабе корпуса проводились встречи со следующими русскими представителями:

1. Командир входившей в Брест танковой бригады комбриг Кривошин*.
2. Капитан артиллерии — офицер связи, прибывший 21. 9 в Брест по приказу командира бригады.
3. Политкомиссар, сопровождавший офицера связи.

Из войсковых частей наблюдался танковый батальон, входивший в Брест 22. 9.

Встреч со штабом в полном составе не было, поэтому наблюдений такого рода не имеется.

Подробных данных о группировке русских войск получено не было. Впечатление от обоих офицеров таково, что они, без сомнения, находчивые и способные люди, обладающие определенными знаниями. Они вели себя уверенно и с достоинством, но весьма сдержанно.

Если первые переговоры с офицером связи проводились в присутствии политкомиссара, то командир бригады прибыл один, даже без адъютанта.

Русский генерал вел переговоры в Бресте уверенно и твердо, однако создалось впечатление, что он не самостоятелен в своих решениях, а весьма скован указаниями оставшегося в тени командира более высокого ранга. В основном русские офицеры высказывали удовлетворение решением германо-русского вопроса и признание успехов германской армии.

Войска. Запомнилось неединообразное и весьма неопрятное обмундирование русских танкистов. Однако делать какой-либо вывод из этого нельзя, так как неизвестно, сколько времени эта часть находилась на марше.

Дисциплина строя подразделений оставляет сносное впечатление. Часть солдат выглядит вполне культурно. Военнослужащие специальных частей, вероятно, проходят специальный отбор.

Танки имеют на вооружении только 37-мм или 47-мм пушку без пулеметов, некоторые оснащены зенитным пулеметом, который, однако, установлен наверху без броневой защиты.

За штаб корпуса,
начальника штаба
подписал Неринг

С подлинным верно: майор Мантей.

ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12451, д. 2553, лл. 8-11.

*Публикация полковника В. А. ПРОНЬКО,
кандидата исторических наук*

* Так в тексте. Правильно — С. М. Кривошин.

ФОРМА ОДЕЖДЫ - МУНДИР ОТЕЧЕСТВА

Обер-офицер Белорусского гусарского полка.
1811-1813 гг.

Рядовой Гродненского гусарского полка.
1811-1813 гг.

ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Обер-офицер Сумского гусарского полка.
1811-1813 гг.

Обер-офицер Изюмского гусарского полка.
1811-1813 гг.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В первом полугодии 1994 года
цена одного экземпляра нашего журнала
для подписчиков по каталогу установлена 400 руб.
Индекс 70137.

Плата за прием подписки и доставку
назначается почтой.

Часть тиража реализуется по свободной цене.

В случае возникновения затруднений
в оформлении подписки
и получении журнала

сообщите в издательство по телефону 941-39-52.

Индекс 70137

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

9 1993

1-96

В 1994 году в нашем журнале будут опубликованы:

- «ВОСПОМИНАНИЯ КАМЕР-ПАЖА» — мемуары генерал-майора Б. А. Энгельгардта, председателя военной комиссии IV Государственной думы.

- «КОНЕЦ ИМПЕРИИ, РЕВОЛЮЦИЯ И НАЧАЛО БОЛЬШЕВИЗМА» — главы из неопубликованной рукописи генерал-майора М. А. Иностранцева, профессора Николаевской императорской академии Генерального штаба.

- «ВОИТЕЛИ ИЗ РОДА ПОЛИВАНОВЫХ» — документальный рассказ о судьбах двадцати восьми поколений защитников Отечества и трагической участи одного из последних представителей древнего рода, основанного татарским князем Кочевым Карапчаквым, поступившим на военную службу к великому князю Дмитрию Донскому.

- «ЖАРКОЕ ЛЕТО В КАИРЕ» — воспоминания бывшего начальника штаба Главного военного советника в Египте генерал-лейтенанта в отставке Е. И. Малашенко об арабо-израильской войне 1967 года.